

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки



3'2021

Казань 2021

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – ГНБУ "Академия наук Республики Татарстан"

Основан в январе 1995 г.
Выходит четыре раза в год

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00(исторические науки), 10.00.00(филологические науки),22.00.00(социологические науки)

Главный редактор – академик АН РТ **М.Х. Салахов**
Заместитель главного редактора –
директор Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ,
академик АН РТ **И.А. Гилязов**

Редакционная коллегия:

Бальдауф Ингеборг, профессор (Берлин),
Вашари Иштван, профессор (Будапешт),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Загидуллина Д.Ф., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Ильдарханова Ф.А., доктор социологических наук, доцент (Казань),
Кирхнер Марк, профессор (Гиссен),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Ситдииков А.Г., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шайдуллин Р.В., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, профессор (Мэдисон)

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 238-35-82
E-mail: info-ite@mail.ru
(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 30.09.2021.
Формат 70x108 1/16.
Бумага офсетная.
Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательстве «Фэн»
Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
Тел.: (843) 292-49-14

Переводчик **И. Шакиров**
Компьютерная верстка **В. Левин**

© Коллектив авторов, 2021
© Академия наук РТ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- 5 **Миронова Е.В.** Из истории Алексеевского приюта в Лаишевском уезде
- 11 **Мухаметшина Л.Т.** Традиционная культура шошминских удмуртов Республики Татарстан в свете этнокультурных контактов с другими народами
- 18 **Миниханов Ф.Г.** Роль печати ТАССР в борьбе с голодом 1921–1922 гг.
- 29 **Насибуллина А.Б.** Особенности коллективизации в районах ТАССР на примере раскулачивания крестьян села Кирби Лаишевского района (по материалам архивных документов за 1932 г.)
- 36 **Валиуллин И.Р.** Страницы биографии ответственного секретаря Татарского обкома РКП(б) Дмитрия Егоровича Живова
- 44 **Галимуллина Г.Х.** Восстановление сел и колхозов в послевоенный период (на примере колхоза «Алга» с. Кирби Лаишевского района РТ)
- 49 **Асрутдинова Р.А.** История становления и развития колхоза имени Мулланура Вахитова Алексеевского района РТ
- 52 **Аскарова Л.Р.** Лениногорск – город, рожденный нефтью
- 57 **Галиева Л.К.** Төбәкчелек белеме һәм төбәк энциклопедиясе («Буа энциклопедиясе» мисалында)
- 61 **Хисамиева Г.Н.** Вопросы содержательного наполнения контента онлайн-энциклопедии TATARICA 2.0

СОЦИОЛОГИЯ

- 66 **Садыкова Р.Б.** Социально-экономическое положение населения Татарской АССР в 1960–1980-е гг. (по материалам социологических опросов)

ФИЛОЛОГИЯ

- 78 **Миннуллина Ф.Х.** Новые явления в татарской драматургии конца XX – начала XXI вв.

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ. КОНФЕРЕНЦИИ

- 89 **Кореева Н.А.** Всероссийская научно-практическая, историко-краеведческая конференция «Муслюмовский район и восточный Татарстан: от прошлого к настоящему (этнокультурное развитие, языки, традиции и новации)»
- 94 **Суслов А.Ю.** Новый биографический справочник о докторрах наук, профессорах Казанского технологического университета

CONTENTS

HISTORY

- 5 **Mironova E.V.** From the history of the Alekseevsky shelter in Laishev district
- 11 **Mukhametshina L.T.** Traditional culture of the shoshmin udmurts of the Republic of Tatarstan in the light of ethno-cultural contacts with other nation
- 18 **Minikhanov F.G.** The role of the TASSR press in the fight against the hunger of 1921–1922.
- 29 **Nasibullina A.B.** Features of collectivization in the regions of the TASSR on the example of dekulakization of farmers in KIRBY village of Laishevsky district (based on archival documents for 1932)
- 36 **Valiullin I.R.** The biography of the executive secretary of the Tatar regional committee of the RCP (b) Dmitry Yegorovich Zhivov
- 44 **Galimullina G.Kh.** Reconstruction of villages and collective farms in the post-war period (on the example of the «Alga» collective farm in the Kirbi village Laishevsky district of the Republic of Tatarstan)
- 49 **Asrutdinova R.A.** The history of the formation and development of the collective farm named after Mullanur Vakhitov, Alekseevsky district of the Republic of Tatarstan
- 52 **Askarova L.R.** Leninogorsk – a city born of oil
- 57 **Galieva L.K.** Local history and regional encyclopedia (on the example of the «Buinsk encyclopedia»)
- 61 **Khisamieva G.N.** The issue of the online encyclopedia TATARICA 2.0 content

SOCIOLOGY

- 66 **Sadykova R.B.** Socio-economic situation of the population of the TATAR ASSR in the 1960s–1980s (based on the materials of sociological surveys)

PHILOLOGY

- 78 **Minnullina F.Kh.** New phenomena in the Tatar drama of the late XX – early XXI centuries.

NEW BOOKS. REWIEWS. CONFERENCES

- 89 **Koreeva N.A.** All-Russian scientific-practical, historical and local history conference «Muslyumovsky district and eastern Tatarstan: from the past to the present (ethnocultural development, languages, traditions and innovations)»
- 94 **Suslov A.Yu.** New biographical directory of doctors, professors of the Kazan Technological University

ИЗ ИСТОРИИ АЛЕКСЕЕВСКОГО ПРИЮТА В ЛАИШЕВСКОМ УЕЗДЕ

Миронова Е. В., кандидат исторических наук

FROM THE HISTORY OF THE ALEKSEEVSKY SHELTER IN LAISHEV DISTRICT

Mironova E. V.

Социальная благотворительность в Казанской губернии не является новой темой в трудах историков Поволжья. По данной проблематике существуют целые монографии¹, статьи² и сборники документов³. Авторы рассматривают деятельность благотворительных организаций, а также отдельных меценатов, выделявших средства на содержание, лечение и образование нуждающихся слоев населения в городах и уездах Казанской губернии.

Одной из сфер для пожертвованных было призрение детей, оставшихся без родителей. Данному вопросу посвящены работы некоторых казанских исследователей, в деталях раскрывающих систему организации попечения сирот и отмечающих постепенный переход этой отрасли из ведения государства в руки местного самоуправления и целого ряда общественных учреждений⁴.

Широкое распространение сиротских домов в Поволжье приходится на последнее десятилетие XIX столетия, когда голод начала 1890-х гг. привел к высокой смертности среди крестьян и росту количества беспри-

зорных. Чтобы как-то помочь детям, оставшимся без попечения родителей, сельские общества совместно с земствами и частными благотворителями открывали приюты. Наряду с временными пристанищами, призванными обеспечить сирот кровом и хлебом только на период бедствия, учреждались детдома, в которых шло обучение различным видам трудовой деятельности, необходимым во взрослой жизни.

Открытые в 1890-х гг. приюты оказались жизнеспособными и функционировали десятилетиями. К 1916 г. в Казанской губернии насчитывалось 28 заведений для призрения малолетних. 10 из них находились в сельской местности – это Ольгинские детские приюты (в д. Бутлеровка Лаишевского уезда, д. Халаньевка Спасского уезда), Кривозерский земский сиротский приют (в с. Кривозерки Чистопольского уезда) и др.⁵ В большинство приютов попадали дети 7–15 лет. Они обучались в земской или любой другой школе, находившейся в селении. Кроме того, воспитанники занимались ремеслом либо сельским

хозяйством, огородничеством и садоводством. Но доход от трудовой деятельности расходовался не на повседневные нужды приюта, а откладывался в фонд, откуда выпускники получали средства на дальнейшую жизнь.

Именно тогда, в 90-х гг. XIX столетия, и получили развитие идеи создания приютов, которые обеспечивали бы себя сами. Автором работ на эту тему стал земский начальник Камышинского уезда Саратовской губернии Николай Николаевич Жеденов⁶. Он полагал, что воспитанники должны самостоятельно изыскивать средства на свое содержание, занимаясь кустарными промыслами или земледелием. И хотя детдома, основанные по принципу самообеспечения, встретили жесткое противодействие со стороны целых групп населения – начиная от рядовых общинников, не желавших платить за содержание сирот, и заканчивая интеллигенцией, обвинявшей в эксплуатации детского труда, такие учреждения появлялись в Казанской, Пермской, Пензенской и других губерниях.

Идеи Жеденова были взяты за основу при открытии сельскохозяйственного приюта в селе Алексеевском Лаишевского уезда⁷. Инициатором выступил местный землевладелец и земский начальник Николай Александрович Казем-Бек (1865–1918). По долгу службы он не понаслышке был знаком с преступностью в подростковой среде. Например, в 1894 г. из детей в возрасте 14–19 лет, осужденных волостными судами его участка, 64% составляли

беспризорники. Кроме того, безнадзорный образ жизни толкал детей к повторным правонарушениям. Так, Казем-Беку за время судебной практики пришлось осудить 13 подростков, большая часть которых была рецидивистами⁸.

Заметим, что в своем решении открыть приют дворянин мог руководствоваться не только практическими соображениями. Проблему сирот Николай Александрович переживал как личную. Будучи внебрачным сыном, он был отдан родителями на воспитание в чужую семью. И только спустя 10 лет дети от официального брака признали с ним родство, и он получил право на ношение фамилии Казем-Бек.

В отличие от саратовского коллеги, Казем-Беку удалось заручиться поддержкой уездного земства. Так, гласный А. П. Горталов высказал мысль, что «...следовало бы прийти на помощь такому учреждению, как школа-приют»⁹. И с разрешения казанского губернатора в 1893 г. в Лаишевском уезде был открыт Алексеевский волостной приют. Первоначально он разместился в небольшой наемной избе. Но уже через полтора года был куплен просторный двухэтажный полукаменный дом с надворными постройками. Поскольку дом приобретался в рассрочку, земством были привлечены пожертвования, и первый платеж осуществлен на средства купца О. Я. Молоткова, выдавшего 500 рублей в качестве беспроцентной ссуды. И в октябре 1895 г. приют отпраздновал новоселье.

С приобретением нового здания финансовые расходы приюта выро-

сли. Получение более вместительного дома позволило увеличить количество призреваемых, также, кроме учительницы, был приглашен учитель. А для хозяйственных нужд возведены дополнительные строения. Учитывая финансовые запросы приюта, в 1898 г. земство почти вдвое увеличило ассигнования – с 216 до 450 рублей. И если ранее средства шли на наем персонала, то теперь – на содержание земских стипендиатов. Отметим, что гласные настолько симпатизировали данному приюту, что в уездном собрании звучали предложения об увеличении земского пособия до 900 рублей, но в силу ограниченности средств остановились на сумме в два раза меньше. Помимо денежной помощи, земство обеспечивало бесплатный отпуск лекарств из своей аптеки. Из волостного правления ежегодные отчисления составляли 215 рублей.

Тем не менее, этих сумм было недостаточно. В первые годы существования приюта администрация нанимала прислугу: работника – для выполнения тяжелого физического труда, стряпуху и помощницу – для стирки белья и выпекания хлеба, няньку – для ухода за больными. Когда же сироты стали подрастать, то их постепенно приобщали к ведению хозяйства. А со временем часть средств на содержание приюта воспитанники зарабатывали сами.

В 1895 г. Казем-Бек на кредит от Государственного банка купил для приюта конную чесальную машину. Предпринятый опыт оказался удачным, и в первый же год выручка составила 261 руб. Успех

объяснялся высоким спросом на «ческу шерсти», так как все женское население Алексеевской волости занималось прядением. Свою продукцию пряжи сбывали на Ирбитской, Нижегородской, Тюменской и Симбирской ярмарках, получая совокупную прибыль около 65 тыс. руб. в год. В дальнейшем ожидалось увеличить доход приюта за счет приобретения еще одной машины – по переработке шерсти в пряжу. Так, пробная продажа собственной пряжи на Нижегородской ярмарке летом 1896 г. принесла приюту 80 руб.¹⁰

Кроме доходного шерстопрядения, дети были заняты ведением самостоятельного крестьянского хозяйства и выполнением повседневных мелких работ по дому. Девочки занимались рукоделием, а также присматривали за младшими сиротами, шили для них одежду; мальчики обучались столярному и сапожному ремеслам, благодаря чему изготавливали различные поделки для домашнего обихода – чинили обувь и мебель (столы, скамейки и т.д.). Из части доходов с продажи рукодельных изделий формировался фонд, откуда выпускницам выдавалось приданое и вещи, необходимые в домашнем обиходе, а юношам – подъемные деньги в размере 50–75 руб. для организации собственного крестьянского хозяйства.

Летом дети постарше трудились на арендуемой земле. По замечанию Казем-Бека, все работы в поле, а в особенности жнитво, исполнялись воспитанниками с большим рвением. Хотя первые 4 года приходилось прибегать к найму работ-

ника, поскольку принятые сироты были младше 10 лет и выполнять какие-либо трудные работы в поле не могли.

До 1897 г. доход с земли не окупал всех затрат на аренду и наем работника, к тому же это были клочки в разных местах, взятые у крестьян по дорогой цене. Со временем приют стал арендовать 70 казенных десятин у местной землевладелицы на довольно выгодных условиях. Это позволило не только засеять часть надела, но также отвести участок под яровой посев будущего года и даже организовать опытное поле под управлением губернского агронома.

Все эти умения – от ведения домашнего хозяйства до земледелия и ремесел – должны были помочь выпускникам обустроиться в будущей взрослой жизни. В уставе приюта так и прописывалось, что цель учреждения не столько образовательная, сколько воспитательная. Овладевая трудовыми навыками, дети не только приобретали возможность зарабатывать себе на жизнь, но и приучались к бережливости и заботливости, тем самым из них формировались социально ответственные и полезные обществу люди. Но кроме земледелия и ремесел, дети получали общеобразовательные знания: девочки – в Алексеевском женском училище, мальчики – непосредственно в приюте, занимаясь с учителем.

Приют постоянно рос: кроме жилого дома, появились надворные постройки для хозяйственных нужд (птичник, хлев, баня, погреб, 2 хлебных амбара и помещения для конной чесальной машины), арен-

довалось помещение для столярной мастерской, а в 1897 г. Алексеевский волостной сход принял приговор об ассигновании беспроцентной ссуды на строительство отдельного помещения для мальчиков старше 10 лет.

Для этих целей Казем-Бек сумел добиться получения из отдела экономики министерства финансов беспроцентной ссуды в размере 600 руб. сроком на 3 года. Поручителем выступил Алексеевский волостной сход. Надо сказать, что общество села Алексеевского в это же время при участии Н. А. Казем-Бека совершенно бесплатно отдало помещение для народной библиотеки-читальни, капитал под которую завещал покойный крупнейший русский книгоиздатель Ф. Ф. Павленков.

Также на содержание воспитанников активно привлекались частные пожертвования, составлявшие сравнительно большую сумму. Только за один 1897 г. поступило от благодетелей 1356 руб. Некоторые сочувствующие делу приюта приносили продовольствие (муку, горох), ситец и пр.

Однако с уходом Казем-Бека с должности земского начальника в 1898 г. приют лишился не только руководителя, но и авторитетного покровителя, способного привлекать финансы. Более того, в начале XX в. землевладелец столкнулся с серьезными денежными трудностями. По его свидетельству, столыпинская реформа стала причиной его банкротства. И дворянин уже не мог заниматься общественной работой. Тем не менее приюту было присвоено имя Казем-Бека в знак признания

его личных заслуг. Ведь все знали, что даже личная трагедия, которая случилась с ним уже через год после открытия школы, не заставила бросить начатое дело – в 1894 г., на 17-й день после свадьбы, погибла его супруга, утонув на обратном пути из села Алексеевского, где молодой Николай показывал устроенный им приют.

Оставшись без поддержки поручителя, Алексеевский волостной сход отказался от уплаты ссуды в размере 600 руб., выданной отделом экономии министерства государственных имуществ. А в 1908 г. приговором от 20 апреля сельские жители и вовсе отказались от уплаты ссуды. Дальнейшее функционирование данного учреждения стало возможным благодаря бесперебойному финансированию со стороны земства, но поиском дополнительных средств для реализации новых проектов по развитию приюта (как, впрочем, и разработкой самих проектов) заниматься стало уже некому. В уездную управу неоднократно по-

ступали заявления администрации приюта о необходимости увеличения материальной помощи. В связи с чем земство ходатайствовало о ежегодном пособии перед Романовским комитетом, созданным в годы Первой мировой войны с целью поддержки сирот «сельского состояния».

Таким образом, Алексеевский волостной приют стал результатом работы сразу нескольких звеньев местного управления – уездного земства, волостного схода, земского начальника. Крестьяне поддержали идею, и какое-то время исправно вносили сборы на содержание приюта. Земство ассигновало довольно большие денежные суммы. А Казем-Бек стал не просто инициатором открытия, но и равнодушным попечителем. И если в Саратовской губернии противодействие приюту носило открытый характер, то в рассмотренном случае смена руководителя помешала полностью реализовать идею самообеспечения. С 1916 г. упоминания о приюте не встречается.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru.

Аннотация: В Казанской губернии после голода начала 1890-х гг. появилось много беспризорных, которые совершали преступления. Идея, предложенная саратовским земским начальником Н. Н. Жеденовым об организации детских приютов, основанных на принципе самообеспечения, могла решить эту проблему. Лаишевский помещик Н. А. Казем-Бек организовал такой приют в селе Алексеевском. Привлекая помощь извне, он смог обеспечить эффективное функционирование приюта. Но после его ухода с должности земского начальника и разорения дополнительное финансирование уменьшилось, и приют стал испытывать трудности. Во многом успешная деятельность приюта была обусловлена слаженным взаимодействием земства, волостного самоуправления и земского начальника. Но смена попечителя стала сильным ударом для приюта и с 1916 г. он уже не упоминается в источниках.

Ключевые слова: Казанская губерния, Лаишевский уезд, Алексеевский приют, Н. А. Казем-Бек, Н. Н. Жеденов.

Abstract: In Kazan province, after the famine of the early 1890s, there were many homeless people who committed crimes. The idea proposed by the Saratov Zemstvo chief N. N. Zhedenov about the organization of children's shelters based on the principle of self-sufficiency could solve this problem. Laishevsky landowner N. A. Kazem-Bek organized such a shelter in the village of Alekseevsky. By attracting outside help, he was able to ensure the effective functioning of the shelter. But after his departure from the position of the Zemstvo chief and ruin, additional funding decreased, and the shelter began to experience difficulties. In many ways, the successful operation of the shelter was due to the well-coordinated interaction of the Zemstvo, volost self-government and the Zemstvo chief. But the change of Trustee was a strong blow for the orphanage and since 1916 it is no longer mentioned in the sources.

Key words: Kazan province, Laishev district, Alekseevsky shelter, N. A. Kazem-Bek, N. N. Zhedenov.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Милюков И. И. Проповедники милосердия: [о деятельности казанских благотворительных организаций (заведений, обществ) второй половины XIX – начала XX веков]. – Казань: Отечество, 2009; Таиров Н. И.

Татарская буржуазия Поволжья и Приуралья: социальная деятельность, благотворительность и меценатство (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Казань: [Изд-во КГУКИ], 2011.

2 Ермаков В. В. Социальная благотворительность в Прикамье в XIX – начале XX в. // Власть. 2011. № 12; Зиннатуллина Д. Г. Роль частной инициативы в развитии системы общественного призрения Казанской губернии // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4; Рафикова Г. Э. Питомнический промысел деревень Казанского и Лаишевского уездов Казанской губернии в начале XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. № 4. С. 185–192.

3 У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани XVIII – нач. XX вв.): Сб. док. и материалов: в 2 т. / Сост.: А. М. Дмитриева и др. – Казань: Гасыр, 2002.

4 Рафикова Г. Э. Развитие государственного и общественного призрения детей-сирот в XIX – начале XX в. (по материалам г. Казани): автореф. ... к. и. н. – Казань, 2013; Зиятдинова Д. Г. Деятельность Казанского Приказа общественного призрения (1781–1869 гг.): автореф. ... к. и. н. – Казань, 2009.

5 Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения / сост. Канцелярией Совета министров (по Романов. ком.). – Пг.: Гос. тип., 1916. С. 96, 102.

6 Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. С 5-ю рисунками и с 5-ю планами. – СПб.: кн. Маг. Н. Фену и Ко, 1896; Жеденов Н. Н. Общественное призрение детей на началах самостоятельного их существования в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. Изд. 2. – Саратов, 1894.

7 Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 395, оп. 1, д. 648, л. 3 об.

8 Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Лито-тип. И. Н. Харитоновна, 1897. С. 4.

9 Постановления Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося в заседаниях: экстренном 10 августа и XXX очередном с 3 по 10 октября 1894 г. – Казань: Скоропечатня Л. П. Антонова, 1895. С. 8.

10 РГИА, ф. 395, оп. 1, д. 648, л. 1.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ШОШМИНСКИХ УДМУРТОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В СВЕТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ

Мухаметшина Л. Т.

TRADITIONAL CULTURE OF THE SHOSHMIN UDMURTS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN THE LIGHT OF ETHNO-CULTURAL CONTACTS WITH OTHER NATION

Mukhametshina L. T.

Республика Татарстан один из самых многонациональных регионов России. По данным портала Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана здесь в мире и согласии проживают представители 173 национальностей¹. Среди всех народов республики наиболее многочисленными являются татары (53,2%, данные на 1 января 2017 г.), второе место занимают русские (39,7%), третье – чуваша (3,1%), на четвертом расположились удмурты и мордва (по 0,6%). В культурах народов Татарстана есть много общего, но в то же время они имеют отличительные черты, позволяющие каждой из национальностей сохранить свои особенности и традиции. В сложившихся условиях большой интерес исследователей вызывает процесс межкультурного взаимодействия народов, проживающих по соседству, в пределах одного региона, их взаимовлияния.

В многонациональном обществе Татарстана остро ощущается необ-

ходимость комплексного исследования, посвященного социокультурной составляющей этнической истории и самобытно-традиционной повседневности населяющих республику народов. С целью восполнения этого пробела сотрудники Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан приступили к разработке иллюстрированной энциклопедии «Народы Татарстана». В настоящее время подготовлен словарь энциклопедии². Его особенности³, а также концепция и методология издания⁴ уже проанализированы нами в сопоставлении с тематическими энциклопедиями о народах РФ. В данной статье мы остановимся на особенностях этнокультурных контактов шошминских удмуртов, проживающих в Балтасинском районе республики, с соседними народами; проанализируем выявленные в процессе подготовки иллюстрированной энциклопедии «Народы

Татарстана» примеры влияния татарской культуры на традиционную культуру шошминских удмуртов.

Отдельных трудов ученых, описывающих духовно-материальную культуру, жизнь и быт удмуртов, достаточно много. Наиболее ранние из них изданы в конце XIX в. Исходя даже из названий этих исследований (Фукс А. А. Поездка к вотякам Казанской губернии. – СПб., 1844; Максимов С. Вотяки. – СПб., 1859; Островский Д. Вотяки Казанской губернии. – Казань, 1873 и др.) становится ясно, что шошминские удмурты в них не выделяются в отдельную группу, а рассматриваются в составе общей идентичности. Они объединены с елабужскими, кукморскими, мамадышскими удмуртами под названием «вотяки Казанской или Вятской губерний». В научных трудах советского периода шошминские удмурты обозначались как «завятские удмурты», в изданиях 1990-х гг. – «арские удмурты»⁵.

Достаточно много работ посвящено обрядовой культуре удмуртского народа⁶, описанию свадебных традиций⁷, костюмных комплексов⁸, песенного⁹ и танцевального фольклора¹⁰. Однако до сих пор не предпринималось комплексное исследование культуры шошминских удмуртов в плане ее взаимодействия с культурами других народов данного региона. Поэтому целью нашей работы стало выявление и анализ элементов татарской культуры, ставших частью традиционной культуры шошминских удмуртов Балтасинского района Республики Татарстан.

Шошминские удмурты – это часть завятских (арских) удмуртов. Расселены они вдоль бассейна р. Шошма (отсюда название), протекающей по трем соседним районам: Мари-Турекскому району Республики Марий Эл, Балтасинскому району Республики Татарстан и Малмыжскому району Кировской области. К шошминским относится и удмуртская деревня Лельвиж Кукморского района РТ. Всего насчитывается около 40 деревень. Общая численность шошминских удмуртов в Балтасинском районе не превышает 4 тыс. человек (11,9% от общей численности населения района).

Многовековое иноэтническое (в первую очередь тюркское) и иноконфессиональное (ислам, христианство) окружение привело к раннему формированию у шошминских удмуртов этнического самосознания, стремлению сохранить самобытность своего языка, обрядности и образа жизни, консервации традиционных форм культуры, способствовало сохранению древнейших песенных стилей, определило ряд их музыкальных и поэтических особенностей. «Сплав архаики с элементами инонациональной культуры (восприятие и переработка тюрко-татарских элементов) является основной чертой, характеризующей завятских удмуртов на всех уровнях – языка, быта, менталитета, материальной и духовной культуры»¹¹.

Сочетание в культурах народов, издавна населяющих земли современного Балтасинского района Республики Татарстан, нескольких типов культурных взаимовлияний

(тюркского, славяно-русского и финно-угорского) определяет уникальность этих мест, своеобразие культурных и исторических ценностей. Живя в окружении татар и русских, тесно взаимодействуя с ними, шошминские удмурты, прежде всего, стремились сохранить свои национальные особенности. Поэтому определенные фольклорные, танцевальные элементы, заимствованные из культур соседних народов, наслаивались на основу традиционной культуры шошминских удмуртов.

Наиболее ярко этот тезис иллюстрируют изменения, наблюдаемые в «Женском танце», без которого не обходится ни один праздник. На праздниках, вечерних гуляниях танец исполняется примерно в середине всеобщего веселья. Обычно ему предшествуют озорные пляски, разные молодежные игры. Все участники танца – парни, чередуясь с девушками, – встают в круг. Почетный член круга – музыкант: гармонист или скрипач. В музыкальном сопровождении удмуртских танцев преобладает песня, частушка, инструментальная музыка, исполняемая преимущественно на баяне или гармонике. Ритм подчеркивают хлопки в ладони и бытовые предме-

ты. Своеобразный шумовой эффект вносят в танец женские украшения из монет – яркая деталь народного костюма. Участники веселья громко аплодируют в такт музыке «Сестрице», вышедшей в центр круга, и обращаются к ней с частушкой. Отметим, что в прошлом управляли танцем все же мужчины: приглашали на танец девушек, пели им частушки, хлопали. Они были полноправными хозяевами происходящего. В настоящее время частушки поют все участники веселья. Но сам танец исполняется непременно только женщинами. Отсюда и его название: «Апай сямен эктон» («Женский танец»).

Сам танец является исконно удмуртским, нас же в свете рассматриваемой темы заинтересовал его припев. Вот как он звучит в оригинале:

*Ай би Насыта Анасына бырыла
Ска бия Кызыбыз кала
Бырыла Зырламасын,
Жива Дрива Зыламасын!*

Для неискушенного исполнителя припев пляски представляет собой набор не связанных между собой, непонятных, не удмуртских слов. Более вдумчивый исполнитель, мало-мальски знающий татарский язык, сможет выделить слова, имеющие определенное значение:

Удмуртский вариант в оригинале	Татарский вариант расшифровки	В переводе с татарско-удмуртского на русский язык
<i>Ай би Насыта</i>	<i>Ай биш Насыта</i>	<i>Ай танцуй, Настасья,</i>
<i>Ска бия</i>	<i>Ска биш,</i>	<i>? танцует,</i>
<i>Бырыла</i>	<i>Борыла</i>	<i>Вращаясь</i>
<i>Жива Дрива</i>	<i>Жива Дрива</i>	<i>Живо-быстро.</i>
<i>Анасына бырыла</i>	<i>Анасына борыла.</i>	<i>Поворачивается к матери.</i>
<i>Кызыбыз кала</i>	<i>Кызы безнең кала,</i>	<i>Наша дочь остается,</i>
<i>Зырламасын,</i>	<i>Жырламасын,</i>	<i>Пусть не поет,</i>
<i>Зыламасын!</i>	<i>Еламасын!</i>	<i>Пусть не плачет!</i>

Фигурирующее здесь собственное имя Насьта – Анастасия – христианское. В списке языческих древнеудмуртских имен его нет. Значит, припев этого танца возник (или трансформировался) уже после прихода в край православной веры, т. е. не раньше XVII–XVIII вв. Те слова, которые как будто ничего не обозначают, призваны поддерживать ритм музыки и танца. К примеру, русские в этом случае добавляют: «ай люли, ай люли». По одной из версий, загадки припева

«Женского танца» кроются в обрядах древней свадьбы. Строки припева, скорее всего, исполнялись гостями со стороны жениха и были обращены к матери невесты. Невеста на свадьбе не пела, не плясала, наблюдала за весельем со стороны. Этим и объясняется включение слова «зъырламасын» – «жырламасын» – «пусть не поет». Сам же припев практически полностью состоит из трансформированных под ритм танца, усеченных татарских слов:

<p><i>Әйдә бие, Насьта, Эскамия борыла.</i></p> <p><i>Жива-дрива Анасын бүре алып китә. Кызы бездә кала, Жырламасын, Еламасын!</i></p>	<p><i>Айда танцуй, Настасья, Скамья подпрыгивает</i> [То есть даже скамейка подтанцовывает вместе с Настасьей. – Л.М.]</p> <p><i>Живо-дриво Волк уносит мать. Дочка остается у нас, Пусть не поет, Пусть не плачет!</i></p>
--	---

Следует отметить, что в говоре шошминских удмуртов очень много заимствований из татарского языка. Причем это слова из самых разных сфер повседневной жизни: семейной (анай (тат. ана) – мать; атай (тат. ата) – отец; кудо (тат. кода) – сват), бытовой (дюрт (тат. йорт) – дом; бөлме (тат. бүлмә) – комната; кузё (тат. хужа) – хозяин) и многих других.

По завершении «Женского танца» обычно следует джигитский танец «Чабата». Уже само название указывает на его татарские корни. «Чабата» в переводе с татарского означает «лапти». Как отмечал известный татарский этнограф и хореограф Г. Х. Тагиров, «очень распростра-

ненной была танцевальная мелодия «Чабата куде». Даже пожилые, а то и вовсе старики любили потанцевать под этот несложный трехтактный мотив»¹². В татарской культуре этот танец носит, как правило, шуточный характер. Его сущность заключается в своеобразной импровизации, цель которой – «поразить зрителя мастерством и неистощимостью фантазии исполнителя, знанием танцевальных фигур татарской народной пляски и умением развивать их творчески, свободно и даже виртуозно»¹³. Солнечный танец развертывается в виде перепляса.

У шошминских удмуртов танец «Чабата» (известен и под другими названиями: «Джигитский», или

«По-мужски») также можно отнести к сольным пляскам, в которых исполнители чередуются, хореографический текст каждого из них носит импровизированный характер и не включает танцевальные мотивы сольного обрядового танца. Юноши пляшут перед девушками, демонстрируя свою молодецкую удаль, задор, юношеский пыл, соревнуясь в мастерстве.

По ходу пляски количество пляшущих в кругу увеличивается. По мере того, как лапти юношей «изнашиваются», не выдерживая темпа пляски, будто посмеиваясь над ними, пускаются в пляс девушки, женщины. Так пляска продолжается до полного «изнашивания лаптей», до «последнего перышка». Как правило, танцующего подзадоривают словами:

– *Кас кари, кас кари, кас кари*
[Возглас аплодирующих по отношению к тем, кто пляшет в кругу, звучит на свадьбах шошминских удмуртов с незапамятных времен. – Л. М.],

- *Чья свадьба-а-а?*
- *Сандыра-а-а!*
- *Чье веселье-е-е?*
- *Мани-и-и!*

Есть у шошминских удмуртов и собственно «Татарский танец» – «Бигер эктон». Заимствованная у татар веселая и озорная пляска с частушками. Юноши и девушки встают в круг, чередуясь. На почетном месте – в соединении круга – гармонист. Под музыку татарской мелодии все собравшиеся в быстром темпе поют, хлопая в ладоши:

По-татарски: кая барасын?

По-русски: куда идешь?

Много девушек если полюбишь,

Пожалуй, с ума сойдешь!

Одна из участниц выбегает в круг. Взявшись обеими руками за уголки фартука, начинает плясать по кругу, словно высматривая себе пару, время от времени совершая быстрые вращения. В конце куплета, приблизившись к избраннику, чуть заметным кивком головы увлекает его на совместный танец.

В это время заводится вторая частушка:

Помчался, помчался,

Покатился, помчался.

Споткнувшись, упал,

Лоб свой расшиб!

Парень, которого выбрала девушка, обрадовавшись ее выбору, рвется за озорной девушкой. Хвастаясь перед друзьями своей удалью, юноша вертит головой, таким образом доходит до «парадного угла», глядя на гармониста, оба отступают назад. Тем временем девушка с мыслями: «как ловко я перехитрила этого джигита», опустив подол фартука и взявшись за кончики платка, вертя головой то влево, то вправо, мчится в пляске дальше. Парень, ничего не подозревая, старается не отставать от нее ни на шаг, старается обнять. Дойдя до гармониста, юноша пытается поймать девушку. Однако она ускользает из рук парня. Оказавшись на свободе, словно пытаясь убежать от настойчивого парня, движется в пляске в обратную сторону. Парень «гонится» за девушкой изо всех сил, поочередно меняя положения рук: одна рука на затылке, другая

за спиной (тыльной стороной касаясь пояса). Так, «убегая» от парня, девушка доходит до своего «дома», захлопывает калитку перед носом парня – встает в круг.

Парень с тяжелыми мыслями: «Эх, не попалась ведь!» проходит мимо «ворот» обманувшей его девушки с опущенной головой. Не успев отойти далеко, он вновь «оживает» – решает вызвать на танец другую девушку. Так, заигрывая друг с другом, участники продолжают пляску. То есть рисунок «Татарского танца» шошминских удмуртов во многом перекликается с «аерым бию» («сольным танцем»), получившим распространение у татар.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ танцевального творчества и фольклора татар и шошминских удмуртов по-

казал, что в «Женском танце» сложившаяся танцевальная традиция удмуртов не затронута, заимствования из татарского языка проникли лишь в песенное сопровождение, не трансформируя танцевальные движения. В «Чабата» полностью сохранена характерная для этого татарского танца шуточная идея – демонстрация юношеской удали, задора, однако выражается она традиционными для удмуртской танцевальной культуры движениями. В «Татарском танце» налицо осознание шошминскими удмуртами отличительных особенностей своего – удмуртского танца и танца соседнего народа, что подчеркивается неиспользованием в «Татарском танце» традиционной для удмуртов танцевальной лексики.

Сведения об авторе: Мухаметшина Лилия Талгатовна, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: L2002@mail.ru.

Аннотация: В статье анализируются примеры межкультурного взаимодействия удмуртского и татарского народов, издревле проживающих на территории, ныне относящейся к Балтасинскому району Республики Татарстан. В процессе подготовки иллюстрированной энциклопедии «Народы Татарстана» было выявлено, что, долгое время находясь в иноэтничном окружении, шошминские удмурты не только сохранили свою национальную идентичность, отличительные черты традиционной культуры, но и особым образом встроили в нее некоторые элементы культуры татарского народа.

Ключевые слова: шошминские удмурты, народы Республики Татарстан, этнокультурное взаимодействие, влияние культур, энциклопедия «Народы Татарстана».

Abstract: The article analyzes examples of intercultural interaction between the Udmurt and Tatar nations who have been living since ancient times on the territory now belonging to the Baltasinsky district of the Republic of Tatarstan. During the preparation of the illustrated encyclopedia «Nations of Tatarstan», it was revealed that, having been in a non-ethnic environment for a long time, the Shoshmin Udmurts not only preserved their national identity, distinctive features of traditional culture, but also in a special way integrated some elements of the culture of the Tatar nation into it.

Key words: Shoshminsky Udmurts, nations of the Republic of Tatarstan, ethno-cultural interaction, influence of cultures, encyclopedia «Nations of Tatarstan».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Этнографическая карта Республики Татарстан // Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://addnt.ru/map/map.html> (дата обращения: 11.02.2021).
- 2 Народы Татарстана: иллюстрированная энциклопедия. Словник / Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ; ответ. ред. Р. В. Шайдуллин.– Казань, 2018. 72 с.
- 3 Мухаметшина Л. Т. Особенности словника энциклопедии «Народы Татарстана» // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: сборник статей научной конференции (г. Казань, 14 апреля 2021 г.).– Казань, 2020. Вып. 10.
- 4 Мухаметшина Л. Т. Иллюстрированная энциклопедия «Народы Татарстана»: разработка концепции и методологии // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И. Я. Яковлева). Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием (14–15 мая 2018 г.).– Чебоксары, 2018. С. 317–319.
- 5 Останина Т. И. Из истории арских удмуртов (Наброски к этногенезу южных удмуртов) // Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья.– Ижевск, 1995. С. 3–17.
- 6 Кулуев Е. Обрядовая культура удмуртского народа: традиции и новации. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://ciur.ru/itip/DocLib72/Кулуев%20Е.%20ИТИП.pdf> (дата обращения: 11.02.2021).
- 7 Объект культурного явления «Свадьба шошминских удмуртов». [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://rnmс-rme.ru/nkn/prazdnichno-obryadovaya-kultura/doc/1.pdf> (дата обращения: 11.02.2021).
- 8 Косарева И. А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кулморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в.– Ижевск, 2000. 228 с.
- 9 Сапожников Л. Д. Песни, танцы и игры шошминских удмуртов: в 2 ч.– Казань, 2019. 732 с.
- 10 Танцевальный фольклор завятских (арских) удмуртов // Этнография и танцевальный фольклор народов Среднего Поволжья. Часть I: Учеб. пособие / В. А. Белов, А. И. Кавеева, О. В. Коваленко, Н. Д. Мусина, И. Б. Сентябова.– Казань, 2017. С. 223–242. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30268922> (дата обращения: 11.02.2021).
- 11 Объект культурного явления «Свадьба шошминских удмуртов». [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://rnmс-rme.ru/nkn/prazdnichno-obryadovaya-kultura/doc/1.pdf> (дата обращения: 11.02.2021).
- 12 Вступление. Г. Х. Тагиров // Народный танец и хореографическое искусство: традиции и современность: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Гая Тагирова / сост. Э. М. Галимова, А. Р. Салихова, Д. Р. Фардеева.– Казань: ИЯЛИ, 2017. С. 11.
- 13 Тагиров Г. 100 татарских фольклорных танцев.– Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. С. 15–16.

РОЛЬ ПЕЧАТИ ТАССР В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 1921–1922 гг.

Миниханов Ф. Г., кандидат исторических наук

THE ROLE OF THE TASSR PRESS IN THE FIGHT AGAINST THE HUNGER OF 1921–1922

Minikhanov F. G.

Первые годы автономии Татарстана выдались крайне тяжелыми для населения республики. В 1920 г. в Казанской губернии было собрано всего одна пятая урожая 1909 г.¹ Несмотря на недород, республика получила предписание Центра сдать государству 10 млн. 120 тыс. пудов хлеба. Задание было выполнено на 102% благодаря крайним мерам Татпродсовещания (председатель В. В. Кураев) и Комиссариата по продовольствию АТССР (нарком А. С. Изюмов), что уменьшило норму потребления хлебной продукции на душу населения до 3 пудов. Кроме того, к концу декабря было заготовлено свыше 380 тыс. пудов мяса, 1652 тыс. пудов картофеля, свыше 17 млн. яиц, около 11 тыс. пудов масла и 8800 пудов меда. В течение 1920 г. было сдано государству кож – 227344, шерсти – 13276 пудов, льна – 4838 пудов, пеньки – 4639 пудов². Такое перевыполнение разверстки имело катастрофические последствия для населения республики. По мнению большинства исследователей трагических событий 1921–1922 гг., главной причиной голода в республике является насильственное изъятие у крестьян

в 1920 г. более 10 млн. пудов зерна по продразверстке. Очевидец событий тех лет М. Султан-Галиев писал: «Крестьянство Татарской республики, давшее 22 млн. пудов хлеба, кормившее целых полтора года всю Западную Армию Советской Федерации, затем испытало на себе тяжелый кошмар голода 1921 г. с его людоедством, разрухой и т. д.»³. Председатель президиума ЦИК ТАССР в 1921–1924 гг. Р. А. Сабиров в своей статье «Экономическое положение Татарской республики и голод» указал и на другие причины всенародного бедствия: неблагоприятные погодные условия, небывалая засуха весной и летом 1921 г., поздний и некачественный засев крестьянских наделов, инфекционные заболевания, культурная отсталость и нищета населения⁴. В результате в 1921 г. средний сбор зерна с десятины составил 6,3 пуда – в два раза ниже, чем в засуху 1891 г., а по сравнению с 1913 г. он сократился на 94 млн. пудов (с 112 млн. до 6,4 млн)⁵. Плачевным было положение и в животноводстве, поголовье скота за год сократилось на 40%⁶. Всего в Татарской республике голод охватил более 2 млн. человек. Наи-

более пострадало население Арского, Мамадышского, Мензелинского, Свияжского, Спасского, Тетюшского и Челнинского кантонов. В докладной записке полномочного представителя ТАССР А. Г. Ганиева в ВЦИК РСФСР «О голоде в Татарской Республике» отмечается, что в 1921–1922 гг. 70% населения республики находилось на грани голодной смерти⁷.

Кроме Татарстана, голод охватил Марийский, Чувашский АО, Ульяновскую, Саратовскую, Волгоградскую, Астраханскую, Оренбургскую области, значительную часть Башкирской АССР. Всего 35 губерний Советской России, где проживало свыше 90 млн. человек, оказались затронуты проблемами нехватки продовольствия⁸. Но в регионе Среднего Поволжья ситуация обернулась настоящей трагедией – здесь ежедневно от голода умирали тысячи человек. Одновременно свирепствовали холера и тиф. Смертность населения от эпидемий достигла 7–12%. Огромный урон крестьянским хозяйствам наносили пожары. Так в Мензелинском кантоне только в селах Сарсаз и Ключово огонь уничтожил 180 и 80 дворов соответственно. В Арском кантоне в д. Яна Шимбер из 228 дворов 108 сгорело дотла и т. д.⁹

Проходящий в июне 1921 г. 2 съезд Советов ТАССР объявил чрезвычайные меры по преодолению последствий засухи. Однако широкие масштабы засухи делали отчаянные усилия правительства республики, особенно в начальный период голода, малоэффективными. Люди вынуждены были питаться лебедой, желудями, крапивой, ли-

стьями растений и деревьев, мхом, древесиной и другими суррогатными продуктами. В выпекаемый продукт добавлялось в среднем свыше 60% суррогата. Население забивало последнюю скотину, съедало кошек, собак и других животных, широко было распространено людоедство и трупоедство. От безысходности голодающие покидали свои насиженные места. Из публикации материалов рубрики «Голод в кантонах Татарской Республики» видно, что бегство, начавшись с отдельных людей, охватывало все большее и большее число, и, наконец, стали бежать целыми группами, деревнями и селами. Так, в разгар голода только в Чистопольском кантоне количество организованно и стихийно покинувших родные места людей достигло 88892 чел, из которых 22549 составляли дети¹⁰. Стихийно движущееся население, ожидающее неделями своей отправки, было наиболее беспомощным, нуждавшимся в питании, одежде, санобработке и медицинской помощи. Многие погибали от голода и болезней. В своем отчете за 1921 г. член Всетатарской Чрезвычайной комиссии С. А. Семенов писал: «При въезде на Устье (пристань. – Ф. М.) находится 1200 человек совершенно под открытым небом, а часть в самодельных палатках... У беженцев кроме тряпья, чтобы огородить себя от холода, ничего нет. Медицинская помощь им не оказывается... По правой стороне Устья находятся под открытым небом еще 300 человек и далее под навесом около тысячи человек. Среди них обнаружены разлагающиеся трупы. Трупов, хотя

и обращались к милиции, никто не убирает»¹¹. Катастрофическим названо положение беженцев в докладе А. Г. Ганеева в Центр Помгола: «Развитие тифа и смертности от голода среди беженцев не поддается сколько-нибудь даже приблизительному подсчету»¹². Другой очевидец событий, руководитель Казанской организации Американской администрации помощи (АРА) американский писатель Д. Р. Гайльдс писал: «Во многих деревнях, через которые мне удавалось проехать, три четверти домов пусты, а в других не слышно было никаких признаков жизни, хотя бы собачьего лая, петушиного крика или мяуканья кошки, которые оживили бы это мертвое молчание, охватившее эти места, некогда населенные сотнями и тысячами людей»¹³.

В экстремальных условиях для борьбы с голодом были привлечены все государственные, хозяйственные органы, общественные организации. На борьбу с всенародным бедствием активно включилась периодическая печать республики. Перестроив свою работу, главные усилия она направила на организацию всесторонней помощи голодающему населению. Газеты и журналы на всю полосу печатали призывы «Когда кормишь своих детей, не забывай о голодающих детях!», «Когда садишься обедать, вспомни о тех, кому не хватает лебеды для утоления голода!» «Когда получаешь жалованье, вспомни о голодающих!». Ежедневно на страницах газет печатались рубрики «Все на борьбу с голодом!», «Борьба с голодом», «Голод в кантонах», «Откуда идет нам помощь»,

«Голод и борьба с ним» и др. Газеты публиковали статьи и обращения, призывы и лозунги, мобилизующие население на борьбу с голодом.

Так, в разгар голода, «Известия «ТатЦИК» поместили на своих страницах обращение «К трудящимся г. Казани»: «... Сотни, тысячи, миллионы людей пухнут от голода. Несчастливые дети, матери и отцы преждевременно сходят в могилу, сраженные голодом. Все, что можно было съесть в голодной местности, – съедено. В безумии голодающие начинают поедать животные отбросы, человеческие испражнения и даже живых людей и мертвечину... Уже мобилизованы все средства и брошено все для сохранения края, столь необходимого для правильного развития хозяйственной жизни Республики. Но всего, что сделано, – мало. Бедствие огромно. Голод пожирает все. Необходимы новые и новые средства»¹⁴.

Особо отметим, что в условиях борьбы с голодом власти допускали, хотя и ограниченную, но свободу слова и гласность. Масштабы голода были катастрофическими, и чтобы получить материальную и продовольственную помощь, газеты и журналы были вынуждены публиковать жуткие документальные свидетельства о происходящем в республике: о широко распространенном людоедстве и трупоедстве в голодающих районах. В опубликованной по материалам беседы с членом Комиссии Помгола Мухаметшиным статье «Людоедство началось – спешите на помощь!» газета «Известия ТатЦИК» описывает эпизод канни-

бализма в Чистопольском кантоне: «22 января в деревне Тахтале обнаружен небывалый случай: жена кузнеца зарезала женщину, сняла с нее кожу и, изрубив труп на 39 кусков, сложила их в 2 кадки. Голову зарезанной сварила и часть ее уже съела. При расследовании дела выяснилось, что эта людоедка зарезала раньше девушку 18 лет и двоих детей. Одежды и кости их найдены в ее квартире»¹⁵. Как свидетельствуют газетные публикации, случаи каннибализма наблюдались во многих кантонах, в том числе Тетюшском, Спасском, Лаишевском, Свияжском и т. д. Однако наиболее распространенным это явление было в Чистопольском кантоне, где оно принимало угрожающие размеры. Здесь с января по март 1922 г. лишь зарегистрированных случаев людоедства было 33, а съедено 60 чел. По сведениям кантонного отделения здравоохранения, только за 3 недели марта зарегистрировано 14 случаев людоедства и съедено 19 чел.¹⁶

Но короткий период гласности закончился 30 января 1922 г. принятием специального решения Политбюро ЦК РКП(б) о запрете публиковать сообщения о массовом людоедстве и трупоедстве. Но случаи каннибализма среди доведенных до отчаяния людей, разумеется, не прекращались. В республиканских газетах сообщения о таких фактах продолжали печататься, хотя без подробностей и фотографий.

Однако голод коснулся не всех! Здесь обратимся к очень серьезной и малоизученной проблеме, которая умалчивалась десятилетиями.

Голодали не все. Когда изнуренные голодом люди, питаясь суррогатами, становились жертвами страшного голода и эпидемий, ответственные работники властных структур ни в чем себе не отказывали. Это видно из письма агитатора Чистопольского кантонного исполнительного комитета: (стиль и орфография сохранены): «Здесь я Афоня живу очень весело работы мало жалованье получаю 1088 руб. Живу на квартире в клубе коммунистов. Квартира очень большая. Здесь и клуб и читальня есть за стол в месяц плачу всего 400 рублей. А обет хороший из трех блюет на базаре булочки есть 5 рублей каждая весом больше полуфунта,.. молоко 25 р., четверть, яйца 15 р. десятка... Словом жить можно как в раю на счет продуктов... на табак 80 руб. 1/8»¹⁷. Можно себе представить, как жили руководители кантонов, городов, если рядовой и безграмотный агитатор мог позволить себе жить «как в раю». Они также ни в чем себе не отказывали и жили довольно комфортно. Так, руководитель высшего звена республики, председатель СНК ТАССР Сахибгарей Саид-Галиев в разгар голода в центре города в гостинице «Совет» устраивает свою свадьбу. На нее был приглашен оркестр Запасной Армии, дислоцировавшейся в Татарии. Гости гуляли при открытых настежь окнах. А улицы города были заполнены нищими, пухнувшими от голода людьми, отчаявшимися найти хоть какой-то кусок хлеба. Такой недостойный поступок председателя правительства республики был замечен в Москве. Столичные газеты написали об этой

свадьбе: «Пир во время чумы», а Саид-Галиев был отозван из Казани и направлен в Крым¹⁸.

По мере усиления голода на страницах печати увеличилось количество публикации с призывами и обращениями к населению по самоорганизации и оказанию немедленной помощи особо нуждающимся. Этому вопросу газеты посвящали свои передовые и редакционные статьи. Газета «Татарстан хэбэрлэре» только за один сентябрь 1921 г. опубликовала 6 передовых статей о борьбе с голодом. Организаторская роль печати была особенно яркой в дни «Недели помощи голодающим», которая проводилась в сентябре-октябре 1921 г., отдельные номера «Татарстан хэбэрлэре» целиком были посвящены этой проблеме¹⁹, а «Известия ТатЦИК» за этот же период опубликовали более 180 статей, заметок, сообщений, обращений о борьбе с голодом²⁰.

Кроме того, газеты широко освещали ежемесячные дни и недели проверки помощи голодающим. Так, в апреле 1922 г. газета «Известия ТатЦИК» напечатала материал о начинающемся двухнедельнике проверки помощи со следующим призывом: «Завтра начинается день проверки состояния помощи голодающим. Учреждения, кооперативы, предприятия, рабочие, служащие, граждане! Проверьте себя – сделали ли вы все возможное для обеспечения участи братьев-крестьян! Спешите ускорить, улучшить и расширить свою помощь, спешите победить общего врага – голод!». Под обращением газета напечатала статью

заместителя председателя Комиссии помощи голодающим Поволжья Исхака Казакова «Двухнедельный экзамен общественный совести»²¹.

Наиболее уязвимой категорией голодающего населения были дети. В статье И. Казакова «Бейте набат!» 1921 г. красноречиво описано их тяжелое положение: «питается 442 678 чел., голодают 2260904 чел. ... питаются 360536 детей, голодают – 570275 детей. Вырождение за 1921 г. – 326106 детей» (25% всех детей республики)²². По данным газеты «Известия ТатЦИК» от 28 января 1922 г., на 1 января 1922 г. в республике голодало 81% взрослого населения и 97% детей. Катастрофическое положение детей требовало оказания им немедленной помощи. И не случайно республиканская печать считала своей первоочередной задачей спасти от голодной смерти прежде всего детей. В корреспонденции «Спасите детей», напечатанной в газете «Известия ТатЦИК», в разгар голода рассказывается: «Проходя по улицам Казани, каждый из нас встречает почти на каждой улице, на каждом перекрестке босых, оборванных, худых, как скелетики, детей – то группами, то в одиночку. Дети смотрят на проходящих глазами, полными голода, тоски и страха, и протягивают свои костлявые ручонки, прося подаяние... Дети бегут рядом, заглядывая в глаза, в свертки, которые вы несете, в сумку, в портфель, преследуют вас по пятам:

– Дай, дай, дай!

Но многие, пожалуй, большинство, робко стоят в сторонке где-нибудь у стенки, в уголке, а то прямо лежат,

свернувшись в маленький жалкий комочек на пыльном тротуаре, на мостовой, у распределителей-лавоч, у ворот, где-нибудь у садовой ограды. Спят они или умирают?»²³.

Публикуя душераздирающие материалы о голодающих из номера в номер, газеты призывали население благополучных регионов оказывать более активную помощь жителям Татарии. Вывод всегда был один: нужна помощь, нужно спасти голодных, прежде всего детей! Как пишет неизвестный автор в газете «Известия ТатЦИК» 23 декабря 1921 г.: «За каждую слезу ребенка, кусающего с голоду свои изможденные, старчески сморщенные руки, мы должны быть в ответе!» Печатное слово быстро доходило до широких масс. Так, «в распоряжение Комиссии помощи голодающим при ТатЦИКе уже на 1 сентября 1921 г. поступило добровольных пожертвований: деньгами 19920675 рублей, 180 пудов 37 фунтов хлеба, 33 пуда 12 фунта соли, 55 пудов разных круп и гороха, 36 пудов рыбы, 90 пудов овсяной муки, 198 пудов пшеничной муки,.. а также овощей, фруктов, масла и сахара»²⁴. В этой помощи, несомненно, значительная роль принадлежит периодической печати.

Положительно оценила деятельность прессы региона центральная печать, в частности журнал «Красная печать». Отмечая большую активность газет Татарии в борьбе с голодом, он отмечал: «Газеты республики ведут “голодную кампанию” умело, хорошо, ярко. Каждая фраза взвешена, каждая статья, заметка или лозунг бьют читателя по нервам,

проникают в его душу... Сначала яркий, бьющий по нервам факт. За ним выводы и неизбежный призыв к помощи. Одновременно... печатаются бытовые картины из жизни голодающего населения, корреспонденции с мест, письма крестьян. Простые и яркие, все они кричат одно и то же в один голос: помогите, спасите, изнемогаем, умираем»²⁵.

Разнообразная помощь шла как от населения республики, так и с различных регионов страны. Осенью 1921 г. в Татарстане организуется комиссия помощи голодающим – Татпомгол. С начала «голодной кампании» в республике было организовано 257 волостных и 3511 сельских комитетов взаимопомощи²⁶. Осенью 1921 г. в республику было завезено 2692286 пудов семян озимой ржи и пшеницы, было засеяно 419 тыс. десятин (35,7%) озимого клина. В 1921–1922 гг. для республики в Украине (254972,4 пуда), в Брянской (102006,2), Владимирской (106739,3), Гомельской (269418), Курской (198851,1), Минской (357078,2), Орловской (109221,7), Петроградской (5005), Псковской (307234,2), Рыбинской (205187,4), Смоленской (279013), Тверской (99963,1), Череповецкой (157986,1), Ярославской (112039,3) и др. губерниях были заготовлены семена пшеницы, овса, ячменя, гречихи, проса, гороха, вики, кукурузы, фасоли, подсолнечника, конопли, льна, а также закуплено за границей 203523 пуда пшеницы, 8034,4 пуда овса, 27901,4 пуда ячменя²⁷.

Печать широко освещала братскую помощь, поступающую из раз-

ных областей и республик страны. Так, газета «Татарстан хэбэрлэре» в статье «Помощь донбасских шахтеров» писала, как «шахтеры Донбасса организовали воскресник в пользу голодающих, а рабочие рудника Бану перечислили однодневную заработную плату и однодневные хлебные пайки»²⁸. В декабрьских номерах газеты широко освещался грандиозный субботник в Украине по разгрузке железнодорожных вагонов и складов и об отправке из Киева в Татарскую республику 32 вагонов хлеба²⁹. Искренней заботой о голодающих Поволжья проникнуто опубликованное в газете «Известия ТатЦИК» решение рабочих ярославской прядильно-ткацкой фабрики, которые «в количестве 3 тысяч человек на своем общем собрании единогласно дали пролетарскую клятву, что они не на шаг не отступят в борьбе с голодом и все силы направят на сокрушение смертного ужаса братьев Поволжья»³⁰. В том же месяце газета «Татарстан хэбэрлэре» сообщала о перечислении из Петрограда 80 млн. руб. золотом и серебром голодающим Поволжья, из этой суммы Татария получила 6715920 руб.³¹

География оказываемой бескорыстной помощи и поддержки народов нашей страны голодающим Татреспублики ярко представлена в названиях статей, заметок, сообщений, опубликованных на страницах газет и журналов: «Помощь Костромской губернии голодающим», «Петроградцы выручают», «И в Крыму помнят о голодающих», «Украина на помощь голодающим», «Трудящиеся Сибири не забывают

о голодающих Татреспублики» и т.д.

В целях оказания действенной помощи голодающим, центральное правительство утвердило «План привязки благополучных губерний к голодающим». По нему Татарская республика была прикреплена к Владимирской и Петроградской губерниям. Еще 11 губерний, в том числе Смоленская, Витебская, Костромская, Тверская, Псковская, Пензенская, Ярославская, должны были оказывать посильную помощь голодающим республики частью своих продовольственных запасов³².

Наряду с государственными и общественными органами, помощь республике организовали и зарубежные организации. Это Международный рабочий комитет помощи голодающим в России (Межрабпомгол), общая сумма разнообразной помощи которого в денежном выражении к концу 1922 г. превысила 5 млн. долларов (10 млн. золотых рублей)³³. Из них 2 млн. долларов собрало и направило голодающим Общество друзей Советской России в Америке. Газеты в каждом номере печатали материалы о помощи зарубежного пролетариата. Волнующими были материалы и отчеты о приезде представителей Межрабпомгола в Татарию, которые на встречах с рабочими, служащими и ответственными работниками рассказывали об организуемой населением европейских стран братской помощи голодающим Поволжья. В начале января 1922 г. «Известия ТатЦИК» сообщили о приезде в Казань членов рабочей комиссии из Германии Тонера и Шульце и др.

Установив тесный контакт с местными органами власти, они в тот же день выезжали в кантоны республики. Так, в Свияжске ими было роздано продовольствия 4 тыс. чел., а всего комитет содержал на своем обеспечении 10 тыс. взрослых и детей Татареспублики³⁴. Вслед за комиссией рабочей помощи, газета освещала приезд в Казань представителей Германского и Шведского Красного Креста Цуммера и Дрейвера, которые доставили продуктов на 14 млн. руб.³⁵

Особенно ощутимой была помощь АРА – Американской администрации помощи. Представители этой организации прибыли в Казань 3 сентября 1921 г. Истинные масштабы голода американцы увидели прямо на улицах, переулках, вокзалах города, где столкнулись с сотнями умирающих от голода. До приезда в республику представители АРА были уверены, что голодают только дети и были готовы оказать помощь 15 тысячам. Но оказалось, что число голодающих намного больше, и что предназначенный одному ребенку паек является помощью для всей семьи. Поэтому АРА с каждым месяцем увеличивала размеры своей помощи. В октябре она кормила 216031 чел., ноябре – 574730, а в январе 1922 г. – 1291168. На 1 августа 1922 г. АРА уже кормила 1372253 чел., из них 539379 детей³⁶.

В первую очередь АРА организовала питание детей. С момента начала поступления помощи до июля 1922 г. в республику было завезено 886154 пуда разных грузов (мука, крупы, сало, молоко). Все они пред-

назначались детям. А со 2 апреля по 12 июля АРА завезла 2311175 пудов кукурузы и 78645 пудов ржи для взрослых³⁷. Представителями АРА на территории Татарстана были организованы общественные пункты питания и раздачи продовольствия, одежды, мыла и т.п., населению оказывалась медицинская помощь³⁸. Доставка продовольствия позволила увеличить число едоков как детей, так и взрослых. Если на 1 января 1922 г. АРА кормила в Татарии 193978 детей, а через месяц 303455 детей, то к 1 июля питалось 545 тыс. детей и 832 тыс. взрослых. На 1 августа 1922 г. АРА кормила 1372253 чел., из них 539379 детей³⁹. Это огромная цифра! Американцы отправляли в Татарию вещи вплоть до детских носочков и трусиков. Кроме того, отдел медицины АРА с сентября 1921 г. по март 1922 г. поставил для медицинских учреждений республики 12 вагонов лекарств и медицинского оборудования⁴⁰.

К сожалению, помощь АРА, спасшая более 1,3 млн. жителей республики от голодной смерти, ныне почти забыта и даже игнорируется. Однако те, кто пережил голод 1921–1922 гг., помнили и по достоинству оценили помощь американцев. Бабушка автора данной статьи, пережившая ужасы голодомора тех лет, всегда с большой теплотой и благодарностью вспоминала помощь американцев. Именно от нее в конце 1960-х гг. автор, будучи школьником, впервые услышал об американских столовых и обедах, в которых она питалась (всего в республике АРА открыла 2039 столовых. – Ф.М). Она

даже помнила состав присланных американцами посылок для голодающих, которые спасли жизнь многих ее сверстников. Сегодня известно, что всего из США в Россию было направлено около 1 млн. посылок. Интересна и поучительна история помощи такого рода: американец, желающий помочь голодающему, приобретал купон за 10 долларов, а советский житель получал посылку весом около 53 кг – муки 49 фунтов, риса 25 фунтов, 3 фунта чая, 10 фунтов сахара, 10 фунтов жира, 20 банок сгущенки (1 фунт=0,45 кг)⁴¹. Как посчитано, один такой типовой набор продуктовой посылки обеспечивал семью из 5 чел. питанием на неделю. С марта 1922 г. помощь от АРА в виде посылок стали получать учителя школ II ступени. В нее входили 2,7 кг чая, 3,5 кг сахара, 11,3 кг муки, 5,7 кг маиса, 2,3 кг сала и 10 банок молока⁴².

С началом посевных работ весной и осенью 1922 г. печать переключила свое внимание на освещение полевых работ, одновременно освещая и борьбу с голодом, призывала оказывать всестороннюю помощь крестьянам. В передовой статье от 1 сентября 1922 г. «Новые пути в деле помощи голодающим» газета «Кызыл Татарстан» излагала пути борьбы с последствиями голода⁴³. Газета регулярно публиковала материалы по этой теме в рубрике

«Борьба с последствиями голода». Благодаря общим усилиям, обе посевные кампании были проведены организованно и в срок. Был получен неплохой урожай. Однако голод оставил после себя разрушительные следы, для ликвидации которых требовались большие средства и мобилизация всех сил.

В результате всенародного бедствия население Татарстана сократилось на 600 тыс. чел. От голодной смерти, болезней и др. причин Тетюшский кантон потерял 66 тыс. чел. (35% населения), Спасский – 48 тыс. (26%), Чистопольский – 79 тыс. (21%), Свияжский – 35 тыс. (22%), остальные кантоны – 5–10% своего населения. Численность татар уменьшилась почти на 25%, русских – на 11%, прочих – на 15%. В 1921–1922 гг. исчезло 86 тыс. крестьянских хозяйств (16,2% от их общего числа). Убыль по сравнению с 1917 г. составила: по поголовью лошадей – 65%, крупного рогатого скота – 65%, овец и коз – 91%, свиней – 97%. В 1922 г. не хватало 400 тыс. голов лошадей⁴⁴. Голод подорвал экономику, парализовал производительные силы, прежде всего сельского хозяйства, на восстановление которых потребовались долгие годы. По мнению доктора исторических наук Р. В. Шайдуллина, последствия голода сказывались еще до 1928 г.

Сведения об авторе: Миниханов Фидайль Гимранович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: fidail1956@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается организационная и мобилизующая роль печати Татарстана в борьбе с голодом и его последствиями в 1921–1922 гг. На основе широкого круга источников автор анализирует политические и экономические причины голода, демонстрирует ужасы голода, каннибализм, эпидемии, а также описывает

общественную материальную и моральную поддержку голодающим республики. Значительное место уделено оказываемой голодающим помощи иностранных государств, общественности и благотворительных организаций.

Ключевые слова: Татарская АССР, газеты и журналы республики, голод 1921–1922 гг., помощь голодающим, Американская администрация помощи (АРА).

Abstract: The article examines the organizational and mobilizing role of the Tatarstan press in the fight against hunger and its consequences in 1921–1922. Based on a wide range of sources, the author analyzes the political and economic causes of hunger, demonstrates the horrors of hunger, cannibalism, epidemics, and also describes public material and moral support for the starving republic. A significant place is given to the aid rendered to the starving by foreign states, the public and charitable organizations.

Key words: Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, newspapers and magazines of the republic, famine of 1921–1922, aid to the hungry, American Relief Administration (ARA).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Сабирова Д. К., Шарапов Я. Ш. История Татарстана: с древнейших времен до наших дней. – Казань: Изд-во Казан. техн. ун-та, 2000. С. 217.
- 2 Валиев Р. К. Өзелгән дога. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 23.
- 3 Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–Й. С. 135.
- 4 Безнен юл. 1922. № 1. С. 2.
- 5 Сабирова Д. К., Шарапов Я. Ш. История Татарстана: с древнейших времен до наших дней. – Казань: Изд-во Казан. техн. ун-та, 2000. С. 218; Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–Й. С. 135.
- 6 Фасахов К. М. С жизнью в ногу (Периодическая печать в восстановительный период). – Казань: Таткнигоиздат, 1979. С. 115.
- 7 Жизнь национальностей. 1922. № 10. С. 8–9.
- 8 Дилетант. 2021. № 3. С. 21.
- 9 Биктимирова Т. Татарстанда ачлык фажигасы // Казан утлары. 2013. № 1. С. 163.
- 10 Государственный архив РТ (ГА РТ), ф. Р-4470, оп. 1, д. 174, л. 3.
- 11 ГА РТ, ф. П-15, оп. 1, д. 202, л. 79–80.
- 12 Жизнь национальностей. 1922. № 22. С. 27.
- 13 Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–Й. С. 135.
- 14 Известия Тат. ЦИК. 1922, 26 марта.
- 15 Там же, 29 января.
- 16 Ахметова М. А. Голод в ТАССР: Чистополь в 1920-е годы. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2019. С. 32.
- 17 Чистополь и чистопольцы: из прошлого и настоящего. – Казань: Изд-во «По родам и весям», 2004. С. 175.
- 18 Биктимирова Т. Татарстанда ачлык фажигасы // Казан утлары. 2013. № 1. С. 170.
- 19 Татарстан хәбәрләре. 1921, 17 сентябрь.
- 20 Миниханов Ф. Г. Пропаганда идей дружбы народов и пролетарского интернационализма на страницах местной партийно-советской печати в 1921–1926 гг. (По материалам Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1985. С. 100.
- 21 Известия Тат. ЦИК. 1922, 9 апреля.
- 22 Там же, 1 февраля.
- 23 Там же, 1921, 15 июля.
- 24 Фасахов К. М. С жизнью в ногу (Периодическая печать в восстановительный период). – Казань: Таткнигоиздат, 1979. С. 118; Известия Тат. ЦИК. 1921, 29 сентября.
- 25 Красная печать. 1922. № 10. С. 8.
- 26 Известия Тат. ЦИК. 1922, 14 апреля.
- 27 Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–Й. С. 135.
- 28 Татарстан хәбәрләре. 1921, 21 декабрь.

- 29 Там же, 26 декабрь.
- 30 Известия Тат. ЦИК. 1922, 8 февраля.
- 31 Татарстан хәбәрләре. 1922, 21 февраль.
- 32 Биктимирова Т. Татарстанда ачлык фажигасы // Казан утлары. 2013. № 1. С. 164.
- 33 Белокопытов В. И. Лихолетье (Из истории борьбы с голодом в Поволжье 1921–1922 гг.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. С. 69.
- 34 Известия Тат. ЦИК. 1922, 4 января; Белокопытов В. И. Лихолетье (Из истории борьбы с голодом в Поволжье 1921–1922 гг.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. С. 70.
- 35 Известия Тат. ЦИК. 1922, 25 января.
- 36 ГА РТ, ф. Р-128, оп. 1, л. 174, л. 1–2; ф. 732, оп. 1, д. 153, л. 9–11.
- 37 Белокопытов В. И. Лихолетье (Из истории борьбы с голодом в Поволжье 1921–1922 гг.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. С. 95.
- 38 ГА РТ, ф. Р-128, оп. 1, д. 174, л. 17; Биктимирова Т. Татарстанда ачлык фажигасы // Казан утлары. 2013. № 1. С. 169.
- 39 ГА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 153, л. 9–11.
- 40 ГА РТ, ф. П-36, оп. 2, д. 21, л. 62; Биктимирова Т. Татарстанда ачлык фажигасы // Казан утлары. 2013. № 1. С. 170.
- 41 Дилетант. 2021. № 3. С. 25.
- 42 Федотова А. Ю. Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг.: автореферат дисс. канд. ист. наук. – Казань, 2011. С. 18.
- 43 Кызыл Татарстан (Красная Татария). 1922, 1 сентября.
- 44 Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–Й. С. 135–136.

**ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В РАЙОНАХ
ТАССР НА ПРИМЕРЕ РАСКУЛАЧИВАНИЯ КРЕСТЬЯН
СЕЛА КИРБИ ЛАИШЕВСКОГО РАЙОНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ЗА 1932 г.)**

Насибуллина А. Б.

**FEATURES OF COLLECTIVIZATION IN THE REGIONS OF
THE TASSR ON THE EXAMPLE OF DEKULAKIZATION OF
FARMERS IN KIRBY VILLAGE OF LAISHEVSKY DISTRICT
(BASED ON ARCHIVAL DOCUMENTS FOR 1932)**

Nasibullina A. B.

В настоящее время одним из основных направлений исследований Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ является изучение истории населенных пунктов Татарстана. Эта работа была начата сотрудниками еще в 1990-е гг., тогда был издан краткий справочник «Населенные пункты Республики Татарстан»¹. Статьи о населенных пунктах республики заняли значимое место и в многотомной «Татарской энциклопедии»².

В процессе изучения архивных материалов, содержащих сведения об истории с. Кирби Лаишевского района Республики Татарстан (впоследствии они легли в основу издания «Хәерби авылы тарихыннан сәхифәләр – Страницы истории села Кирби»³), были обнаружены различные документы. Один из них, под названием «Личные карточки на кулацкие семейства, утвержденные к высылке из пределов Республики» (за 1932 г.), относится к перио-

ду коллективизации⁴. В Кирби, как и во всех регионах страны Советов, коллективизация сельского хозяйства сопровождалась раскулачиванием зажиточных крестьян.

Раскулачивание – одна из форм насильственной экспроприации средств производства (в т. ч. земли) у сельского населения – проводилась в СССР в 1918–1953 гг. с целью ликвидации кулачества как класса⁵. В 1930 г. были разработаны специальные законодательные акты по усилению политики раскулачивания, которые нашли отражение в постановлениях и инструкциях Политбюро ЦК ВКП(б) (от 30 января 1930 г.), ЦИК и СНК СССР (от 1 и 4 февраля 1930 г.). В регионах сплошной коллективизации (в т. ч. в Татарстане) запрещались аренда земли и применение наемного труда, местным органам предоставлялось право принимать решение о конфискации имущества кулаков, предусматривалось разделение кулацких хозяйств на 3 категории:

активные участники антисоветской и контрреволюционной борьбы; экономически мощные кулацкие хозяйства полукапиталистического или полупомещичьего типа; владельцы менее мощных хозяйств, активно не выступавшие против советской власти, эксплуатировавшие наемных работников и имевшие мелкие предприятия и торговые заведения. Последние составляли основную массу кулачества (75–80%). 16 февраля 1930 г. вышло постановление ЦИК и СНК ТАССР «О ликвидации в Татарии кулачества как класса». В целях лишения кулаков возможности ведения своих хозяйств на основе эксплуатации наемного труда, ограждения колхозов от их вредительской деятельности, успешного проведения коллективизации сельского хозяйства предписывалось выселять наиболее «злостных» кулаков за пределы республики. В постановлении также указывалось, что конфискация имущества кулаков должна проводиться уполномоченными райисполкомов с обязательным участием представителей сельсоветов, колхозов и батрацко-бедняцких групп. Опись, оценка и сохранность имущества возлагались на сельсоветы. Конфискованные средства производства и имущество передавались в неделимые фонды колхозов в качестве паевых взносов батраков и бедняков (за исключением той части, которая шла в погашение долгов кулацких хозяйств государственным и кооперативным организациям), жилые и производственные постройки – на общественные и хозяйственные нужды сельсоветов и колхозов.

Меры борьбы против кулаков часто переносились и на середняков, иногда на бедняков, отказывавшихся вступать в колхозы, сдавать «излишки» зерна, платить индивидуальное самообложение. Могли раскулачить за принадлежность к религиозной деятельности и т. д. В документе, с которым мы познакомились, содержатся сведения о 9 семьях. Приведем его полностью:

1) Мифтахов Сунгат, родился в деревне Кирби, 63 года, по национальности татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – мулла, избирательных прав лишен с 1924 года. До революции 1917 года арендовал землю до 2 га и после до 1924 года – 3 га. До 1917 года имел 2 лошади, 2 коровы, 15 овец; с 1917 г. по 1918 г. то же самое. До 1917 г. и после до 1928 г. эксплуатировал батрака. Служитель религиозного культа с доходностью в год 1270 руб. Индивидуальным налогом облагался в 29/30 г. в размере 100 р., в 30/31 г. – 147 руб. 10 коп. с облагаемого дохода 357 руб. и в 1931 г. в размере 415 руб. с облаг. дохода 1270 руб. Члены семьи: Жена: Бадигул, 60 л.; сын: Хайрулла, 22 г.; дочь: Кашафа, 20 л., сын: Хамат, 15 л. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17, как арендатор земли и лугов, служитель религиозного культа, эксплуататор батрака, признан кулацким хозяйством.

2) Мухаметзянов Мухаметша, родился в деревне Кирби Лаишевского района, 70 лет, татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – крестьянин-кулак; избирательных прав не лишен,

по недосмотру с/совета. До 1917 г. имел: 3 лошади, 3 коровы, 25 овец и с 17 по 18 г.: 2 лошади, 2 коровы, 20 овец и после 31 г. 1 лошадь, 1 корову, 10 овец, имел ветряную мельницу с капиталовложением 1200 руб. и доходностью в год 1100 руб. Индивидуальным налогом облагался в размере 335 руб. с облагаемого дохода 1110 руб. Члены семьи: Жена: Фатыма, 60 л., сын: Ганиакбер, 31 г. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17, как имеющий ветряную мельницу, признан кулацким хозяйством.

3) Мухаметшин Зариф, родился в деревне Кирби Лаишевского района, 31 год, татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – крестьянин-кулак. До 1917 г. имел скота: лошадей 3, коров 3, овец 30 и после до 28 г.: лошадей 2, коров 2, овец 20, с 28 г. лошадей 2, 1 корову, 15 овец, имел ветряную мельницу с капиталовложением 1200 р. с доходностью 1100 руб. Индивидуальным налогом облагался в размере 246 руб. с облагаемого дохода 915 руб. Члены семьи: Жена: Фатыма, 25 л.; сын: Абдулла, дочь: Аминя. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17, как имеющий ветряную мельницу с капиталовложением 1200 руб. и доходностью 1100 руб., признан кулацким хозяйством.

4) Гумаров Карим, родился в деревне Кирби Лаишевского района, 72 года, татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – торговец, служитель культа, избирательных прав лишен. До 1917 г. и после до 1931 г. имел земельный надел, до 1917 г. имел

1 корову, 10 овец, с 1928 г. по 30 г. 1 корову, до 1917 г. имел ветряную мельницу с доходностью до 500 руб. в год, бакалейную торговлю, служитель религиозного культа, 825 руб. в г. до 1917 и после до 30 г. имел 2-х батраков, Халитова Галима, Гайнутдинова Салима, имел сезонных работников до 300 трудодней. Индивидуальным налогом облагался в 1930 г. и 31 г. в размере 133 руб., в кон. 1931 г. в размере 210 руб. Члены семьи: Жена: Нуризания, 44 года. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17, как эксплуататор наемного труда и проживающий на не трудовые доходы, признан кулацким хозяйством.

5) Халитов Зариф, родился в деревне Кирби Лаишевского района, 48 лет, татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – крестьянин-бедняк, избирательных прав лишен с 1927 года. С 1907 г. по 30 г. имел арендной земли и лугов до 2 га, до 17 г. имел: 2 лошади, 2 коровы, 25 овец, с 17 по 28 г. имел: 2 лошади, 2 коровы, 15 овец, с 22 по 28 г. одну лошадь, 1 корову, 5 овец; с 1921 г. по 27 г. имел постоянных батраков до 2-х человек и сезонных до 30 г. до 300 трудодней. С 21 по 27 г. имел бакалейную торговлю по 3-му разряду. В то же время торговал яйцами по 2-му разряду и в 21 г. торговал хлебом. Индивидуальным налогом облагался в 28/29 г. в размере 49 руб. с облагаемого дохода 477 руб. Служил в старой армии рядовым. Члены семьи: Жена: Газиза, 40 л.; дочь: Сабира, 20 л., сын: Салих, 6 лет. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17,

как арендатор земли с применением постоянных батраков и сезонных рабочих, а также имевший бакалейную торговлю и яйцами признан кулацким хозяйством.

6) Хайриев Зямал, родился в деревне Кирби Лаишевского района, 56 лет, татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – крестьянин-кулак, избирательных прав лишен с 1927 года. До революции и после до 30 г. кроме надельной земли арендовал у бедноты до 3 га, до революции и после 22 г. имел: 2 лошади, 2 коровы, 30 овец, с 22 по 28 г. 1 лошадь, 2 коровы, 10 овец. До 17 г. имел постоянного батрака и сезонных рабочих до 100 трудодней. С 17 по 19 г. сезонных до 350 трудодней. До 17 г. и после до 30 г. торговал мясом и яйцами. Осужден в 1924 г. на 5 мес. условно. Члены семьи: Жена: Галима, 55 л.; сын: Бадрутдин, 22 г., сын: Нурутдин, 13 л., дочь: Сулейбах, 10 л. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17, как арендатор земли, с применением постоянных батраков и сезонных рабочих, а также имеющий торговлю яйцами, мясом, признан кулацким хозяйством.

7) Мухаметшин Гариф, родился в деревне Кирби Лаишевского района, 45 лет, татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – крестьянин-кулак, избирательных прав не лишен. До 1917 г. имел: лошадей 3, коров 3, овец 30, с 1917 по 28 г. лошадей 2, коров 2, овец 25, с 28 г.: лошадей 2, коров 2, овец 20, имел ветряную мельницу с доходностью 1000 руб. в год; а также торговал мукой. Индивидуальным

налогом облагался в 28/29 г. в размере 73 руб. 93 коп. с облагаемого дохода 593 руб. и в 31 г. в размере 280 р. с 1000 руб. Члены семьи: Жена: Фатыма, 45 л.; дочь: Шафика, 18 л., сын: Мингали, 16 л., сын: Садри, 14 л., дочь: Роза, 5 л., сын: Салим, 3 г. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17, как имеющий ветряную мельницу с доходностью 1000 руб. и торговлю мукой, признан кулацким хозяйством.

8) Яруллин Хайрулла, родился в деревне Кирби Лаишевского района, 58 лет, татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – крестьянин-кулак, избирательных прав лишен с 1923 года. До 1917 г. и после до 28 г. арендовал у бедноты землю и луга до 3 га, с 28 по 30 г. до 1 га, до 1917 г. имел: лошадей 4, коров 3, овец 30, с 1917 г. по 22 г. имел: 3 лошади, овец 30, с 22 по 28 г. лошадей 4, коров 2, овец 15, с 28 по 30 г. лошадей 1, коров 1, телка 1 и овец 13. До 17 г. и после до 30 г. имел торговлю мясом, имел патент 1-го разряда с применением батрака и сезонных работ до 490 трудодней. Индивидуальным налогом облагался в размере 180 руб. Члены семьи: Жена: Гайша, 58 л., сын: Абдулла, 26 л., сноха: Камаря, 25 л. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17, как арендатор, с применением раб. силы и имевший торговлю мясом, признан кулацким хозяйством.

9) Абдрафиков Сафа, родился в деревне Кирби Лаишевского района, 52 года, татарин, бывшая сословная принадлежность и социальное положение – крестьянин-кулак,

избирательных прав не лишен. До 1917 г. имел лошадей 4, коров 2, овец 20, с 1907 г. по 22 г.: лошадей 3, коров 2, овец 20, с 22 по 30 г.: лошадей 3, коров 1, овец 10, имел ветряную мельницу с доходностью 788 руб., до 17 г. торговал яйцами, после 17 г. мясом, мукой. До 17 г. и после имел батрака. Индивидуальным налогом облагался в размере 195 руб. 20 коп. с облагаемого дохода 788 руб. Члены семьи: Жена: Гайша, 48 л., сын: Ибрагим, 14 л. Постановлением РИКа от 31 марта 1932 г. № 17, как имеющий ветряную мельницу с доход. 788 руб. и имеющий торговлю яйцами, мясом и мукой, а также имевший батрака, признан кулацким хозяйством.

Сведения о некоторых из вышеперечисленных крестьян можно найти также в списках жертв политического террора в СССР⁶. Например: «Халитов Зарип. Родился в 1881 г., Лаишевский р-н, с. Кирби; Проживал: Лаишевский р-н, с. Кирби. Приговорен: Лаишевский РИК 5 июля 1931 г., обв.: кулак. Приговор: высылка – Челябинская обл. Реабилитирован 29 апреля 1993 г.» Идет ли в данном случае речь об одном и том же человеке, точно не известно, так как в списках о раскулачивании, датированных 1932 г., указано, что Халитову Зарифу 48 лет, значит, он 1884 года рождения.

У Яруллина Хайруллы совпадают и год рождения, поэтому можно с уверенностью утверждать, что это вышеупомянутый житель с. Кирби: «... Родился в 1874 г., Лаишевский р-н, д. Кирби; татарин; старатель на прииске. Проживал: Хабаровский

кр., Ульчский р-н, прииск «Дяппе». Арестован 17 августа 1938 г. Приговорен: УНКВД Нижнеамурской обл. 7 февраля 1939 г., обв.: 58–10. Приговор: дело прекращено за недоказанностью обвинения».

На сайте был обнаружен еще один однофамилец: «Яруллин Хайрулла Яруллович. Родился в 1901 г., Лаишевский р-н, д. Кирби; татарин; колхозник. Проживал: Лаишевский р-н, д. Кирби. Арестован 27 марта 1938 г. Приговорен: Судебной коллегией Верховного суда ТАССР 30 января 1939 г., обв.: 58–10 ч. 1. («нецензурные высказывания в адрес руководства партии, правительства»). Приговор: 3 года лишения свободы, поражен. прав на 2 года. Реабилитирован 4 июля 1990 г.».

Подобные документы должны были составляться на каждое крестьянское хозяйство, которое выселялось из села в связи с раскулачиванием. Как правило, раскулачивание крестьян с. Кирби Лаишевского района производилось на основе списков сельчан, лишенных избирательных прав. В социально-экономической характеристике крестьян, которая заполнялась членами сельсовета и подписывалась председателем, имелись разделы о возрасте, национальности, социальном и имущественном положении, лишении избирательных прав, раскулачивании, отчуждении имущества, службе в царской, белой и Красной армиях, участии в выступлениях и терактах, судимости, занятиях торговлей, обложении индивидуальным налогом. Особое место в ней занимали сведения о количестве земли и скота. Как

и в рассматриваемом нами случае, у подавляющего большинства выселяемых выявленные в хозяйстве «кулацкие» признаки приходятся на дореволюционное время. Следовательно, эти данные и становились определяющими при решении судьбы крестьянской семьи. В заключительной части анкеты имелся пункт «Особые отметки». Заполняя его, в некоторых случаях сельсовет отмечает антисоветскую активность, цитирует высказывания крестьянина. По-видимому, этот пункт на практике имел большее значение, нежели имущественные характеристики, и мог сыграть решающую роль при принятии итогового решения. Для большинства семей поводом или одним из поводов к выселению являлась «эксплуатация батраков».

Выселение раскулаченных крестьянских семей из с. Кирби Лаишевского района было тесно связано с проводившейся в 1930-е гг. коллективизацией. Документы свидетельствуют о жестоких условиях, в которых оказывались выселяемые крестьянские семьи. Основанием для раскулачивания, как правило, становились такие показатели хозяйств, как наличие мельницы, торговли бакалеей и сельскохозяйственной и животноводческой продукцией, эксплуатация батраков. Нередко решающую роль играли и антисоветские высказывания крестьян, которые фиксировались в социально-экономической характеристике, составляемой местным сельсоветом.

Сведения об авторе: Насибуллина Алсу Булатовна, научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: bulat.alsu1971@yandex.ru.

Аннотация: Статья посвящена одному из трагических направлений в советской государственной политике 1930-х гг. – раскулачиванию крестьян в годы коллективизации. На примере с. Кирби Лаишевского района раскрываются причины, итоги и последствия проведенного раскулачивания. Выявлены особенности этого процесса в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, крестьяне, кулак, село Кирби, Лаишевский район, Республика Татарстан.

Abstract: The article is devoted to one of the tragic trends in the Soviet state policy of the 1930s—the dekulakization of peasants during the years of collectivization. On the example of the village of Kirby in the Laishevsky district, the reasons, results and consequences of dekulakization are revealed. The features of this process in the region under consideration are revealed.

Key words: collectivization, dekulakization, peasants, kulak, Kirby village, Laishevsky district, Republic of Tatarstan.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. – Казань, 1997. 390 с.
- 2 Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002–2014.

- 3 Галимуллина Г.Х., Насибуллина А.Б. Хәерби авылы тарихыннан сәхифәләр.– Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2019. 500 б., илл.
- 4 Государственный архив РТ, ф. Р-732, оп. 4, д. 225 (от 31 марта 1932 г.). Личная карточка на кулацкое семейство, утвержденное к высылке из пределов республики.
- 5 Шайдуллин Р.В. Раскулачивание // Татарская энциклопедия: в 6 т. Т. 5: Р–С–Т.– Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. С. 27.
- 6 Жертвы политического террора в СССР. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://base.memo.ru/> (дата обращения: 02.04.2019).

**СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ОТВЕТСТВЕННОГО
СЕКРЕТАРЯ ТАТАРСКОГО ОБКОМА РКП(Б)
ДМИТРИЯ ЕГОРОВИЧА ЖИВОВА**

Валиуллин И. Р., кандидат исторических наук

**THE BIOGRAPHY OF THE EXECUTIVE SECRETARY OF
THE TATAR REGIONAL COMMITTEE OF THE RCP (B)
DMITRY YEGOROVICH ZHIVOV**

Valiullin I. R.

В ходе национально-государственного строительства ТАССР в 1920-е гг. выдвинулась целая когорта государственных и политических деятелей. К ней принадлежал Дмитрий Егорович Живов – ответственный секретарь Татарского обкома РКП(б) в 1922–1923 гг. В чреде руководителей республиканской партийной организации, сменившихся за короткий срок в начале 1920-х гг., имя Д. Е. Живова, наверное, не столь известно широкому кругу читателей, как, например, имя А. П. Галактионова, который работал в тот же период и в память о котором названа улица в центре Казани.

Жизненный путь будущего ответственного секретаря Татарского обкома РКП(б) начался в 1896 г. в д. Селиваниха Егорьевского уезда Рязанской губернии. Почти две трети крестьянского населения уезда состояло из бывших помещичьих крестьян¹. Селиваниха еще накануне Крестьянской реформы 1861 г. числилась казенной деревней. В ней насчитывалось 17 дворов и 174 жи-

теля². К началу XX в. количество дворов увеличилось до 44, а численность населения составила 324 чел.³ В описании деревни (конец 1880-х гг.) указывалось: расположена на низменной равнине; «приход в городе; там же и дети учатся в Хлудовском училище, бесплатно»; землевладение общинное, пашня делилась на 42 участка; «длина душевых полос от 15 до 70 сажень, а ширина от 1 до 2½ аршин», «земля посредственная» и др.⁴ В трех верстах от Селиванихи находился уездный центр – г. Егорьевск, который был известен своей ткацкой промышленностью. На одной из егорьевских фабрик работали родители Дмитрия. Окончив фабричную школу и техническое училище, Д. Е. Живов работал токарем, слесарем, машинистом и чертежником⁵.

Революционные события 1917 г. всколыхнули Егорьевск. После Февральской революции 1917 г. в городе вместо прежних органов власти создаются Временный комитет общественных организаций (коалиционный орган местного

самоуправления), Совет рабочих и солдатских депутатов; на фабриках – фабричные комитеты, ставшие хозяевами положения на местных предприятиях⁶. Д. Е. Живов активно включился в общественно-политическую жизнь Егорьевска. В мае 1917 г. он вступил в ряды РКП(б), затем возглавил партийный комитет города, стал членом отряда Красной Гвардии. В период Октябрьской революции 1917 г. Д. Е. Живов – один из активных участников установления советской власти в Егорьевске.

В 1918–1920 гг. он работал секретарем исполкома Егорьевского уездного Совета, заведующим Рязанским уездным отделом управления, председателем Рязанского уездного комитета РКП(б). В 1920 г. Д. Е. Живова избрали секретарем Рязанского губернского комитета РКП(б). В том же 1920 г. он участвовал в работе 9-го съезда РКП(б) и 8-го съезда Советов. В марте 1921 г. Д. Е. Живов был делегатом с правом решающего голоса 10-го съезда РКП(б)⁷. Как и многие делегаты съезда, он принял участие в подавлении Кронштадтского мятежа.

Его дальнейшая биография была связана с Татарской АССР. В 1921 г. двадцатипятилетний Д. Е. Живов получил назначение в Казань в Татарский обком РКП(б), где занял должность заведующего организационным отделом. Некоторое время он работал под руководством А. И. Карпова. В январе-июне 1922 г., после отъезда А. И. Карпова из Казани, обком возглавлял один из назначенцев ЦК РКП(б) в ТАССР – А. П. Галактионов, по совместительству пред-

седатель Казанского городского исполкома. Он был для Д. Е. Живова старшим товарищем как по возрасту (их отличало 8 лет), так и по опыту – за его плечами были революционная деятельность, ответственные должности после Октябрьской революции и участие в Гражданской войне. Впоследствии, после трагической гибели А. П. Галактионова в авиакатастрофе в июне 1922 г., Д. Е. Живов высказывался о нем как о деятеле, который, «несмотря на весь ужас положения Татареспублики», проявил энергию и инициативу, что позволило сплотить, укрепить и усилить партийную областную организацию.

После смерти А. П. Галактионова Д. Е. Живов встал во главе Татарского обкома РКП(б). Его деятельность пришлось на очень непростой период в истории ТАССР: преодоление разрухи и восстановление народного хозяйства республики, голод 1921–1922 гг. и борьба с его последствиями и одновременно становление республики со всеми ее сложностями.

Свой взгляд на сложившееся положение дел в республике он изложил в статье «Партийная работа в условиях ТАССР». Статья была опубликована в день празднования второй годовщины образования республики 25 июня 1922 г. в газете «Известия ТатЦИКа и ОК РКП(б)»⁸. Прежде всего Д. Е. Живов акцентировал внимание читателей на специфике партийной работы в ТАССР, которая отличалась от «обыкновенной губернской работы». По его признанию, «многие товарищи» так и не осознали ее. Что он имел

в виду? Д. Е. Живов говорил о хозяйственных и бытовых особенностях, культурном и политическом уровне, традициях, привычках и «природе местного населения». Татары, составлявшие большинство населения республики, жили до революции на положении «угнетенной национальности»; политика русификации и миссионерства «оставили после себя глубокие следы взаимного недоверия русских и татар, с одной стороны, и религиозный фанатизм среди трудовых татарских масс, – с другой», – отмечал Д. Е. Живов.

Первейшей задачей он считал «постепенное изживание всякого недоверия и национальной вражды между русскими и татарскими массами». Помимо агитационно-пропагандистской работы (объяснение понимания общности задач русских и татарских трудящихся в революции), он придавал важное значение вовлечению татарских рабочих и крестьян в активную работу советских, профсоюзных и кооперативных органов. Со страниц газеты он призывал с большим вниманием относиться к вопросам реализации татарского языка, запросам и нуждам татарских трудящихся и деревни в целом.

Высказал он свое отношение и к татарским коммунистам, которых называл «партийным молодняком», в большинстве своем родом из среды татарского крестьянства и интеллигенции. Равноправное отношение к ним – ни как к «гражданам второго разряда; помощь советом, поддержкой», «внимательным отношением к тем вопросам, которые их волнуют»; «всемерно помогать им сде-

латься хорошими квалифицированными работниками, систематически и планомерно продвигать вперед по партийной и советской лестнице», – требовал от своих партийных коллег Д. Е. Живов. Партийные организации должны были проявлять большее внимание к предложениям татаркоммунистов, особенно когда речь шла о вопросах национальной политики и практики работы в условиях ТАССР.

Только при умелом подходе в области партийной работы и строительства, считал Д. Е. Живов, можно было изжить все «следы национального неравенства и угнетения, недоверия и предубеждения», обеспечить укрепление республики, «тесный и нерушимый союз русских и татарских трудовых масс».

Подоплека выступления Д. Е. Живова была обусловлена ситуацией, сложившейся в сфере национально-государственного строительства в республике и противоборства местных партийно-советских работников. По словам Я. Д. Чанышева, участника совещания Татарского обкома РКП(б) (июль 1923 г.), «все время приходилось вести борьбу за то, чтобы реализовать Татреспублику, но здесь в 20–21 годы мы переживали момент, когда наиболее ответственные товарищи ОК во главе с Карповым, Слуцким стремились к тому, чтобы уничтожить Татарскую республику как таковую в прямом смысле этого слова...»⁹. О сложившейся коллизии во всеуслышание заявил председатель ЦИК ТАССР Р. А. Сабиров на IV-м совещании ЦК РКП(б) с ответственными ра-

ботниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.): так называемые «левые» обвиняли их («правых») в национализме, потому что они «...считали необходимым национализировать татарский язык в гос. органах, расходились по земельному вопросу, настаивали на необходимости привлечения татар в госорганы и т. п.»¹⁰. Неблагополучно обстояло дело и в партийной организации республики. По утверждению Р. А. Сабирова, число татар-членов партии в 1921–1922 гг. было невелико; «может быть, татар было и больше, но... многие татары не могли писать в анкетах, к какой национальности они принадлежат, потому что писать, что он татарин – было опасно»¹¹; в составе Татарского обкома было 7 человек русских и 2 татарина; положение изменилось лишь после предписания центральных органов партии – количество татар увеличили до 4-х чел. «...Какие отношения могли быть между русскими и татарами, когда последние привлекались к работе по предписанию центра, а не по желанию самих местных работников. Поэтому конфликты были без конца и ни один вопрос в областкомме не разрешался без конфликтов и решался обыкновенно простым машинальным большинством голосов», – рассказывал Р. А. Сабиров¹². Но постепенно ситуация выправлялась. По свидетельству Р. А. Сабирова, в 1922 г. картина изменилась: «...татары, с одной стороны, и более понимающие национальный вопрос русские – с другой стороны...» прилагали усилия, чтобы изжить конфликты¹³.

Одно из выступлений Д. Е. Живова на страницах периодической печати было вызвано стремлением усилить активность коммунистов республики. 6 августа 1922 г. через газету «Известия ТатЦИКа и ОК РКП(б)» он обратился ко всем членам областной партийной организации ТАССР¹⁴. Д. Е. Живов заявил, что у некоторых коммунистов сложилось неверное представление: разрешить своими силами все вопросы, все регулировать, за всем следить и правильно оценивать – задача обкома. По его мнению, обком партии мог справиться с поставленными задачами, лишь опираясь на поддержку всей организации и активном участии каждого члена партии в «руководящей партийной работе». Он просил коммунистов республики, особенно из низовых организаций, указывать на «дефекты в работе ОК и организации в целом, или на неправильное проведение в жизнь его директив на местах»; сообщать о «дефектах» и мерах по их устранению письмом лично секретарю обкома (т. е. Д. Е. Живову).

1923 г. стал последним годом пребывания Д. Е. Живова в Татарской АССР. В конце 1923 г. он был отозван из республики в Москву и направлен на учебу. Новому этапу в его биографии предшествовали события, имевшие знаковое значение для всей общественно-политической жизни страны.

В мае 1923 г. был арестован видный политический и государственный деятель М. Х. Султан-Галиев, отличавшийся своим видением решения национального вопро-

са. В его поддержку, обратившись в ЦК РКП(б), выступили председатель СНК К. Г. Мухтаров, председатель ЦИК Р. А. Сабиров, наркомы М. Ю. Брундуков, Г. Б. Богаутдинов и другие деятели республики. Они просили об отмене всякой репрессии по отношению к М. Х. Султан-Галиеву, его освобождению и реабилитации¹⁵. Вскоре К. Г. Мухтаров и Д. Е. Живов были извещены секретным письмом секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова об исключении М. Х. Султан-Галиева из партии «с устранением от всех ответственных советских постов» и передаче дальнейшего расследования его дела в ГПУ¹⁶.

В июне 1923 г. состоялось IV-е совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей; в его работе приняли участие представители ТАССР, в т. ч. и Д. Е. Живов. На совещании разбиралось дело М. Х. Султан-Галиева, деятельность которого квалифицировалась как «антипартийная и антисоветская».

По следам московского совещания в июле 1923 г. состоялось совещание Татарского обкома РКП(б), Областной контрольной комиссии и ответственных работников по национальному вопросу. Д. Е. Живов выступил с докладом, освещавшим основные моменты московского совещания. Часть своего выступления он посвятил особенностям «правого» и «левого» уклонов. Собранным Д. Е. Живов излагал, что «правый» уклон является реакцией на великодержавный шовинизм; «правые» испытывают «некоторое

недоверие» к российскому пролетариату, партии и «организациям, в которых они работают»; «правые не представляют и не могут представлять... надежного оплота против националистических веяний...»; «левых» отличал упрощенный подход к национальному вопросу, отрицание его значения, они «... не хотят или не умеют понять ту обстановку, в которой они работают...» и т. д.¹⁷ Однако «... истина лежит посередине между «правыми» и левыми», – говорил Д. Е. Живов¹⁸.

Его доклад вызвал неоднозначную реакцию. Муслимов, выступивший одним из первых в прениях, назвал «рецепт» Д. Е. Живова – «мы постараемся согласить их» – неудачным. По мнению Муслимова, «средняя линия», которой придерживался обком в соответствии с линией ЦК, на практике получила иное воплощение. «Мы, так называемые интернационалисты, коммунисты, мы, кроме гонений, со стороны ОК ничего не видели...», – так он оценивал деятельность обкома¹⁹. Ему вторил Ахмадеев, который просил обком – «линию свою выпрямить». По словам Усманова, «до сих пор наши работники не кипели в котле национального вопроса, так как мы национальный вопрос все время скрывали...» и доклад Д. Е. Живова произвел впечатление «разорвавшейся бомбы»²⁰. Нарекания Усманова вызывала позиция обкома по отношению к «левым» и «правым»: «левых» жалели «... как незаслуженно обиженных... а некоторых работников из «правых», более активных... в нацио-

нальном вопросе, ОК не допускает к работе...»²¹

В заключительном слове Д. Е. Живов, давая отповедь «левым» коммунистам, обратился к Муслимову со следующими словами: «хотите разрыва организации, хотите образования фракции русской и татарской, хотите вы разрушить работу, которую мы с таким трудом вели и ведем в течение двух лет?»²². «Мы считаем и будем считать, что в национальном вопросе наша линия была и будет правильна»²³, – заявил он. В тоже время он говорил о необходимости изживания «правого уклона», требовал от «правых» коммунистов «равнения на организацию, большего доверия к партии», а в целом отказа и «левых» и «правых» от группировок²⁴.

В резолюции, принятой по его докладу, осуждалась «преступная работа» М. Х. Султан-Галиева, звучал призыв к коммунистам республики «к изживанию остатков султангалиевщины» и решительной борьбе «с возможными уклонами к национализму» и «пережитками национального неравенства» и др.

По окончании совещания ответственный инструктор ЦК РКП(б) П. И. Струппе, участвовавший в его работе, направил в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой, в частности, отмечал, что Д. Е. Живов, «... как секретарь пользуется порядочным авторитетом, как среди русских, так и татарских работников» и что после московского совещания «... и после того, как его тов. Сталин накачал, он взял более твердую линию поведения по отношению к «пра-

вой» и, очевидно, решил от влияния Мухтарова освободиться»²⁵. Тем не менее, Д. Е. Живова отозвали из республики, по-видимому, сочтя недостаточно твердым в проведении партийной линии.

В 1926 г. по окончании курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) он продолжил партийную деятельность. Д. Е. Живов работал в Донском окружном комитете ВКП(б) – заведующим организационным отделом и ответственным секретарем, затем секретарем Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). В 1927–1929 гг. он руководил Крымским областным комитетом ВКП(б). В 1929–1930 гг. – инструктор ЦК ВКП(б). В 1931–1933 гг. Д. Е. Живов учился в Промышленной академии (г. Москва). В последние годы жизни он работал начальником политотдела на Донецкой и Куйбышевской железных дорогах (1933–1937 гг.). В 1937 г. он попал под удар репрессий. Его фамилия фигурировала в так называемых «сталинских расстрельных списках»²⁶. Д. Е. Живов был расстрелян 17 мая 1938 г.

Несмотря на недолгий период пребывания в ТАССР и руководства Татарским обкомом, деятельность Д. Е. Живова сыграла свою роль в общественно-политической жизни, партийном и государственном строительстве ТАССР. Память о нем в республике нашла отражение в книге «Борцы за счастье народное», изданной в 1983 г., в современной энциклопедической и биографической литературе Татарстана²⁷.

Сведения об авторе: Валиуллин Ильдар Рауфович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: safara@yandex.ru.

Аннотация: В статье освещаются некоторые аспекты биографии Дмитрия Егоровича Живова – ответственного секретаря Татарского обкома РКП(б). Основное внимание уделено политической составляющей его деятельности в 1922–1923 гг.

Ключевые слова: Д. Е. Живов, биография, ТАССР, Татарский обком РКП(б), IV-е совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, «правые» коммунисты, «левые» коммунисты.

Abstract: The article highlights some aspects of the biography of Dmitry Yegorovich Zhivov – the executive secretary of the Tatar regional committee of the RCP(b). The main attention is paid to the political component of his activities in 1922–1923.

Key words: D. Y. Zhivov, biography, TASSR, Tatar Regional Committee of the RCP(b), IV meeting of the Central Committee of the RCP(b) with responsible workers of the national republics and regions, «right» communists, «left» communists.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. – Рязань: Типография губернского правления, 1887. Т. 5. Вып. 2: Егорьевский уезд. С. VI.
- 2 Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: по сведениям 1859 г. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1862. Вып. 35: Рязанская губерния. С. 31.
- 3 Населенные места Рязанской губернии. – Рязань: Типография Н. В. Любомудрова, 1906. С. 60.
- 4 Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. – Рязань: Типография губернского правления, 1887. Т. 5. Вып. 2: Егорьевский уезд. С. 244.
- 5 Саркин В. Живов Дмитрий Егорович // Борцы за счастье народное. – Казань: Татарское книжное издательство, 1983. Кн. 2. С. 124.
- 6 Мы егорьевцы: Исторические документы о Егорьевском крае. – М.: Гелиос АРВ, 2015. Кн. 2. С. 463–464.
- 7 Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. С. 724.
- 8 Живов Д. Е. Партийная работа в условиях ТАССР // Известия ТатЦИКа и ОК РКП(б). 1922. 25 июня. С. 2.
- 9 Султанбеков Б. Ф., Шарафутдинов Д. Р. Неизвестный Султан-Галиев: Рассекреченные документы и материалы. – Казань: Татарское книжное издательство, 2002. С. 95–96.
- 10 Тайны национальной политики ЦК РКП. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Москва. Бюро Секретариата ЦК РКП, июнь 1923 г.). – М.: ИНСАН, 1992. С. 140–141.
- 11 Там же. С. 139.
- 12 Там же. С. 139–140.
- 13 Там же. С. 140.
- 14 Живов Д. Е. Ко всем членам РКП(б) областной организации Татреспублики // Известия ТатЦИКа и ОК РКП(б). 1922. 6 августа. С. 1.
- 15 Султанбеков Б. Ф., Шарафутдинов Д. Р. Неизвестный Султан-Галиев: Рассекреченные документы и материалы. – Казань: Татарское книжное издательство, 2002. С. 60–64.
- 16 Там же. С. 70.
- 17 Там же. С. 86, 87.
- 18 Там же. С. 87.

- 19 Там же. С. 94.
- 20 Там же. С. 96.
- 21 Там же. С. 97.
- 22 Там же. С. 166.
- 23 Там же. С. 166.
- 24 Там же. С. 169, 171, 172.
- 25 ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. 1918–1933 гг. / Сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая.– М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. Кн. 1. С. 137.
- 26 Сталинские расстрельные списки. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://stalin.memo.ru/lists/list311/#person-191-3-3> (дата обращения: 16.04.2021).
- 27 Саркин В. Живов Дмитрий Егорович // Борцы за счастье народное.– Казань, 1983. Кн. 2. С. 124–127; Живов Дмитрий Егорович // Татарская энциклопедия: в 5 т.– Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–Й. С. 377; Валиуллин И.Р. Живов Дмитрий Егорович // Политические деятели Татарстана: биографические очерки (1920–2020 гг.).– Казань: ОСП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2020. С. 121–123.

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕЛ И КОЛХОЗОВ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗА
«АЛГА» С. КИРБИ ЛАИШЕВСКОГО РАЙОНА РТ)**

Галимуллина Г. Х.

**RECONSTRUCTION OF VILLAGES AND COLLECTIVE
FARMS IN THE POST-WAR PERIOD (ON THE EXAMPLE OF
THE «ALGA» COLLECTIVE FARM IN THE KIRBI VILLAGE,
LAISHEVSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC
OF TATARSTAN)**

Galimullina G. Kh.

Послевоенный период восстановления и развития хозяйства села был одним из наиболее трудных. Усилиями сельских тружеников и вернувшихся с войны солдат нужно было восстановить село, выполнить план четвертой пятилетки (1946–1951 гг.), обеспечить страну продовольствием. Одним из тех, на чью долю выпала эта сложная задача, был С. Г. Гайнутдинов¹.

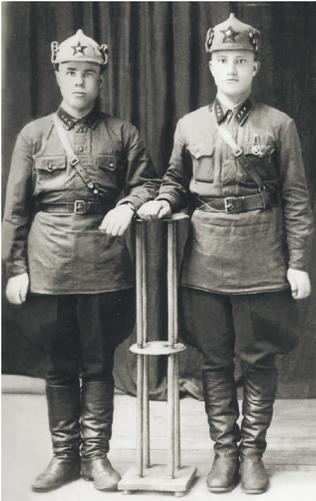
Салихзян Гайнутдинов родился 3 октября 1915 г. в с. Куюки Державинской волости Лаишевского уезда Казанской губернии. После смерти родителей осиротевший мальчик был отправлен в детский дом в с. Нармонка. Спустя некоторое время его усыновила бездетная пара из с. Кирби² Лаишевского района – Ахметзян и Гайша.

Как и во всей России, времена были беспокойные. Первая мировая и Гражданская войны, коллективизация, массовый голод в Поволжье

не могли не отразиться на жизни сельских жителей, однако благодаря приемным родителям маленький Салихзян рос крепким, здоровым и смышленным ребенком.

В 1924 г. на заводе Московского автомобильного общества был выпущен первый грузовой автомобиль АМО-Ф15. Начиная с 1930-х гг. первые грузовики стали поступать в колхозы. Обычно это были грузовые автомашины, прозванные в народе «полуторка» (грузовик ГАЗАА грузоподъемностью 1,5 т). Сельские жители встречали машину с искренней радостью и гордостью. К шоферам односельчане относились с большим уважением.

Для всех подростков с. Кирби большой новостью стала организация в районе курсов водителей. На них были отобраны 7 самых способных юношей, в том числе и Салихзян. Основной упор в подготовке шоферов делался на знание



*Красноармеец
С. Гайнутдинов. 1939 г.*



*С. Гайнутдинов
с родителями и семьей.*



С. Гайнутдинов.



С. Гайнутдинов в Москве. 1954 г.



*Рустам Хазрат Хайруллин
и Дамир Сафин.*



Мечеть «Салих».



*Диплом
С. Гайнутдинова.
1949 г.*

технического устройства автомобиля и умение его ремонтировать, чтобы после окончания курсов они могли производить самостоятельный ремонт машины. Салихзян успешно окончил курсы и стал работать шофером в родном селе.

В 1937 г. Салихзян Гайнутдинов был призван в РККА, однако незадолго до окончания службы началась Великая Отечественная война. Он ушел на фронт: был наводчиком артиллерийского орудия, шофером, командиром взвода. Ему посчастливилось дожить до дня Победы, который он встретил в Берлине. После демобилизации в 1945 г. Салихзян вернулся домой в с. Кирби, ставшее близким его сердцу. За боевые подвиги он был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, многочисленными медалями. Солдата, прошедшего войну и удостоенного государственных наград, односельчане избрали председателем колхоза «Алга» («Вперед»).

В связи с тем, что в годы войны из-за мобилизации на фронт количество лошадей в селах значительно уменьшилось, правительство поставило задачу увеличения их поголовья. За короткий промежуток вре-

мени колхозу удалось восстановить поголовье лошадей, за что в 1949 г. С. Гайнутдинов, как председатель передового колхоза, был награжден дипломом Совета Министров ТАССР и денежной премией в 1000 руб. Перед вручением награды он был приглашен в областной комитет КПСС, где его поставили перед выбором: звание Героя Социалистического Труда либо диплом и денежное вознаграждение. Посоветовавшись с женой Камилей, он решил взять денежное вознаграждение и построить новый дом.

Вот некоторые данные колхоза в период руководства Гайнутдинова. К 1950 г. в селе насчитывалось 316 хозяйств, трудоспособного населения – 249 мужчин и 378 женщин³. В 1952 г. государство выдало колхозу ссуду 45 769 руб. для строительства ГЭС на р. Меша у сс. Кирби и Караишево. Но построенная ГЭС функционировала лишь год и была разрушена весенним паводком. В 1954 г. началось подключение сел и деревень к государственным энергосистемам, поэтому многие малые колхозные ГЭС были выведены из эксплуатации и демонтированы.

В 1953–1954 гг. колхоз произвел и продал государству:

	1953 г.	1954 г.
Картофель	430 ц	922 ц
Мясо	193 ц	273 ц
Молоко	37 414 л	69 620 л

За один трудовой день колхозники в 1954 г. получали: денежное вознаграждение – 44 коп., зерно – 3 кг, овощи – 1,7 кг, солома – 1 кг, мед – 2 г, в 1955 г.: денежное вознагражде-

ние – 92 коп., зерно – 1,2 кг, овощи – 1,5 кг, солома – 860 г.

Для увеличения производительности сельскохозяйственной продукции необходимо было вносить

органические и минеральные удобрения. Так, в 1956 г. колхозом было добыто 2000 т торфа для удобрения полей и изготовления горшков для посадки кукурузы. Для удобрения полей было вывезено 5660 т навоза, 300 ц золы, 150 ц куриного помета, закуплено 1000 ц извести, 300 ц сульфата аммония, 300 ц калия, 350 ц суперфосфата, 250 ц аммиачной селитры.

Под руководством С. Гайнутдинова проводились работы по очистке территорий, которые должны были быть затоплены водами Куйбышевского водохранилища, а также мелиоративные работы (в 1957 г. были осушены 600 га болота под пашню). Во второй половине 1950-х гг. колхоз участвовал в посадке леса в Лаишевском районе. За успешную работу по досрочному выполнению планов правительства постановлением Министерства лесной промышленности ТАССР С. Гайнутдинов был награжден велосипедом. В газете «Советская Татария» в номере от 5 октября 1959 г. была опубликована статья об успехах колхоза в посадке леса.

Председатель колхоза вложил много сил в улучшение культурно-бытовых условий жителей и благоустройство села. Он организовал в колхозе пожарную службу и поставил перед односельчанами задачу ликвидировать соломенные крыши. По его инициативе был построен клуб и куплен киноаппарат для показа фильмов, проведено электричество и радио.

Колхоз «Алга» начал заниматься овощеводством, был посажен яблоневый сад и устроена снегозащитная

лесная полоса. В 1957 г. в селе была построена свиноферма. С ростом хозяйства увеличилось поголовье племенных лошадей, коров, овец, кроликов, гусей, уток и кур. В 1962 г. были приобретены шерстобойка и пилорама, возведены животноводческий комплекс, зернохранилище и кормохранилище.

В годы руководства С. Гайнутдинова колхоз «Алга» перевыполнял планы сельского хозяйства, за что был награжден автомобилем ГАЗ69. В 1958 г. был приобретен (частично выкуплен) тракторный парк Столбищенской МТС. В этот же период на собственные средства колхозом были приобретены одна легковая машина, 8 грузовиков, токарный станок.

Салихзян Гайнутдинович – ветеран войны и труда, делегат областных, районных партийных конференций, член райкома КПСС, депутат сельсовета. В 1954 г. он участвовал в слете передовиков СССР на выставке сельскохозяйственных достижений в Москве, в 1956 г. был делегатом на открытии Татарского государственного театра оперы и балета им. М. Джалиля.

В 1960 г. из-за болезни он ушел с поста председателя колхоза, но продолжил общественную деятельность, возглавляя в 1962–1981 гг. группу народного контроля. Он умер 5 октября 2001 г. и был похоронен на кладбище с. Кирби.

3 сентября 2015 г. в с. Песчаные Ковали Лаишевского района открылась новая мечеть «Салих». Главным меценатом строительства мечети стал Дамир Сафин, внук Салихзяна Гайнутдинова.

Сведения об авторе: Галимуллина Гульшат Хабулловна, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: kirbi2@mail.ru.

Аннотация: В статье изложена история восстановления колхоза «Алга» с. Кирби Лаишевского района после Великой Отечественной войны, описан большой вклад в развитие колхоза и села председателя колхоза С. Г. Гайнутдинова.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Лаишевский район, село Кирби, Салихзян Гайнутдинов, биография.

Abstract: The article describes the history of the restoration of the collective farm «Alga» Kirbi village of the Laishevsky district after the Great Patriotic War, a great contribution to the development of the collective farm and the village of the chairman of the collective farm S. G. Gainutdinov is described.

Key words: Republic of Tatarstan, Laishevsky district, Kirbi village, Salikhzyan Gainutdinov, biography.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Галимуллина Г. Х., Насибуллина А. Б. Хәерби авылы тарихыннан сәхифәләр. Страницы истории села Кирби. – Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2019. Б. 89–94.
- 2 Кирби // Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань, 2006. Т. 3. С. 296–297.
- 3 Здесь и далее все цифровые данные показателей колхоза «Алга» из семейного архива Г. С. Гайнутдинова.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОЛХОЗА ИМЕНИ МУЛЛАНУРА ВАХИТОВА АЛЕКСЕЕВСКОГО РАЙОНА РТ

Асрутдинова Р. А., кандидат сельскохозяйственных наук

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE COLLECTIVE FARM NAMED AFTER MULLANUR VAKHITOV, ALEKSEEVSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Asrutdinova R. A.

Коллективные хозяйства в селах на территории России стали возникать с 1918 г. В зависимости от степени обобществления средств производства (скот, сельхозтехника, инвентарь, семена, постройки и т. д.) встречались три формы хозяйствования: товарищество по совместной обработке земли, сельскохозяйственная артель, сельскохозяйственная коммуна. По данным на июнь 1929 г., коммуны составляли 6,2% всех колхозов в стране, ТОЗы – 60,2%, сельскохозяйственные артели – 33,6%¹.

В Казанской губернии в 1918 г. в числе первых образовалась трудовая артель в г. Спасск, вскоре была организована Новошешминская сельскохозяйственная артель. Одновременно с артелями, создавались коммуны и совхозы. На 1 июля 1919 г. в Казанской губернии числилось 72 колхоза, объединявших 4690 чел. В 1919–1920-х гг. в селах создавались преимущественно земледельческие артели. Основная часть кол-

хозов возникла на базе объединения простого крестьянского инвентаря и рабочего скота.

Количество колхозов в Татарстане на 1 октября 1928 г. выросло до 333, почти в каждом кантоне имелись хозяйства, добившиеся определенных успехов: «Агрокультура» – в Чистопольском, «Луч» – в Челнинском, «Дружба» – в Мензелинском, имени Ленина – в Бугульминском, «Искра» – в Актанышском, «Ярдям» – в Тетюшском районах. Первыми организаторами колхозов чаще всего были сельские активисты (в большинстве коммунисты, комсомольцы) из числа бедноты и бывших красноармейцев².

История колхоза им. Мулланура Вахитова Алексеевского района началась с того, что в декабре 1929 г. в с. Степная Шентала был организован колхоз «Болгар». В его состав вошли 167 личных хозяйств села. Весной 1930 г. начались волнения среди населения, и колхоз распался,

осталось всего 18 дворов (личных хозяйств). Именно этот коллектив и стал ядром для последующего развития хозяйства. Колхоз с 1930 г. вплоть до 2005 г. носил имя татарского революционера и общественно-политического деятеля Муллачура Вахитова. Первым председателем колхоза в 1930 г. был избран Сиразетдин Хисамиев³.

В 1950 г. хозяйство объединилось с соседним, организованным в 1929 г. колхозом «Красный победитель» (с. Сахаровка). Всего сельскохозяйственных земель у хозяйства стало 4405 га, в том числе пашни – 4176 га. Впоследствии население с. Сахаровка постепенно перешло работать в соседнее хозяйство – совхоз «Красный Восток». Сельскохозяйственные земли бывшего колхоза остались за колхозом им. М. Вахитова.

Хозяйство приобрело известность в середине 1960-х гг., когда председателем колхоза работал Гали Саетович Галеев (годы работы 1951–1960 гг.). В эти годы колхоз начал получать неплохие для того времени урожаи зерновых и кормовых культур, развивалось общественное животноводство, началось строительство животноводческих помещений, зерноскладов, мастерских для ремонта сельскохозяйственной техники и т. д.

Самых больших успехов хозяйство достигло в 1961–1976 гг. под руководством Нургали Авхадиевича Ахметова, став передовым в районе. Оно славилось высокими и устойчивыми показателями как в растениеводстве, так и в животноводстве. Площадь сельскохозяйственных

угодий хозяйства в 1966–1970-х гг. составляла 4116 га, в том числе пашни – 3766 га. Поголовье крупного рогатого скота – 916 голов, в том числе коров – 237 голов. Урожайность зерновых в эти годы была 22,2 ц с 1 га, надой молока – 2712 кг на 1 корову. В эти годы произведено молока – 150 ц, мяса – 40 ц на 100 га сельскохозяйственных угодий.

Высокие показатели сохранились и в годы правления хозяйством Нургазиза Вагизовича Киямова. В 2002 г. урожайность зерновых достигла 50,4 ц с га.

В 2005 г. количество дворов составляло 223. Численность работающих – 163 чел. Площадь сельскохозяйственных угодий – 3799 га, в том числе пашни – 3528 га. Хозяйство в эти годы занималось производством зерна, молока, мяса. Поголовье крупного рогатого скота составило 1334 голов, в т. ч. коров – 517. Урожайность зерновых культур – 35,1 ц с 1 га, надой молока – 3300 кг на 1 корову. На 100 га сельскохозяйственных угодий произведено молока 449 ц, мяса – 56,6 ц. Рентабельность в 2000 г. составила 38,6%, в 2001 г. – 13,2%, в 2005 г. – 5,0%.

С 1960-х гг. колхоз известен как передовое хозяйство, в котором создана современная материально-техническая база производства продукции растениеводства и животноводства, внедрены внутрихозяйственный расчет, коллективный, арендный подряды, чековая форма учета и контроля затрат. Степная Шентала газифицирована, телефонизирована, обеспечена центральным водоснабжением, асфальтированными дорогами.

ми, имеются необходимые объекты социально-культурного назначения: школа, дом культуры, фельдшерско-акушерский пункт, магазин.

В 1970–1980-е гг. колхоз неоднократно награждался Почетными грамотами ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, дипломами ВДНХ СССР и ТАССР. В 1970 г. ему присвоили звание «Хозяйство высокой культуры земледелия». Многие

работники колхоза были удостоены государственных наград, в т. ч. почетных званий РФ и РТ – 9 чел., ордена Ленина – 3 чел., Октябрьской Революции – 1, Трудового Красного Знамени – 8.

Колхоз им. М. Вахитова ликвидирован 12 мая 2010 г. В настоящее время на территории сельского поселения действуют 6 КФХ и ООО «Сэт Иле».

Сведения об авторе: Асрутдинова Руфина Ахметовна, кандидат сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: karima.2006@yandex.ru.

Аннотация: Статья посвящена проблеме становления и развития коллективного хозяйства им. М. Вахитова Алексеевского района Республики Татарстан, приводится краткая характеристика основных направлений деятельности хозяйства, динамика выпуска продукции в 1990-х гг.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Алексеевский район, колхоз им. М. Вахитова.

Abstract: The article is devoted to the problem of the formation and development of the collective economy named after Vakhitov, Alekseevsky district of the Republic of Tatarstan, provides a brief description of the main activities of the economy, the dynamics of production in the 1990s.

Key words: Republic of Tatarstan, Alekseevsky district, collective farm named after M. Vakhitov.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Колхоз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D1%85%D0%BE%D0%B7> (дата обращения: 15.02.2021).
- 2 Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. Т. 1. 712 с.
- 3 Татарская энциклопедия: в 6 т./ Гл. ред. М. Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань, 2005. Т. 2. С. 467.

ЛЕНИНОГОРСК – ГОРОД, РОЖДЕННЫЙ НЕФТЬЮ

Аскарова Л. Р.

LENINOGORSK – A CITY BORN OF OIL

Askarova L. R.

18 августа 2020 г. городу нефтяников Лениногорску исполнилось 65 лет. По человеческим меркам возраст достаточно солидный, по историческим город еще совсем юный. Тем не менее, у него есть своя история, свои достопримечательности, своя изюминка. Построенный практически на пустом месте, Лениногорск сегодня представляет собой цветущий и очень уютный город. Правда, дорога к городу-саду была очень непростой, тернистой. Первопроходцы жили в бараках с удобствами во дворе, не было дорог, транспорт ходил с большими перебоями, были проблемы в снабжении продовольственными и промышленными товарами. Но люди терпели и работали – для себя, своих детей и будущих внуков. И построили город, который неоднократно удостоивался звания одного из самых благоустроенных городов Татарстана и России.

Город республиканского подчинения (до 1955 г.с. Новая Письмянка), центр Лениногорского района, расположен на юго-востоке РТ, в верхнем течении р. Степной Зай, в 322 км от Казани¹. Он является одним из крупнейших центров нефтяной промышленности Республики

Татарстан. 31 января 1947 г. в 7 км от Новой Письмянки начались работы по бурению скважины № 3 на Ромашкинской площади с проектной глубиной 1800 м. 25 июля 1948 г. был получен нефтяной фонтан с дебитом 60 т нефти в сутки, затем дебит увеличился до 120 т. Было открыто крупнейшее Ромашкинское нефтяное месторождение. На основании постановления Совета Министров СССР от 28 апреля 1950 г. и приказа Министерства нефтяной промышленности № 158 от 4 мая 1950 г. в Новой Письмянке создан буровой трест «Татбурнефть». На базе Шугуровского укрупненного нефтепромысла (образован 27 июля 1945 г.), Ромашкинского нефтепромысла № 1, Миннибаевского нефтепромысла был образован государственный союзный нефтедобывающий трест «Бугульманефть» (ныне НГДУ «Лениногорскнефть»). В июне этого же года были организованы вышкомонтажная контора, контора пароводоснабжения, электромонтажная, тракторная, автотранспортная, тампонажная и жилищно-коммунальная конторы. Началось масштабное строительство первого посёлка нефтяников, названного жителями Зеленогорском. Стро-

ительство было поручено специально созданному в рабочем поселке строительно-монтажному тресту «Бугульманефтестрой» (в последующем «Лениногорскнефтестрой»), а также дорожно-строительным частям Советской армии.

О масштабах начатого строительства и преобразованиях этого края красноречиво говорят документы тех лет. В докладной записке секретаря Ново-Письмянского райкома КПСС и председателя исполкома Ново-Письмянского районного совета в Татарский обком КПСС отмечалось, что в связи с бурным развитием нефтяной промышленности в республике, Ново-Письмянский район приобрел важное хозяйственно-политическое значение как один из крупнейших центров нефтяных районов Татарской АССР.

В районе в широких размерах велось бурение нефтяных скважин, добыча нефти, промышленное, жилищное и культурно-бытовое строительство. Только на 1955 г. был предусмотрен объем капитальных вложений в сумме 713 млн. руб.

В рабочем поселке Новая Письмянка были сосредоточены важнейшие предприятия нефтяной промышленности союзного значения, в том числе предприятия нефтепромыслового управления «Бугульманефть», треста буровых работ «Татбурнефть», крупнейшие строительные организации треста «Ромашкинонефтестрой», СУ-2, СУ-3 треста «Бугульманефтестрой», СМУ-1 треста «Татнефтепромстрой», авторемонтный завод треста «Нефтедорстрой», шлакоблочный завод треста «Ромаш-

киннефтестрой», железнодорожный узел и ряд других предприятий. Всего в районе насчитывалось 51 предприятие промышленности, в том числе 43 предприятия нефтяной промышленности².

В Ново-Письмянском районе к марту 1955 г. проживало 91800 человек, в том числе в рабочем поселке 59820. В распоряжении жителей рабочего поселка Новая Письмянка имелось 2684 одноэтажных, двух и трехэтажных домов, в том числе в индивидуальном секторе 1332 дома. В районе насчитывалось 55 начальных, семилетних и средних школ, из них: в рабочем поселке 6 средних и 4 семилетних школы, 9 клубов и кинотеатров, вечерняя школа рабочей молодежи, школа ФЗО, 2 учебных комбината, музыкальная школа, техническое училище, нефтяной техникум, медицинское училище, 5 библиотек, больница, поликлиника, роддом, 2 аптеки, дом техники. К этому времени было построено около 10 км асфальтированных дорог и 60 км инженерных сетей³.

Для размещения систематически увеличивающегося населения в связи с бурным развитием нефтяной промышленности в районе планировалось строительство поселка городского типа на 100 тыс. чел. (первая очередь). По генеральному плану было запроектировано и шло строительство капитальных жилых и административных зданий в два и три этажа, Дворца культуры на 500 чел., Дома пионеров и других культурно-бытовых, торговых и медицинских учреждений. Предусматривалась газификация и теплофикация до-

мов и учреждений с центральным отоплением, а также проведение канализации во всем поселке.

В течение 1955–1956 гг. должны были войти в строй 2 средние школы каждая на 440 мест, семилетняя школа на 280 мест, стадион на 5 тыс. мест, 2 детских сада каждый на 125 мест, больничный городок на 150 коек, 2 детских яслей каждые на 88 мест, детские ясли на 125 мест, 3 бани, прачечная на 1000 кг белья в сутки, теплица ОРСа, комбинат бытового обслуживания, хлебозавод с производительностью 30 тонн в сутки, база ОРСа, новый колхозный рынок и другие объекты⁴.

Учитывая происшедшие коренные изменения в экономике Ново-Письмянского района и развитие нефтяной промышленности, руководство района посчитало необходимым преобразовать рабочий посёлок Новая Письмянка в город областного подчинения Лениногорск.

18 августа 1955 г. вышел указ Президиума Верховного Совета РСФСР о преобразовании рабочего посёлка Новая Письмянка в город республиканского подчинения и переименовании его в Лениногорск. Но еще 13 августа 1955 г. было принято постановление ЦК КПСС по данному вопросу, в соответствии с которым бюро Татарского обкома КПСС от 16 августа 1955 г. постановило: «а) преобразовать рабочий посёлок Новая Письмянка в город республиканского (АССР) подчинения, присвоив ему наименование Лениногорск; б) переименовать Ново-Письмянский район в Лениногорский»⁵.

5 октября 1955 г. на заседании бюро Лениногорского горкома КПСС был рассмотрен вопрос «Об организации Исполкома городского Совета депутатов трудящихся». Было принято решение организовать горисполком в составе 7 человек и обязать управляющего трестом «Лениногорскнефтьстрой» тов. Бондарь представить для Исполкома городского Совета депутатов трудящихся 10 комнат во вновь строящемся служебном здании для треста «Лениногорскнефтьстрой» во временное пользование⁶.

Уже с 23 октября 1955 г. в г. Лениногорске на базе бывшей районной газеты начала издаваться городская газета «Заветы Ильича». Однако отсутствие городской типографии затрудняло выпуск газеты три раза в неделю на четырех страницах. В связи с этим бюро Лениногорского горкома КПСС и исполком городского Совета депутатов трудящихся 31 октября 1955 г. постановили «просить Совет Министров ТАССР внести предложение в Министерство культуры СССР об образовании с 1 января 1956 года в г. Лениногорске Татарской АССР городской хозрасчетной типографии»⁷.

Организация внутригородского транспортного сообщения, как один из острых вопросов, был рассмотрен на совместном заседании бюро Лениногорского горкома КПСС и исполкома городского Совета 15 декабря 1955 г. Было отмечено, что ввиду отсутствия в г. Лениногорске внутригородского транспорта, «вахтовые рабочие вынуждены со всех концов города проходить ежедневно к авто-

вокзалам от некоторых кварталов до 6 км, а все население города лишено возможности пользования городским транспортом». Учитывая значительность территории города: расстояние от культурного и административного центра города до отдельных окраин, включая районный центр и район железнодорожной станции, достигало 5 км, а расстояние от железнодорожной станции до центра города – 3,5 км, до самой отдаленной окраины – 8 км, было постановлено «организовать внутригородское автобусное движение и парк «Такси», для чего просить Совет Министров Татарской АССР создать в городе Лениногорске в 1 квартале 1956 г. специальную контору городского транспорта»⁸.

В городе шло активное строительство социально-культурных объектов. В 1950-е гг. были построены большинство ныне действующих школ города, Дом пионеров (в 1956 г., ныне Дом детского творчества), строительное училище (в 1957 г., ныне политехнический колледж), нефтяной техникум (в 1958 г.), открыты Центральная городская библиотека (в 1957 г.), Центральная детская библиотека (в 1956 г.). В последующие годы в городе были построены Дом культуры, ДЮСШ № 1, два кинотеатра, стадион, Музей нефти, плавательный бассейн, педагогическое училище, детские сады и другие объекты.

В городе много памятников, которые отражают этапы его становления. Так, уже в 1955 г. была открыта ротонда-стела, посвященная первостроителям города, а в 1956 г. –

памятник М. Горькому в Центральном парке культуры и отдыха. Затем появились памятник В. И. Ленину, Аллея Героев, которая включает памятник павшим в годы Великой Отечественной войны, Вечный огонь, 12 обелисков с бюстами Героев Советского Союза, Обелиск Славы, барельефы трёх полных кавалеров ордена Славы, барельефы труженников тыла, памятник М. Вахитову, монумент первооткрывателям нефти Татарии, памятник В. Д. Шашину и др.⁹

На сегодняшний день нефтегазодобывающая промышленность в Лениногорске представлена предприятиями: НГДУ «Лениногорскнефть», ООО «Лениногорское управление тампонажных работ», АО «Геотех», ООО «Татнефть-Актив», ЗАО «Охтин-Ойл», ООО «Лозна Сервис». В городе функционируют ООО «Лениногорский механический завод», АО Лениногорский завод железобетонных изделий», предприятия легкой (швейная фабрика ООО «Компания Карлен») и пищевой (ЗАО «Торос молоко», ООО «Колос») промышленности, также функционируют птицефабрика, завод по производству минеральных вод и безалкогольных напитков «Агропак-Татарстан». В городе работает политехнический колледж, нефтяной техникум, музыкально-художественный педагогический колледж, филиал Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева, 14 общеобразовательных учебных заведений, начальная школа – детский сад, 34 дошкольных образова-

тельных учреждений, коррекционная школа, Краеведческий музей, Музей нефти, Дворец культуры, Дом детского творчества, Дом книги, Дом молодежи, Центральная библиотека им. Г. Тукая, 6 детско-юношеских спортивных школ, ледовый дворец спорта, стадион «Юность», мечеть «Ихлас» (2006 г.), мечеть «Абу Ханифа» (2017 г.), церковь Святой

Троицы (1994 г.), храм-часовня Всех Святых (2000 г.)¹⁰.

Город является родиной Героя Советского Союза И. Ф. Денисова; деятелей науки Р. Р. Ибатуллина, Ф. Ш. Мусина, Р. И. Сафина; спортсменов И. С. Галимова, Р. С. Трофимова; лауреата Государственной премии В. В. Самойлова.

Сведения об авторе: Аскарва Лилия Раисовна, научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: askaroval@mail.ru.

Аннотация: Статья посвящена прошлому и настоящему города Лениногорск Республики Татарстан, анализируется современное социально-экономическое состояние города.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Лениногорск, нефть, нефтяники, строительство, памятник, уроженцы.

Abstract: The article is devoted to the past and present of the city of Leninogorsk in the Republic of Tatarstan, the current socio-economic state of the city is analyzed.

Key words: Republic of Tatarstan, Leninogorsk, oil, oilmen, construction, monument, natives.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Татарская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Х. Хасанов, ответ ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3. С. 592.
- 2 ГА РТ, ф. П-8136, оп. 1, д. 432, л. 16.
- 3 Там же, л. 17.
- 4 Там же, л. 18.
- 5 Там же, ф. П-15, оп. 6, д. 4155, л. 15.
- 6 Там же, ф. П- 114, оп. 1, д. 4466, л. 4.
- 7 Там же, л. 66.
- 8 Там же, л. 171.
- 9 Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. – Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. Т. 2. С. 694–747.
- 10 Татарстану – 100 лет: иллюстративные энциклопедические очерки. – Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2019.

**ТӨБӘКЧЕЛЕК БЕЛЕМЕ ҺӘМ ТӨБӘК
ЭНЦИКЛОПЕДИЯСЕ («БУА ЭНЦИКЛОПЕДИЯСЕ»
МИСАЛЫНДА)**

Галиева Л. К.

**LOCAL HISTORY AND REGIONAL ENCYCLOPEDIA
(ON THE EXAMPLE OF THE «BUINSK ENCYCLOPEDIA»)**

Galieva L. K.

Татар халык төбәкчелек белеме XIX гасырда – XX гасыр башында тарих фәне үсеше йогынтысында формалаша. Әлеге чорда авыллар һәм аерым бер жирлекләр тарихын төзегәндә шәжәрәләр төп чыганаclarның берсен тәшкит итә. К. Насыйри татарлардан беренчеләрдән булып Казан губернасындагы 20 авылның тарихы буенча фәнни-төбәкчелек әсәрен яза (1926 елда басыла). Татар телендә беренче тапкыр төбәк тарихы буенча нәшер ителгән хезмәт – жәмәгать һәм дин эшлеклесе, педагог, сонрак Россиянең 2 нче һәм 3 нче Дәүләт Думалары (1907–1912) депутаты М. М. Тукаевның (1862–1932) 1899 елда дөнья күргән «Тарихы Эстәрлебаш» китабы¹.

Совет чорында төбәкчелек белеменең чыганаclar базасы киңәя һәм төрлеләнә, чикле кысаларда булса да, архивлар фондларындагы төрле вакыйгаларга нисбәтле материаллардан файдалану мөмкинлекләре ачыла. Шул ук вакытта туган якны өйрәнү хәрәкәте идеологик-сәяси басым йогынтысында була. Әлеге

күренеш Октябрь революциясеннән дистә еллар чамасы узганнан соң көчәя башлый. Биредә 1931 елда Коммунистик академиянең төбәкчеләр секциясе жирлегендә Төбәкче-марксистлар жәмгыяте оештырыла, IV Бөтенроссия төбәкчеләр конференциясендә төбәкчеләр оешмалар челтәрен үзгәртеп кору турындагы карар, 1937 елда РСФСР Халык Комиссарлары Советының «Төбәкчелек эшләрен үзәктә һәм урыннарда үзгәртеп кору турында» карары кабул ителү, соңгысында «төбәкчеләрнең Үзәк һәм жирле бюроларының алга таба яшәүләре максатка яраксыз» дип табылуы һәм Халык мәгарифе комиссариатына әлеге оешмаларны ябарга күрсәтмә бирелүе хәлиткеч роль уйный. Барлык өлкә жәмгыятьләре, шул исәптән Татарстанны өйрәнү жәмгыяте, Казан университеты каршындагы Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте эшчәнлеге туктатыла, күп кенә күренекле төбәкче галимнәр эзәрлекләнә, зинданнарда ябыла, атыла. Әмма алга таба, псевдodemократик шигарьләр гамәлгә ашыры-

луы (моңа Бөек Ватан сугышының жиңүле тэмамлануы, Н. С. Хрущев «жепшеклеге» һ. б. этэргеч бирэ) нэтижэсендэ, тыюлар һәм чикләүләр дә үзгәрешләр кичерэ, тик алар эчтәлекле мәйданны гына күздэ тотта, асыл («бердәм совет халкы тарихы уртақ тамырларының тэкъдири бергәлеге») башлыча элеккегечэ үк кала.

Әлбәттэ, төбәкчелек белеме торышында сәяси-идеологик басым совет дәүләте үсешенә барлык чорларында да бер үк дәрәжәдә саклана алмады, һәм ул жәмгыять торышының конкрет социологик халәтенә дә бәйле иде. Әлегә хакыйкәт турыдан-туры милләтнең һәм аның билгеле бер территориядә гомер кичергән төркөмнәренә, вәкилләренә ижтимагый ихтыяжлары эволюциясенә бәйле. Бу исә төбәкчелек белеменә оештыру формалары буенча дәүләт (ягъни фәнни), жәмәгать һәм мәктәп төркөмнәренә бүленүендә ачык чагыла. Беренчесендә рәсми (дәүләти) мәнфәгатьләренә өстенлек итүе табиғый. Икенчесендә, рөхсәтле кысалар эчендә булса да, тарихи фикерләү, шәхси күзаллау һәм, билгеле бер дәрәжәдә, мөстәкыйль тасвирлау омтылышы аңлашыла. Өченче төркөмдә исә элгәреләрендәге принципларның синтезы күзәтелә, шул ук вакытта дәүләт идеологиясенә көчле йогынтысы саклана. Моңы совет чорында мәктәпләрдә киң таралган колхоз-совхозлар, өлешчә генә булса да авыллар тарихын яктырткан альбомнар төзү хәрәкәте дә шаһитлы. Без боларны хәтерлибез.

Совет дәүләте таркалганнан соң (1991), милләтләр үзбилгеләнү хәрәкәтенә яңа өметләр яссылыгында яңаруы һәм жанлануы шартларында төбәкчелек белеме үзенә үсешендә тирән үзгәрешләр фасылына аяк баса. Бер яктан, төбәкнең (жөмләдән шундагы төп халыкның, торақ пунктларның, хужалык итүе субъектларының) үткәнә кара та игътибар кискен арта, икенче яктан, миллилек факторы көчәя – нәтижәдә өйрәнү объектына карата кызыксыну тирәнә һәм тәфсилләнә төшә. Соңгы өч дистә ел эчендә эчтәлекләре нәкъ менә шул сыйфатта калыплашкан күп кенә басмалар дөнья күрдә, алар арасында классик энциклопедия дәрәжәсенә дәгъва иткәннәре дә шактый².

Төбәкчелек белеменә мәгълүматлары, һичшиксез, төбәк энциклопедияләренә фактик жирлегенә керә. Шул ук вакытта аларның үзара бәйсез формалашу үзенчәлекләрен дә инкаръ итәргә нигез юк. Аерым алганда, 2010 елда дөнья күргән «Буа энциклопедиясе»³ шулайрак төзелде. Хәер, әлегә төбәккә кагылышлы аерым хезмәтләр дә басылып чыкты⁴.

«Буа энциклопедиясе»нең нәшер ителүе жәмәгатьчелектә мөһим вакыйга буларак кабул ителде. Шул ук вакытта ул республикабызда традицион фундаменталь энциклопедия кануннарына яраштырып эшләнгән тәүге басмаларның берсе иде. Әмма бу һич тә классик энциклопедияне турыдан-туры кабатлау түгел һәм алай була да алмый. Чөнки аларның һәрберсе алдына үзләренә генә хас таләпләр куела.

Әйттик, «Татар энциклопедиясе»ндә критерийлар милли кысаларда глобаль яссылыкны, ягъни дөньяда сибелеп яшәгән татар халкы һәм Татарстан Республикасы тарихында, икътисадында, мәдәниятендә мөһимлек югарылыгын күздә тотса, төбәк энциклопедиясендә исә критерийлар аерым бер төбәк дәрәжәсен алга сөрә. Шуңа күрә район энциклопедиясендә мәгълүматларның тәфсиллерәк бирелүе дә, аларның гомуми энциклопедиядәгегә караганда күпкә киңрәк мәйдандагы объектларны һәм шәхесләрне колачлавы да табигый. Мисаллар китерик. Буа районына карата «Татар энциклопедиясе»ндә «Буа» (республика карамагындагы шәһәр), «Буа ветеринария техникумы», «Буа кантоны», «Буа медицина училищесе», «Буа өязе», «Буа өязе мөселманнары хәйрия жәмгыяте», «Буа районы», «Буа татар драма театры», «Буа төбәк тарихы музейе», «Буа урман хужалыгы», «Буа шикәр заводы», «Буа» эше» мәкаләләре⁵ һәм әлеге төбәктән чыккан күренекле эшлеклеләр хакындагы мәкаләләр урнаштырылган. «Буа энциклопедиясе»ндә исә без райондагы авыллар, учреждениеләр, гыйбадәтханәләр, шул исәптән район үзәгендәге оешмалар һәм

предприятиеләр (алар басмада – биш дистәгә якын)⁶, авыллардагы күренекле шәхесләр турындагы язмалар белән танышабыз. Биредә таләпләр бөтенләй башка. Шәхесләрнең глобаль үлчәмнәрдә мөһим тоелмаган казанышлары, алар лаек булган хөкүмәт бүләкләре һәм жирле бүләкләре, район үсешенә керткән өлешләре күрсәтелә. Шулай бәяләү бик урынлы һәм кирәктә. Чөнки нинди һөнәр ияләре булуга карамастан аларның тарихта әһәмиятле үз эзләре бар, хезмәтләре ил иминлегенең нигезендә урын ала. Юкка гына Ватан төшенчәсе туган жирдән башлана, димиләр бит! Авылдашлар да, райондашлар да алар белән горурлана. Ватанпәрварлык шулай ярала һәм тәрбияләнә. Фундаменталь һәм төбәк энциклопедияләренә үзара мөһимлек нисбәте мәсьәләсенә карата өстәп шуны ассызыкларга мөмкин: тасвирлау берәмлеге кечерәя барган саен игътибар объектлары зурая һәм күбәя бара, аларны яктырту да тирәнәя төшә. Бу исә төбәк энциклопедияләренә әһәмиятен бермә-бер көчәйтә. «Буа энциклопедиясе»нең якын арада яңа басмасы дөнья күрәчәк, шул рәвешле Татарстан төбәкчелек үсешендә яңа сәхифә ачылачак.

Сведения об авторе: Галиева Люция Камилловна, научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: g.lyutzya@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности этапа развития краеведения в Республике Татарстан с начала 1990-х гг., значение краеведческих исследований в создании районных энциклопедий, соотношение татарской и региональной энциклопедии, специфика региональной энциклопедии на примере Буинского района Республики Татарстан.

Ключевые слова: краеведение, организационные формы краеведения, переформатирование содержания татарского краеведения, взаимосвязь краеведения и региональной энциклопедии, цели и специфика региональной энциклопедии.

Abstract: The article considers some features of the stage of development of local history in the Republic of Tatarstan since the beginning of the 1990s, the importance of local history research in the creation of encyclopedias of the districts of Tatarstan, the ratio of the Tatar and regional encyclopedias, the specifics of the regional encyclopedia on the example of the Buinsky district of the republic.

Key words: local history, organizational forms of local history, reformatting the content of Tatar local history, the relationship between local history and the regional encyclopedia, the goals and specifics of the regional encyclopedia.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөхәррир М. Х. Сәлахов, җавап. мөхәррир Г. С. Сабиржанов. – Казан: ТР ФАнәң Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү ин-ты, 2019. Т. 6: Тә–Ч. Б. 87, 135.

2 Малахов В. С. Заинская энциклопедия. – Казань: Реноме, 1994. 268 с.; Из истории Альметьевского региона. – Альметьевск: НГДУ «Альметьевскнефть», 1999. Вып. 1. 351 с.; Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан. – Казань: Институт истории АН РТ, 1999. 366 с.; Сарман районы энциклопедиясе / Төз. Гарифуллин Д. Х. – Чаллы, 2000. 286 б.; Балтач энциклопедиясе. 2 нче кит. / Төз. Мөхәммәтшин Г. С. – Казан, 2010. 531 б.; Апастовская историко-краеведческая энциклопедия / Сост. Сункишев А. Г.: Т. 1. – Казань: Респ. Центр мониторинга качества образования, 2013. 231 с., Т. 2. – Казань: Школа, 2014. 228 с., Т. 3. – Казань: Школа, 2014. 239 с.; Энциклопедия города Булгар и Спасского района. – Казань, 2014. 517 с.; Дрожжановская энциклопедия / Сост. Закиров И. Р. – Чебоксары: Перфектум, 2020. 620 с.

3 Буинская энциклопедия. – Казань, 2010. 391 с.

4 Буа ягым – Тау ягым = Буинские просторы. – Казань, 2000. 447 с.; Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Из истории населенных пунктов Буинского района Республики Татарстан. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 108 с.; Хәлиуллин И. Х. Яңа Тинчәле таңы. – Казан, 2006. 224 б.; Язымышым минем – Норлат / Төз. Әхмәтҗанов И. Г., Хәлиуллин И. Х. – Казан, 2009. 272 б.; Зыятдинов Р. Ш., Зыятдинов К. Ш., Хәлиуллин И. Х. Әлки ядкәре. – Казан, 2010. 223 б.

5 Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөхәррир М. Х. Хәсәнов, җавап. мөхәррир Г. С. Сабиржанов. – Казан: ТР ФАнәң Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү ин-ты, 2008. Т. 1: А–В. Б. 592–595.

6 Буинская энциклопедия. – Казань, 2010. С. 83–90.

ВОПРОСЫ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНТЕНТА ОНЛАЙН-ЭНЦИКЛОПЕДИИ TATARICA 2.0

Хисамиева Г. Н.

THE ISSUE OF THE ONLINE ENCYCLOPEDIA TATARICA 2.0 CONTENT

Khislamieva G. N.

Портал Tatarica 2.0 – это мультимедийный интернет-ресурс, который является центром распространения достоверной информации об истории, культуре и научном наследии татарского народа и Татарстана. Это долгосрочный некоммерческий научно-образовательный проект, «направленный на сохранение национальной идентичности татар, приобщение их к историко-культурному наследию, расширение татарской языковой среды в России и в мире, продвижение достижений Республики Татарстан в глобальной сети интернет»¹. Доступ к ресурсу осуществляется по адресу: <https://tatarica.org/tu>.

Основой контента онлайн-энциклопедии Tatarica 2.0 является многотомная Татарская энциклопедия на русском и татарском языках, в которой содержится свыше 40 тысяч статей на русском и татарском языках и более 13 тысяч иллюстраций, освещающих вопросы истории, языка, литературы и культуры; объективные источники, отражающие историю и состояние развития фундаментальных и прикладных, естественно-биологических, гуманитарных

и технических наук². Система образования – это та сфера, где пересекаются интересы не только государства и общества, но и личности, как представителя того или иного этноса. Проблема же удовлетворения этнообразовательных потребностей личности приобрела особую актуальность в России на рубеже XX–XXI вв.³

Для размещения на портале статьи печатной версии Татарской энциклопедии адаптируются под онлайн-версию, то есть раскрываются все сокращения, тексты делятся на абзацы и разделы, к ним прикрепляются контекстные иллюстрации, аудио- и видеоматериалы. Рассмотрим отличие статей онлайн-энциклопедии от печатной версии Татарской энциклопедии.

Статья из Татарской энциклопедии на русском языке:

ГУБАЙДУЛЛИН (Гобэйдуллин) Газиз (Габдулгазиз) Салихович (псевд. А. Газиз) (15.6.1887, Казань – 13.10.1937, Баку), историк, д. ист. наук (1927), проф. (1927), обществ. деятель, публицист. Один из основателей *Восточной академии*. Сын С. С. Губайдуллина. Окончил

казан. медресе «Халидия» (1904), Казан. университет (1916). Участник движения «аль-Ислах». Чл. театр. кружка «Шимба». В период учёбы в университете был одним из инициаторов создания студенческого кружка татар. молодёжи, в к-рый входили Н. Хальфин, Г. и Б. Шарафы, Г. Кулахметов, Ф. Туктаров, М. Губайдуллина. С 1914 на пед. работе, преподавал историю в медресе «Мухаммадия». В 1916–17 зав. мусульм. училищем «Вазифа» (г. Троицк). В 1917–18 активно участвует в татар. нац.-освободит. движении, чл. Исполкома Милли Шура, деп. Миллэт Меджлиси, чл. Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата. Летом 1917 участвовал в работе Всерос. съезда мусульм. учителей, был избран чл. исполнительного бюро. Печатался в период. изданиях: газ. «*Курултай*», «*Алтай*», ж. «*Укытучы*», «*Анг*». В эти же годы вышли его первые уч. пособия по истории: «Борынгы заман тарихы» («История Древнего мира»), «Диннәр тарихы» («История религий»), «Россия тарихы» («История России»). После окончания в 1921 аспирантуры при Казан. университете под руководством Н. Ф. Катанова и Н. Н. Фирсова на науч. и пед. работе, в 1922–25 – преподаватель Вост. пед. института; одновременно чл. Академцентра Наркомата просвещения ТАССР, Науч. об-ва татароведения, сотр. Центр. музея ТАССР. В 1925 вместе с семьёй переехал в Баку. Один из организаторов вост. ф-та Азерб. университета и Высш. пед. института. В 1925–33, 1935–37 в Азерб. университете: с 1927 декан вост. ф-та, зав. кафедрой истории тюрко-татар. народов, с 1935 зав. кафедрой

истории Бл. Востока. одновременно сотрудничал с узб. Академцентром: в августе 1925 участвовал в работе К-та узбековедения при Академцентре, был избран пред. Центр. бюро просвещения при Академцентре Наркомата просвещения Узбекской ССР, в 1928 избран проф. кафедры мусульм. Востока Самаркандского высш. пед. института. Участник 1-го Всесоюз. тюркологического съезда (февраль 1926, Баку). В 1930–31 читал лекции в Моск. университете. В 1931–33 делегат 4-го Всеазерб. съезда Советов, деп. Ворошиловского райсовета г. Баку, руководитель ист. секции НИИ при Азерб. ЦИКе. В 1934 по приглашению Наркомата просвещения ТАССР возвратился в Казань, в 1934–35 работал в НИИ марксизма-ленинизма, Казан. университете, участвовал в работе над книгой по истории Татарстана. Чл., зам. пред. Об-ва истории, археологии и этнографии при Казан. университете, действ. чл. Об-ва историков-марксистов при Коммунистической академии ЦИК СССР (с 1928). Труды по истории татар. народа, татар. литературы («Татар әдәбияты тарихы», т. 1–3, 1922–25; совм. с Г. Рахимом), крест. войн в Поволжье, Азербайджана. Мастер сатирических и юмористических рассказов. Его перу принадлежат сатирические новеллы «Жомга көн» – «Пятница», «Исерек» – «Пьяница» (обе – 1913), «Чалбар» – «Брюки» (1915). Автор лит.-критич. статей о творчестве Г. Исхаки, С. Рамеева, романтизме в татар. литературе нач. 20в. (опубл. в 1911–13). Необоснованно репрессирован (см. «*Идель-Уральской организации*» дело); реабилитирован посмертно.

Соч.: Татар тарихы. К., 1922; Борынғы болгарлар. К., 1924; Пугачёв явы. К., 1924; Татарларның килеп чыгышы һәм Алтын Урда. К., 1924; Крестьян сугышлары тарихы. К., 1933; Пугачёвщина и татары. Баку, 1927; Из прошлого татар. Лондон, 1990; История татар. М., 1994.

Лит.: Алишев С. Х. Газиз Губайдуллин как историк // Исследования по историографии Татарии. К., 1978; Насретдинова Д. Газиз Губайдуллин. Автобиография // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2; Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Гибель профессора Губайдуллина // ALTAICA II: Сб. статей и материалов. М., 1998; Шигабдинов Р. Узбекский период научной деятельности профессора Газиза Губайдуллина // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № 1/2; Гобәйдуллин С. Г. Безнең әтибездә // Татарстан. 1993. № 10.

Д. М. Галиуллина

Из представленной статьи легко заметить, что она состоит из множеств сокращений и больших абзацев, которые делают восприятие информации довольно тяжелым.

Та же статья в онлайн-энциклопедии Tatarica 2.0:

ГУБАЙДУЛЛИН Газиз Салихович

Габдулгазиз Губайдуллин, псевдоним А. Газиз.

Историк, доктор исторических наук (1927 г.), профессор (1927 г.), общественный деятель, публицист. Один из основателей Восточной академии.

Содержание

Биография
Творчество
Сочинения
Литература

Биография

15 июня 1887 г., Казань – 13 октября 1937 г., Баку.

Сын С. С. Губайдуллина.

Окончил казанское медресе «Халидия» (1904 г.), Казанский университет (1916 г.).

Участник движения «аль-Ислах». Член театрального кружка «Шимба». В период учёбы в университете был одним из инициаторов создания студенческого кружка татарской молодёжи, в который входили Н. Хальфин, Г. и Б. Шарафы, Г. Кулахметов, Ф. Туктаров, М. Губайдуллина.

С 1914 г. на педагогической работе, преподавал историю в медресе «Мухаммадия». В 1916–1917 гг. заведующий мусульманским училищем «Вазифа» (город Троицк).

В 1917–1918 гг. активно участвует в татарском национально-освободительском движении, член Исполкома Милли Шура, депутат Миллэт Меджлиси, член Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата.

Летом 1917 г. участвовал в работе Всероссийского съезда мусульманских учителей, был избран членом исполнительного бюро.

Печатался в периодических изданиях: газет «Курултай», «Алтай», журналов «Укытучы», «Анг». В эти же годы вышли его первые учебные пособия по истории: «Борынғы заман тарихы» («История Древнего мира»), «Диннәр тарихы» («История религий»), «Россия тарихы» («История России»).

После окончания в 1921 г. аспирантуры при Казанском университете под руководством Н. Ф. Катанова и Н. Н. Фирсова на научной и педагогической работе, в 1922–1925 гг. –

преподаватель Восточного педагогического института; одновременно член Академцентра Наркомата просвещения ТАССР, Научного общества татароведения, сотрудник Центрального музея ТАССР.

В 1925 г. вместе с семьёй переехал в Баку. Один из организаторов восточного факультета Азербайджанского университета и Высшего педагогического института.

В 1925–1933 гг., 1935–1937 гг. в Азербайджанском университете: с 1927 г. декан восточного факультета, заведующий кафедрой истории тюрко-татарских народов, с 1935 г. заведующий кафедрой истории Ближнего Востока.

Одновременно сотрудничал с узбекским Академцентром: в августе 1925 г. участвовал в работе Комитета узбековедения при Академцентре, был избран председателем Центрального бюро просвещения при Академцентре Наркомата просвещения Узбекской ССР, в 1928 г. избран профессором кафедры мусульманского Востока Самаркандского высшего педагогического института.

Участник 1-го Всесоюзного тюркологического съезда (февраль 1926 г., Баку).

В 1930–1931 гг. читал лекции в Московском университете.

В 1931–1933 гг. делегат 4-го Всеазербайджанского съезда Советов, депутат Ворошиловского райсовета города Баку, руководитель исторической секции НИИ при Азербайджанском ЦИКе.

В 1934 г. по приглашению Наркомата просвещения ТАССР возвратился в Казань, в 1934–1935 гг. работал в НИИ марксизма-ленинизма,

Казанском университете, участвовал в работе над книгой по истории Татарстана.

Член, заместитель председателя Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете, действительный член Общества историков-марксистов при Коммунистической академии ЦИК СССР (с 1928 г.).

Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

Научная деятельность

Труды по истории татарского народа, татарской литературы («Татар әдәбияты тарихы», т. 1–3, 1922–1925 гг.; совместно с Г. Рахимом), крестьянских войн в Поволжье, Азербайджана.

Г. Губайдуллин мастер сатирических и юмористических рассказов. Его перу принадлежат сатирические новеллы «Жомга көн» – «Пятница», «Исерек» – «Пьяница» (обе – 1913 г.), «Чалбар» – «Брюки» (1915 г.).

Автор литературно-критических статей о творчестве Г. Исхаки, С. Рамеева, романтизме в татарской литературе начала XX в. (опубликовал в 1911–1913 гг.).

Сочинения

Татар тарихы. Казан, 1922;

Борынгы болгарлар. Казан, 1924;

Пугачёв явы. Казан, 1924;

Татарларның килеп чыгышы һәм Алтын Урда. Казан, 1924;

Крестьян сугышлары тарихы. Казан, 1933;

Пугачёвщина и татары. Баку, 1927;

Из прошлого татар. Лондон, 1990;

История татар. М., 1994.

Литература

Алишев С. Х. Газиз Губайдуллин как историк // Исследования по историографии Татарии. Казан, 1978;

Насретдинова Д. Газиз Губайдуллин. Автобиография // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2;

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Гибель профессора Губайдуллина // ALTAICA II: Сб. статей и материалов. М., 1998;

Шигабдинов Р. Узбекский период научной деятельности профессора Газиза Губайдуллина // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № 1/2;

Гобәйдуллин С. Г. Безнең этибез // Татарстан. 1993. № 10.

Автор Д. М. Галиуллина.

Итак, представленная выше статья в онлайн-версии претерпела следующие изменения:

1. Раскрыты энциклопедические сокращения;

2. Выделены и озаглавлены абзацы и разделы с подзаголовками;

3. Добавлено изображение;

4. Созданы гиперссылки.

Тем самым адаптированная статья под онлайн-энциклопедию Tatarica 2.0 становится максимально удобной для чтения, восприятия и работы над текстом на всех электронных устройствах⁴. Кроме того, лаконичный дизайн портала не напрягает пользователя, а наоборот – вызывает интерес, а внешние и внутренние гиперссылки направляют к последующему изучению той или иной темы. Онлайн-энциклопедия создается с учетом познавательных и научно-образовательных потребностей представителей так называемого цифрового поколения – это учащиеся общеобразовательных школ, студенты колледжей и вузов, магистранты и аспиранты (возраст от 8 до 28 лет)⁵.

Сведения об авторе: Хисамиева Гульназ Назымовна, научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: tgn.93@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы содержательного наполнения контента онлайн-энциклопедии Tatarica 2.0. Проводится сравнительный анализ различия статей онлайн-энциклопедии от печатной версии Татарской энциклопедии.

Ключевые слова: онлайн-энциклопедия, интернет-ресурс, татарская энциклопедия.

Abstract: The article deals with the issue of the online encyclopedia Tatarica 2.0 content. A comparative analysis of the difference between the articles of the online encyclopedia and the printed version of the Tatar encyclopedia is carried out.

Key words: online encyclopedia, internet resource, Tatar encyclopedia.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Ялалов Ф. Г., Гилязов И. А. Научно-методологическая концепция онлайн-энциклопедии Tatarica 2.0. – Казань, 2018. 132 с.

2 Хабибуллин М. З. Взаимодействие с партнерами, предоставляющими материалы для Tatarica 2.0 // Технологическая концепция онлайн-энциклопедии Tatarica 2.0. – Казань, 2018. С. 85.

3 Ялалов Ф. Г. Этнодидактический подход к проектированию содержания национального образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2004. № 7. С. 51–52.

4 Фазлиахметова Г. И., Кутлимуратов С. Р. Итоги первого года работы онлайн-энциклопедии Tatarica // Научный Татарстан. 2020. № 4. С. 65.

5 Ялалов Ф. Г. Этнодидактика как технология практико-ориентированного обучения // Alma mater (Вестник высшей школы). 2004. № 2. С. 45–46.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ АССР В 1960–1980-Е ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)**

Садыкова Р. Б., кандидат исторических наук

**SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE POPULATION
OF THE TATAR ASSR IN THE 1960S-1980S (BASED ON THE
MATERIALS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS)**

Sadykova R. B.

Исследователи советского периода истории России чаще обращаются к сюжетам, связанным с революцией, гражданской и Великой Отечественной войнами, коллективизацией и репрессиями 1930-х гг. Что касается послевоенных десятилетий, то, по мнению автора ряда работ по истории Татарстана А. Г. Галлямовой, период 1940–1980-х гг. отличается «самым скудным вниманием исследователей» как время «вялотекущей эволюции, не дающей колоритных сюжетов для исторических трудов»¹. А между тем именно в этот период, лишенный яркой событийной канвы, процессы социальной трансформации имели наиболее существенный характер. Разделяя мнение автора, подчеркнем, что в архивах хранится немало интересных документов, изучение которых позволяет по-новому взглянуть на недавнее прошлое.

1960–1980-е гг. в истории СССР сегодня оцениваются неоднозначно. Одни называют это время «золотым», ностальгируя по возможности получения бесплатного образования

и медицинского обслуживания, другие обвиняют руководство в стагнации, застойных явлениях, неэффективных мерах в области политики и экономики.

В Татарии также, с одной стороны, наблюдался процесс стремительной индустриализации и связанной с ней урбанизации (развитие военно-промышленного комплекса, машиностроения, нефтяной и нефтехимической промышленности), а с другой – отставание по целому ряду позиций (дорожное и жилищное строительство, газификация, медицинское и бытовое обслуживание, заработная плата)².

Насколько положение республики отличалось или было аналогичным общесоюзному развитию, в определенной степени позволяют увидеть результаты социологических опросов. Эти материалы отложились в фонде Татарского обкома КПСС. К середине 1960-х гг. Татарским обкомом партии была осознана необходимость и важность изучения мнения различных слоев и групп

населения с помощью социологической науки. Это привело к созданию при обкоме социологического института, пока на общественных началах. Он состоял из Совета института и проблемных групп. Совет института намечал основные направления социологических исследований, определял инструментарий и оказывал методическую помощь. Им же формировались проблемные группы социологов-энтузиастов из числа партийного актива и преподавателей вузов. В справке, составленной отделом организационно-партийной работы обкома КПСС, было отмечено, что всего было сформировано 9 проблемных групп, в том числе по вопросам формирования у трудящихся научного мировоззрения, жизненным планам молодежи, духовной жизни села и др. Результаты работы групп использовались в практике партийной работы. Так, например, на основе выборочного изучения религиозности населения было создано республиканское совещание-семинар по совершенствованию научно-атеистической работы. Изучение запросов читательской аудитории журнала «Коммунист Татарии» позволило улучшить тематическую направленность и идейно-теоретический уровень журнала. Ряд исследований по вопросам идеологической работы легли в основу решений бюро ОК КПСС³.

В мае-сентябре 1965 г. группой молодежных проблем проводилось социологическое исследование по проблеме «Досуг и потребление культуры» на заводах «Кзыл кунче» (выборка составила 250 чел.), Чисто-

польском часовом заводе (91 чел.), Казанском заводе компрессорного машиностроения (230 чел.), Казанском заводе органического синтеза (200 чел.). Результаты исследования были направлены в ЦК ВЛКСМ и ОК ВЛКСМ⁴.

16 марта 1967 г. Татарский обком КПСС обратился к руководству Института философии АН СССР, научному Совету АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований с просьбой помочь в решении вопроса о создании в г. Казани филиала отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР. Необходимость такого шага объяснялась тем, что ТАССР являлась крупной многонациональной республикой с развитой многоотраслевой промышленностью и сельским хозяйством, а столица республики г. Казань – промышленным, культурным и научным центром. В республике происходили сложные социально-экономические процессы, которые привлекали внимание социологов. И хотя в рамках общественного социологического института был проведен ряд интересных исследований, их уровень оставлял желать лучшего. В случае создания социологического центра в Казани как филиала отдела конкретных социологических исследований, он мог бы координировать работу социологов Татарии и соседних республик⁵.

Несмотря на то, что вопрос положительно не был решен, обком КПСС продолжал держать его на контроле. В 1969 г. отделом пропаганды и агитации обкома была за-

прошена информация из горкомов и райкомов КПСС, ряда промышленных предприятий о результатах социологических исследований. Из справки, подготовленной Альметьевским горкомом КПСС, следовало, что на предприятиях г. Альметьевска штатных социологов или социологической лаборатории не имелось. Исследования, как правило, проводились силами работников лабораторий научной организации труда (НОТ) или научно-исследовательских лабораторий. Ряд опросов был проведен на Миннибаевском газоперерабатывающем заводе, но наиболее последовательно эта работа велась в НПУ «Альметьевнефть». Здесь лаборатория занималась изучением причин текучести кадров.

В 1967 г. в г. Альметьевске был создан городской Совет по социологическим исследованиям на общественных началах под руководством к. э. н. В. М. Козырева. Были проведены исследования по изучению вопроса религиозности населения одного микрорайона города, а также организации отдыха трудящихся в условиях двух выходных дней в неделю. Все же, наибольшая работа проводилась профессиональными социологами – межинститутской социологической лабораторией Института этнографии АН СССР и Ленинградского финансово-экономического института. С помощью работников этой лаборатории были проведены обследования населения по возрастным показателям, анализ демографической и профессионально-отраслевой структуры населения, удовлетворения культурно-бытовых

потребностей населения г. Альметьевска. Работа лаборатории проводилась на основе договора, заключенного в 1967 г. с объединением «Татнефть» сроком на 5 лет.

Авторами справки отмечались большие трудности в работе Совета и социологических групп. Прежде всего, это отсутствие квалифицированных кадров, специалистов-социологов. Было предложено провести республиканский семинар по методике социологических исследований⁶.

В информации, подготовленной Зеленодольским горкомом КПСС, также отмечалось, что специальных групп по социологическим исследованиям в городе и районе пока не создано. Лишь на двух заводах – им. Горького и им. Серго – введены штатные единицы социологов. Помимо традиционного исследования причин текучести кадров, на предприятии им. Горького, например, проводились анкетирования рабочих и служащих, имеющих детей дошкольного возраста, с целью установления необходимого количества дежурных групп в выходные дни, а также анализа пропускных способностей заводских столовых и буфетов в одну смену⁷.

В Татарский обком КПСС также были представлены справки о практике социологических исследований на ряде предприятий г. Казани, в Бауманском, Кировском, Ленинском, Приволжском и Советском районах столицы. В частности, в информации Советского райкома партии отмечалось, что еще в 1964 г. при кафедре философии Казанского

государственного университета была открыта лаборатория в составе 4-х штатных единиц. Ею проводились исследования «в области современной религии с уклоном в сторону изучения ислама (состояние религиозности населения на примере Казани и сельских местностей ТАССР). В феврале-марте 1966 г. было опрошено 4950 чел. в Казани, в июне-июле 1966 г. организована социологическая экспедиция в 3 сельских района Татарии. По материалам исследований, проведенных в сельской местности, был сделан доклад «Конкретно-социальные исследования духовного мира современного верующего» на итоговой научно-исследовательской конференции КГУ, посвященной 50-летию Октября. Лабораторией была подготовлена докладная записка в адрес обкома и горкома КПСС, которая легла в основу постановления бюро Казанского горкома КПСС от 15.05.1967 г. «Об итогах социологических исследований населения города и задачах по дальнейшему улучшению атеистической работы». Учитывая большой интерес студенческой молодежи к конкретным социологическим исследованиям и практические нужды в специалистах, владеющих методикой и техникой социологических исследований, лаборатория выступила с инициативой организации при факультете общественных профессий университета отделения социологов. Оно было открыто в 1968 г.⁸

Более масштабные исследования в рамках всей республики могли быть осуществлены только иссле-

довательскими учреждениями. Татарская АССР не раз становилась объектом специального социологического мониторинга. В ноябре 1974 – январе 1975 гг. сотрудниками сектора социального развития городов и регионов Ленинградского института социально-экономических проблем АН СССР было проведено обследование населения городов ТАССР – Казани, Альметьевска и Мензелинска⁹. Данный опрос явился повторным, так как первый проводился в этих же городах в 1967 г., что позволило сделать сравнительный анализ полученных данных. В фонде Татарского обкома КПСС нами не выявлено материалов по итогам анкетирования 1967 г., поэтому в статье рассмотрены результаты опроса 1974–1975 гг. Опрос затронул сферу культурно-бытового потребления различных социальных групп населения и проводился по месту жительства респондентов. По г. Казани было охвачено 3600 чел., по г. Альметьевску – 1895 чел., по г. Мензелинску – 856 чел.

К слову, в 1960 г. в Казани проживало 692,7 тыс. чел., в октябре 1979 г. население столицы превысило 1 млн. чел. К концу 1970-х гг. в Казани было сосредоточено 150 крупных промышленных предприятий. В 1980 г. в городе насчитывалось 13 вузов, 139 школ, 54 дворца культуры, 136 библиотек, 50 НИИ и КБ¹⁰. Население Альметьевска в 1970 г. составляло 87 тыс. чел., в 1979 г. – 109,4 тыс., а в 1989 г. уже 136,4 тыс.¹¹ В Мензелинске в 1970 г. проживало 15,9 тыс. чел., в 1979 г. – 17,4 тыс., однако в 1989 г. количество

населения снизилось до 15,5 тыс.¹²

Опрос показал, что в целом за период 1967–1974 гг. уровень жизни населения существенно повысился. По сравнению с другими регионами, полученные данные демонстрировали уверенный рост республики по всем культурно-бытовым показателям. По мнению авторов аналитической записки, не было обнаружено никаких признаков отставания ТАССР от других областей и автономных республик РСФСР.

Была дана социально-производственная характеристика населения. В частности, отмечена стабильность кадрового состава народного хозяйства городов, преобладание лиц со сравнительно продолжительным стажем работы (как общим, так и профессиоальным). Были также рассмотрены вопросы уровня образования, стабильности в социальном и профессиональном положении.

Одной из задач исследования было выяснение степени удовлетворенности работающего населения различными сторонами трудовой деятельности – содержанием, режимом, условиями труда, возможностью повышения квалификации. Опрос показал, что содержанием труда были не удовлетворены 7,06% опрошенных, режимом труда – 11,35%, условиями труда – 18,48%, возможностью повышения квалификации – 12%. При этом доля недовольных размером заработной платы составила 26,5%. В Казани особенно велика была неудовлетворенность размером заработной платы у неквалифицированных рабочих (33%), у служащих-неспециалистов

она составила 32,45%, у служащих с высшим и средне-специальным образованием – 30,1%. А вот процент недовольных размером заработной платы среди научных работников и вовсе составил 36,3%.

За период 1967–1974 гг. продолжался процесс совершенствования социальных отношений и развития социальной активности трудящихся. В частности, исследование показало более существенное повышение активности женщин. В Казани доля занятых общественной работой среди женщин увеличилась на 20%, в Альметьевске на 7%, в Мензелинске на 5% и составила по городам в целом 50–60%.

По сравнению с 1967 г. существенно повысились показатели потребления культурных благ, причем это коснулось всех социальных групп. Однако темпы роста культуры были различными. Особенно быстро поднималась культура более отсталых в прошлом слоев.

Вместе с тем, опрос показал недостаточный объем чтения художественной литературы и особенно посещения театров по всем социальным слоям. Чрезмерное внимание уделялось телесмотрению. В Казани и Альметьевске более 80% населения ежедневно смотрели телепередачи. В группе неквалифицированных рабочих велика была доля лиц, не читающих регулярно газет.

Обследованием были также охвачены вопросы материального благосостояния и жилищной обеспеченности населения республики. Оно показало, что по уровню дохода на члена семьи Казань значительно от-

ставала от среднего уровня доходов по СССР. Так, доля семей, имеющих доход более 100 руб. на члена семьи, по СССР составляла более 30%, в Казани же этот показатель был равен 19,67%. Примерно треть семей столицы республики имели доход на члена семьи до 60 руб., половина семей – доход от 60 до 100 руб. Наибольшая доля семей с низким доходом была отмечена среди неквалифицированных и квалифицированных рабочих и служащих-неспециалистов, наименьшая – среди служащих с высшим и средним образованием. Особенно высокий уровень зафиксирован у семей научных работников со степенями и руководителей крупных трудовых коллективов.

Недостаточно высокий уровень благосостояния в определенной степени компенсировался наличием у населения личных подсобных хозяйств. В целом, примерно 35% населения Казани имело личные подсобные хозяйства, причем они были распределены довольно равномерно между социальными группами. Более 60% имеющих ЛПХ использовали его для обеспечения продуктами питания, за исключением группы с доходами более 150 руб. на человека, где более половины семей использовали его для исключительно отдыха. Лишь незначительная часть (немногим более 6%) подсобных хозяйств использовалась для продажи продуктов на рынке.

Одним из показателей уровня жизни населения является характер проведения отпуска. Данные опроса населения Казани свидетельствовали о том, что более 30% населения

проводили свой отпуск в городе, около 7% – на собственном садово-огородном участке. 26,7% населения пользовались организованными формами отдыха. Наибольшая доля тех, кто проводил свой отпуск в городе, наблюдалась среди неквалифицированных и квалифицированных рабочих и служащих-неспециалистов. Большая доля лиц, пользующихся организованными формами отдыха, приходилась на служащих-специалистов, научных и руководящих работников.

Несмотря на огромные масштабы строительства, все еще острой оставалась жилищная проблема. Это объяснялось продолжающимся отставанием строительства жилья от потребности общества в нем. Ситуация по распределению жилья по социально-профессиональным характеристикам населения выглядела следующим образом. Средний метраж жилой площади на члена семьи у рабочих неквалифицированного и квалифицированного труда составлял 7 м². При этом около 30% квалифицированных рабочих имело менее 5 м² на члена семьи. Основные слои интеллигенции располагали жилой площадью 7,0–7,9 м² на человека. При этом у интеллигенции массовых профессий (врачи, учителя, инженеры) более 19% имели жилую площадь на члена семьи менее 5 м². В материалах исследования было подчеркнуто, что положение в Казани по жилищной обеспеченности квалифицированных рабочих и интеллигенции массовых профессий заметно менее благополучно, чем во многих других областных центрах.

Анализ показал, что по всем социальным группам, кроме руководителей трудовых коллективов, значительный процент опрошенных проживает в коммунальных квартирах, снимает часть комнаты или комнату, живет в общежитии. Среди опрошенных жителей Казани, имеющих собственное жилье, были удовлетворены: размерами жилья – 51,3%, типом квартиры – 69,9%, количеством комнат – 49,6%, количеством удобств в доме – 57,3%, местоположением дома или расстоянием от жилища до работы – 74,3%. От часа и более тратили на дорогу от дома до места работы 18,1%. Недостаток места для систематических занятий дома выявлен у 41% опрошенных.

В мае-июне 1983 г. Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР был проведен опрос населения тех же городов – Казани, Альметьевска и Мензелинска¹³. Спектр вопросов анкетирования и количество представленных в Татарский обком КПСС таблиц было больше, чем в предыдущем исследовании. Сравнительный анализ с данными предыдущего обследования позволил проследить дина-

мику происходивших в республике социальных процессов.

Опрос проводился по месту жительства и охватил все категории работающих граждан. Объем выборки по Казани составил 3975, по Альметьевску – 1760, по Мензелинску – 958 чел. Данные опроса показали, что за период 1967–1974–1983 гг. существенно повысился уровень жизни населения, значительно усовершенствовался образ жизни горожан. Вновь не было выявлено никаких признаков отставания ТАССР от других областей и автономных республик РСФСР. Более того, отмечены показатели общественной активности населения и превосходящие средние по РСФСР темпы роста культуры.

В первом разделе исследования была дана социально-производственная характеристика работающего населения. Сравнение показателей средней заработной платы в 1967, 1974 и 1983 гг. свидетельствовало, что по всем категориям работающих зарплата резко возросла. Кроме того, наблюдалась устойчивая тенденция к уменьшению разрыва по оплате труда между социальными слоями.

Таб. 1. Уровень средней зарплаты по некоторым категориям работающего населения (в рублях)

Категории населения	Казань			Альметьевск			Мензелинск		
	1967	1974	1983	1967	1974	1983	1967	1974	1983
Квалифицированные рабочие, занятые на машинах и механизмах	99,1	144,4	186,5	114,6	157,9	196,7	93,4	123,5	179,3
Рабочие высококвалифицированного труда (рабочие-интеллигенты)	97,9	142,4	190,3	115,6	175,0	211,7	119,9	нет данных	180,8
Работники высококвалифицированного управленческого труда	164,3	204,9	220,9	178,3	203,4	230,4	141,8	169,4	171,9

Одной из задач исследования было выяснение степени удовлетворенности работающего населения содержанием, режимом, условиями труда. Полученные данные зафиксировали рост неудовлетворенности компонентами трудовой деятельнос-

ти практически по всем позициям, что объяснялось опережающим ростом культурно-трудовых запросов трудящихся по сравнению с темпами совершенствования социальных параметров производства.

Таб. 2. Степень неудовлетворенности компонентами труда в 1983 (в %)

Компоненты труда	Казань	Альметьевск	Мензелинск
Содержание труда	7,44	5,94	5,07
Режим труда	10,5	8,1	7,7
Санитарно-гигиенические условия труда	20,1	17,8	13,2
Размер зарплаты	29,0	24,1	17,8
Возможность повышения квалификации	18,0	15,5	17,1

В ходе опроса и сравнения результатов материального и морального поощрения производственной и общественной активности трудящихся было отмечено некоторое отставани-

е Мензелинска в стимулировании работников в рамках компетенции руководства и общественных организаций предприятий.

Таб. 3. Частота поощрений опрошенных за период 1980–1983 гг. (в %)

Виды поощрений	Казань	Альметьевск	Мензелинск
Правительственные награды (ордена, медали, почетные звания, Государственная премия)	5,6	6,0	5,9
Нагрудные знаки, Почетные грамоты ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, премии министерств	8,5	9,0	8,5
Грамоты, занесенные на Доску Почета предприятия (учреждения)	28,3	32,8	23,4
Денежные премии, ценные подарки	37,6	43,0	24,2
Благодарности в приказе руководителя	34,5	31,0	24,2
Поощрений не имели	30,1	25,4	37,1

Второй раздел был посвящен вопросам потребления культурных благ, проведения досуга. Было отмечено, что по сравнению с 1974 г. произошли значительные изменения в культурной деятельности населения. Однако изменения эти не были однозначными. С одной стороны, наблюдалось существенное повышение таких показателей потребления культурных благ, как посещение театров

не реже 1 раза в месяц, посещение кинотеатров, наличие собственных книг в домашней библиотеке. В то же время уменьшилось количество трудящихся, читающих литературу не реже 1 раза в неделю, ежедневно читающих газеты, ежедневно просматривающих телевизионные передачи. Эти изменения коснулись в равной степени всех социальных групп.

Интересно отметить, что во всех социальных слоях чрезмерное внимание уделялось «телесмотрению», высока была доля пассивного отдыха, «ничегонеделания». Горожане слабо были вовлечены в занятия художественным творчеством, физкультурой и спортом. В Казани, например, художественным творчеством никогда не занимались 81,4% опрошенных, в Альметьевске – 85,9%, в Мензелинске – 78,6%, причем среди рабочих показатели были еще выше. Пренебрегали занятиями физкультурой и спортом в Казани 63,5%, в Альметьевске – 71,6%, в Мензелинске – 68,3% рабо-

тающих, а доля лиц, практически не занимающихся физкультурой, среди рабочих достигала 70–80%.

В рамках исследования был затронут и такой не совсем привычный для 1983 г. вопрос, как частота посещения церкви. К сожалению, авторами не были даны пояснения, только ли о православных церквях идет речь и почему не была рассмотрена частота посещения мечетей. И хотя данные представленной ниже таблицы весьма красноречивы, не будем забывать, что опрошенные в силу известных причин могли скрыть факты более частого посещения церквей.

Таб. 4. Частота посещения церкви в 1983 г. по всем категориям опрошенных (в %)

Частота посещения	Казань	Альметьевск	Мензелинск
Ежедневно	0,5	1,1	1,8
1 или несколько раз в неделю	0,7	0,8	1,2
1 или несколько раз в месяц	0,9	0,6	0,7
Несколько раз в год	3,9	1,8	1,8
Никогда	94,0	95,7	94,5

Интересно отметить, что в группах рабочих высококвалифицированного труда, работников высококвалифицированного умственного труда и высококвалифицированного управленческого труда в Мензелинске никогда не посещали церковь 100% опрошенных. По Казани и Альметьевску такого показателя

не отмечено ни в одной группе.

Из всех форм потребления культурных благ хотелось бы остановиться на степени «ничегонеделанья» у представителей рабочих и интеллигенции Казани. Опрос проводился у молодежи в возрасте 25–30 лет.

Таб. 5. Частота «ничегонеделания» у молодежи Казани в 1983 г. (в %)

Частота	рабочие	интеллигенция
Ежедневно	12,2	19,4
1 или несколько раз в неделю	20,2	19,4
1 или несколько раз в месяц	10,7	9,2
Несколько раз в год	13,7	9,2
Никогда	43,2	42,8

В период с 1974 по 1983 г. в Татарии отмечалось значительное повышение материального благосостояния населения. Например, в Казани доля семей с уровнем дохода на одного человека менее 60 руб. в месяц сократилась с 30,9% до 15,7%. Однако по уровню дохода на члена семьи Казань пока значительно отставала от среднего показателя по СССР. Доля семей, имеющих доход более 100 руб. на человека, по СССР в целом составляла около 50%, а в Казани этот показатель достигал лишь 37,0%. И вновь, как и в предыдущий период, недостаточно высокий уровень благосостояния отчасти компенсировался наличием личных подсобных хозяйств. Доля обладателей подсобных хозяйств или садово-огородных участков

выросла с 35% в 1974 г. до 48% в 1983 г.

Своеобразным косвенным показателем удовлетворенности проживания в городе являются данные о желающих сменить место жительства. В целом склонны были покинуть Казань 31,9% респондентов. Причем среди интеллигенции с высшим образованием хотели уехать 39,3%, а среди высококвалифицированных рабочих-интеллигентов – 41,5%. Авторами исследования был выявлен не только процент желающих сменить место проживания, но и направления переезда, которые представлены в таблице 6. Как видим, более половины из числа желавших сменить место жительства, предпочитали столицы или областные центры за пределами республики.

Таб. 6. Ориентация на место переезда у трудящихся Казани в 1983 г. (в %, за 100% приняты желающие выехать)

Направление переезда	всего	в т.ч. работники
		высококвалифицированного управленческого труда
В село, в деревню в пределах ТАССР	9,1	22,2
В поселок городского типа в пределах ТАССР	5,0	0
В другой город в пределах ТАССР	7,8	11,1
В село, деревню за пределами ТАССР	3,3	0
В небольшой город или пгт за пределами ТАССР	11,9	11,1
В областной центр или столицу другой республики	33,6	33,4
В Москву или Ленинград	29,3	22,2

Характер проведения отпуска также служит одним из показателей уровня жизни населения. Так вот, по результатам опроса 32,9% жителей Казани проводили его в городе, 9,3% – на собственной даче или садово-огородном участке, организованными формами отдыха пользовались около 23% работающего населения. Если сравнить данные с 1974 г., то

в первом и третьем случае наблюдалась тенденция к уменьшению, а во втором – к увеличению, то есть к росту доли дачников.

По-прежнему довольно острой оставалась жилищная проблема. Как это не выглядит парадоксальным, но в 1983 г. в Казани 32,6% квалифицированных рабочих имели жилплощадь до 5 м² на члена семьи, тогда

как в 1974 г. таких было 29,7%. Среди работников квалифицированного умственного труда с высшим образованием (интеллигенция массовых профессий – врачи, инженеры, учителя) жилплощадь менее 5м² на человека в семье имели 20,8% (в 1974 г. – 19,0%). Авторами исследования было отмечено, что жилищная ситуация в Казани была заметно менее благополучной, чем во многих других областных центрах. Это подтверждают и данные о качестве жилища. В Казани в целом 29% трудящихся проживали в общежитиях, снимали комнату или квартиру, проживали в коммунальных квартирах. У рабочих эта цифра достигала 33%.

Невысокий уровень обеспеченности коммунальными удобствами объяснялся высокой долей в Казани и, в особенности, в Альметьевске и Мензелинске индивидуальных домов. По результатам опроса также был сделан вывод, что обеспеченность трудящихся трех городов телефонной связью отставала не только от потребностей того времени, но и от средних показателей по другим городам такого же типа (примерно в 2,5 раза). В представленных ниже таблицах отражены условия жилья работающего населения трех городов, в том числе наличие удобств в них.

Таб. 7. Жилищные условия работающего населения в 1983 г. (в %)*

Жилищные условия	Казань	Альметьевск	Мензелинск
Живу в общежитии	9,2	3,4	0,8
Снимаю комнату (квартиру, часть комнаты)	3,7	6,9	3,7
1 (2–3) комнаты в коммунальной квартире	16,1	7,9	23,5
Отдельная 1 (2-х, 3-х и более) квартира	56,6	62,6	32,6
Часть дома	3,5	2,5	4,6
Отдельный дом	10,9	16,7	34,8

* Подсчет в группах сделан автором.

Таб. 8. Наличие удобств в домах трудящихся в 1983 г. (в %)

Виды удобств	Казань	Альметьевск	Мензелинск
Телефон	14,7	16,0	11,8
Центральное отопление	71,7	75,1	41,1
Ванная или душ	61,0	68,7	27,3
Газовая или электроплита	77,8	86,2	63,0
Канализация	70,1	71,6	27,2
Водопровод	76,7	78,1	33,1
Перечисленных удобств нет	9,3	3,0	26,2

В рамках исследования были также рассмотрены вопросы о состоянии здоровья и уровне заболеваемости работающего населения г. Казани, частота прогулок, выездов на природу, туристических путешествий жителей трех городов, учас-

тие их в общественной работе и ряд других.

Как видим, материалы социологических исследований представляют собой интересный источник по изучению социально-экономического и культурно-бытового поло-

жения различных групп населения республики. Данные проведенных в 1960–1980-е гг. опросов демонстрируют определенную поступательную динамику в развитии городов Татарии. Вместе с тем, трудно согласиться с авторами проведенных исследований, которые утверждали, что никакого отставания от других областей и республик не выявлено. Результаты анкетирования говорили сами за себя и показывали отставание по целому ряду позиций от общесоюзных показателей.

Сведения об авторе: Садыкова Римма Барыевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: rimma231265@mail.ru.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению социально-экономического положения Татарской АССР в 1960–1980-е гг. на основе данных социологических опросов, проведенных в республике в 1967, 1974–1975, 1983 гг. Ленинградским институтом социально-экономических проблем АН СССР и Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР в городах Казань, Альметьевск и Мензелинск.

Ключевые слова: Татарская АССР, социально-экономическое положение, социологические исследования, уровень жизни населения, социальные группы, Татарский обком КПСС, Казань, Альметьевск, Мензелинск.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the socio-economic situation of the Tatar ASSR in the 1960s and 1980s on the basis of the data of sociological surveys conducted in the republic in 1967, 1974–1975, and 1983. The Leningrad Institute of Socio-Economic Problems of the USSR Academy of Sciences and the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in the cities of Kazan, Almetyevsk and Menzelinsk.

Key words: Tatar ASSR, socio-economic situation, sociological research, standard of living of the population, social groups, Tatar Regional Committee of the CPSU, Kazan, Almetyevsk, Menzelinsk.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Галлямова А.Г. Советский период в истории татар и Татарстана // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 128.
- 2 Галлямова А.Г. Татарская республика в 1940–1980-е гг.: модернизация по-советски // Научный Татарстан. 2010. № 3. С. 60.
- 3 Государственный архив РТ (ГА РТ), ф. П-15, оп. 7, д. 110а, л. 2.
- 4 Там же, л. 7.
- 5 Там же, д. 270, л. 28.
- 6 Там же, д. 694, л. 1–4.
- 7 Там же, л. 9–12.
- 8 Там же, л. 49–52.
- 9 Там же, оп. 8, д. 178а.
- 10 Татарская энциклопедия: в 6 т. / Гл. ред. М. Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3. С. 156–157.
- 11 Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. – Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. Т. 1. С. 323.
- 12 Татарская энциклопедия: в 6 т. / Гл. ред. М. Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. Т. 4. С. 134.
- 13 ГА РТ, ф. П-15, оп. 13, д. 277.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Миннуллина Ф. Х., кандидат филологических наук

NEW PHENOMENA IN THE TATAR DRAMA OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES.

Minnullina F. Kh.

Татарская драматургия, активно развивавшаяся в период «хрущевской оттепели», по числу произведений и с точки зрения качества, жанрового многообразия и особенностей стиля отличается от предшествующих периодов. Татарские пьесы, появившиеся в 1960–1980 гг., показали перемены, назревшие во всех сферах жизни общества. «Драматургия шестидесятых годов и по своей основной проблематике, и стилевому своеобразию (особенно второй половины 60-х годов) стала базой для развития интеллектуальной драматургии 70-х гг., для которой характерны аналитическое мышление и стремление к глубоким философским и художественным обобщениям. Одна из существенных особенностей татарской драматургии этого периода заключается в том, что драматурги начали использовать лирико-поэтические средства, обращаться к условно метафорическим героям, использовать условности, элементы фантастики. В качестве примера можно указать пьесы «Смерть Смерти» («Үлемнең үлеме», 1973) Ю. Аминова, «Альмандар из Альдермуша»

(«Әлдәрмештән Әлмәндәр», 1976), «Если нет луны, есть звезды» («Ай булмаса, йолдыз бар», 1977) и публицистическую драму «У совести нет вариантов» («Моңлы бер жыр», 1981) Т. Миннуллина. В 1960–1980-х гг. татарская драматургия достигла значительных высот в своем развитии. Например, в жанре драмы углубился психологический анализ. Появились интересные произведения на историческую тематику; трагедии и драмы, посвященные историческим личностям. Татарская история нашла отражение в трагедии Н. Фаттаха «Кул Гали», драмах Т. Миннуллина «Бахтияр, сын Канкая», «Конокрад» и др. Стремление не ограничиваться традициями при раскрытии исторической тематики также привело к определенным успехам. Прежде всего, наблюдаются некоторые изменения в представлении концепции личности¹. Заслуживает внимания драма Ф. Хусни «Братья Тагировы», которая была написана в 1965 г., в годы разоблачения культа личности Сталина. Автор в своей пьесе вскрывает жестокость, недостатки общественного порядка: это

и безграничное самоуправство, политическая однобокость, ГУЛАГ, преступления против малых наций, крестьянства, интеллигенции. В драме «Конокрад» («Ат карагы», 1972) Т. Миннуллина в центре повествования находится трагическая судьба человека, промышлявшего кражей коней. Конокрад Сибгат в период революционного перехода не признает никакой власти и приходит к мысли, что и власть белых, и власть красных не приносят человеку ничего, кроме вреда. А. Ахмадуллин считает, что стремительный развал социалистической системы, утрата прочных позиций коммунистической идеологии в перестроечный период не случайны, немаловажная роль в этом процессе принадлежит драматургам шестидесятникам². В годы преобразований авторы обращаются к новым авангардным приемам, темам и образам. Новое авангардное течение привнесло в литературу концепцию сильной личности, противопоставив ее силе массы, характерной для соцреализма³.

Перестройка 1986 г. оказала сильное влияние на общественную жизнь, а также на литературу. Свобода слова позволила открыто говорить об актуальных проблемах, в связи с чем расширились и обогатились тематика и образная система татарской драматургии. Получили освещение запрещенные в советское время темы и проблемы: трагические последствия культа личности, несправедливость советской системы, судьба татарского народа. Процессы, происходившие в драматургии 1980–2000-х гг., были также

связаны с нарастающим процессом демифологизации истории, стремлением ликвидировать в ней «белые пятна». В эти годы определились ведущие тенденции, идейно-эстетические искания драматургии конца XX – начала XXI вв., раскрывающие пороки системы, призывающие людей к нравственности, поднимающие вопросы взаимоотношения народа и власти, личности и государства. В период преобразований татарская драматургия поднялась на новую ступень в освещении истории отдельного человека – на фоне изображения судьбы нации. В эти годы усилился интерес к историческим личностям и темам, социально-политическим событиям, происходившим в истории нашего народа: «Душа» («Бэгырь») И. Юзеева, «Мост над адом» («Сират купере», 1996) Р. Батуллы, «Идегей» («Идегэй», 1994) Ю. Сафиуллина, «Ханская дочь» («Хан кызы», 1995) Р. Хамида, «Звездопад» («Атылган йолдыз», 1998) Ф. Байрамовой, «Текут и текут облака» («Агыла да болыт агыла», 1999) Т. Миннуллина, «Акмулла» Ю. Сафиуллина, «Акмулла» (2008) Э. Ягудина и др. Исторические личности в этих пьесах – Кулшариф, Акмулла, Сююмбике, Кул Гали, Мухаммадьяр, Тукай и др. становятся символами самоопределения нации и служения народу. В таких пьесах, как «Выронила из рук белый калфак» («Ак калфагым төшердем кулымнан», 1990) И. Юзеева, «Домовой» («Бичура», 1988) М. Гилязова, «Разрушители», «Пара крыльев» Ю. Сафиуллина затронуты проблемы, связанные с изменениями национального самосоз-

нения, менталитета, состояния общества, со всей остротой поставлены актуальные проблемы сохранения этнокультурных традиций. Татарским драматургам удалось сконцентрировать свое внимание на злободневных проблемах, связанных с национальной проблематикой («Выронила из рук белый калфак» И. Юзеева, «Ильгизар+Вера» («Илгизэр+Вера», 1991), «Родословная» («Шәжәрә», 1998) Т. Миннуллина и др.). Например, в драме Т. Миннуллина «Родословная» судьба народа воссоздается через изображение истории жизни мурз, представителей высшего слоя татарского дворянства. В таких произведениях поднимались вопросы, запрещенные в советское время.

Основными проблемами, которые нашли отражение в произведениях современной татарской драматургии, являются проблемы смешанных браков, краха моральных приоритетов, пагубного влияния алкоголизма на судьбу человека, легкомысленного отношения молодежи к жизни, одиночества и др. Появляются новые жанровые разновидности, тесно связанные с духовными поисками времени, в которых отражается смена культурной парадигмы, распад прежних эстетических категорий и поиск новых. Одним из проявлений новых веяний является возросший интерес к изображению личности, находящейся в критической ситуации. После эпохи соцреализма, когда герои боролись и погибали за идеалы, в современной литературе наметилась иная крайность в освещении трагического. Стали преобладать образы обездоленных и униженных

персонажей, не способных к волевым поступкам в критической ситуации. Например, в трагедии А. Гилязова «Три аршина земли» («Өч аршын жир», 1987) рассматривается новая концепция трагической личности, не вписывающаяся в эти две крайности. Героя отличает несгибаемость и твердость духа в критической ситуации, активная жизненная позиция, что в совокупности является признаками свободной личности. А. Гилязов создал нового для татарской литературы героя – одинокую сильную личность, разрушающую все вокруг себя и обреченную на страдания. Писатель сумел достоверно изложить три его основные черты: герой по природе своей не способен подчиниться, он неуклонно стремится к своей цели и, наконец, не признает компромиссов. Герой пошел против обстоятельств, общепринятых канонов. С одной стороны, Мирвали – жертва существующих порядков, с другой – сделав выбор, сам вершит свою судьбу. Во время коллективизации он, образцовый хозяин и крепкий крестьянин, не хочет расставаться с добром, нажитым честным путем, и отказывается вступить в колхоз. Ночью сжигает все свое хозяйство, добро и сбегает вместе с женой с родной земли, обрекая Шамсегаян на муки, сделав ее тем самым несчастной. «Шамсегаян: Мне нужно лечить не тело, а душу... (обращаясь к Карачуре) – Я не смогла вернуться и передать вам слова, идущие из глубины сердца. Именно это заставляет меня сожалеть и страдать. Мы ведь ушли, так и не попрощавшись»⁴. По мнению М. Ха-

бутдиновой, «в имени Шамсегаян заключена семантика луча (нура) – истинного света. Долгие годы свет, льющийся из глаз жены, согревал героя, заменял солнце родной земли. Любовь и тепло Шамсегаян помогли Мирвали преодолеть «круг» обстоятельств его непутевой жизни, выйти с “кривой” дорожки на “прямую”»⁵. Через 40 лет Мирвали возвращается в родную деревню для того чтобы похоронить жену. Герои пьесы А. Гилязова представлены как жертвы, порожденные политикой насильственной коллективизации. Важную роль в произведении играют и символические образы, такие как ребенок, который не родился, дорога, Земля, Небо, Лес и Вода, Время и Память, Лошадь, помогающие раскрыть трагическую судьбу и страдания героев. Для А. Гилязова дорога является символом жизни, на которой происходит встреча героя с совестью и воспоминаниями, где раскрывается вся глубина человеческой трагедии. В пьесе А. Гилязова герой, стремившийся к внешней и духовной свободе, вступает в неразрешимое противоречие с обстоятельствами. Мирвали воспринимается как личность, попавшая в ситуацию разлада с жизнью, а потому обреченная на страдания. Следует отметить, что трагедия – жанр, мало распространенный в отечественной литературе, в отличие от комедии и драмы. Для литературы страны, пережившей множество исторических катаклизмов, – это трудно объяснимый факт. Разумеется, свою роль сыграла и жесткая идеология соцреализма, согласно которой трагическое

провозглашалось чуждым социалистическому искусству. В конце XX в. развитие жанра трагедии в татарской драматургии заметно активизируется. Можно назвать такие произведения, как «Три аршина земли» (1987) А. Гилязова, «Страна Белых корней» («Ак тамырлар иле», 1990) Р. Хамида, «Идегей» («Идегэй», 1994), «Перстень и кинжал» («Йөзек һәм хәнжәр», 1998) Ю. Сафиуллина, «В объятиях черта» («Шайтан кунентыгы», 1999) З. Хакима, «Сююмбике» («Сөембикә», 2002) М. Маликовой и др. К сожалению, к началу XXI в. татарская трагедия приходит в упадок. Причина нечастого обращения драматургов к жанру трагедии кроется, прежде всего, в сложности самого жанра. Для художественного воплощения общенародных, общечеловеческих трагедий, которые преподнес XX в., видимо, нужны новые формы. Деформация жанра трагедии в начале XXI в. наблюдается и в других литературах. Говоря об одной из особенностей современной русской драматургии, С. Г. Гончарова-Грабовская пишет: «Традиционно редки трагедии “в чистом виде”, хотя трагическое как эстетическая категория ощущается во множестве своих проявлений, в частности, в пьесах – “обработках” исторических и заимствованных из литературы прошлого сюжетов, в современных интерпретациях легенд и мифов»⁶. Еще одно проявление современной татарской драматургии – жанровая неопределенность, распространение необычных, экспериментальных форм. Здесь важно подчеркнуть такие моменты для драматургии дан-

ного периода, как эволюция жанровой модификации; существование и возможность разных способов взаимодействия драмы с другими жанрами. В современной татарской драматургии усиливаются процессы взаимодействия жанровых признаков драмы и комедии, драмы и трагедии, что приводит к «расшатыванию» жанровой структуры, утрате отчетливых жанровых границ. Так, драма активно использует элементы комедии и трагедии, а комедия – элементы драмы. Трагическое имеет определенную последовательность логико-эмоциональных стадий, в которых показан процесс трагических переживаний и гибели человека, для их обозначения используют такие понятия, как страдание, аффект, катарсис; в нем действуют определенные типы персонажей (образ Рока, Судьбы; трагический герой и противостоящий ему отрицательный персонаж; жертва; сложные и необратимые обстоятельства). Постепенно сложилось понимание того, что это наджанровая художественная форма с четкой структурой, системой персонажей и со своими особенностями развития сюжетных линий. Трагическое в татарской драматургии начала XXI в. переносится чаще на индивидуальную судьбу, хотя история татарского народа богата трагическими событиями, которые начали проникать в образный мир национальной литературы. Сущность трагического составляет противоречие между общественными и личными интересами, которые последовательно отстаивают герои, и практической невозможностью их осуществления

в столкновении с внешними силами, что приводит к тяжелым внутренним переживаниям или гибели этих героев. Несогласие с миром, где царит зло, протест против собственной обреченности приводят героя к экзистенциальному одиночеству. Столкновения характеров на этой основе полны трагизма, что нашло отражение и в пьесах, написанных в жанре драмы. Трагическое воссоздается в драмах «Выронила из рук белый калфак» (1990) И. Юзева, «Прощайте!» («Хушыгыз!»), (1993) Т. Миннуллина, «Женщины 41-го» («41-нең арбалы хатыннары»), (1994) З. Зайнуллина, «Мулла» (2006) Т. Миннуллина, «Ошибка молодости – рана сердечная» («Яшьлек хатам – йөрәк ярам», 1998) Д. Салихова, «Бурлаки» (1990), «Рана» («Яра», 2003).

Некоторые современные авторы стремятся освободиться от жанровых канонов, произвольно уточняя жанровые формы своего произведения. Например, пьеса из двух актов (З. Хаким, «Ускакал конь в Казань» («Чапты атым Казанга»), 1999), драма для одного человека (Д. Салихов, «Хурмату нужно уважение» («Хөрмәткә хөрмәт кирәк»), 1989), музыкальный рассказ из жизни театра в двух частях (Г. Каюмов, «Рождение...» («Туу»)), ломаный белый стих (Г. Каюмов, «Он...» («Ул»)), драматический дастан-гипотеза (Г. Каюмов, «Ыру...»), фантасмагория (Г. Каюмов, «Мурза» («Морза»)) и т. д., в которых отражается характер перемен. В то же время, за последние десятилетия появилось много интересных монопес (или

монодрам), фантасмагорий, мелодрам. Монодрама представляет собой развернутый монолог, который может обращаться к зрителю, к присутствующему безмолвному персонажу. Если обратиться к типологии монологов, монодрама – это синтез «обращенных» монологов, беседа: «Я – монолог» плюс «Ты – монолог» в самых разных сочетаниях. Например, пьесы «Пыль на большой дороге» («Олы юлныц тузаны», 1989) Р. Хамида и «Хурмату нужно уважение» Д. Салихова – это лирические монологи, в которых происходит самораскрытие чувств через призму психологического, душевного состояния героя.

Под влиянием европейской и русской сценической литературы в татарскую драматургию проникают новые течения – «театр зла», «театр смеха», «театр абсурда». Драматурги, опираясь на философию одиночества, подчеркивают мысль о том, что общество становится причиной одиночества человека. Такие пороки современного общества, как пьянство, бездеятельность, неспособность адаптироваться к современным реалиям, позволяют раскрыть трагедию героев. Как пишет А. Закирзянов, в современном татарском литературоведении усилилось стремление оценивать литературный процесс или творчество отдельного писателя с точки зрения принадлежности его к тому или иному направлению и течению. В связи с этим, нашли довольно широкое применение термины, уже сформировавшиеся в русской и мировой литературе – символизм, экзистенциализм,

модернизм, постмодернизм и др.⁷ Постмодернизм в 90-е гг. XX в. стал «мощной художественной сентенцией, влияние которой испытывают буквально все иные направления и течения»⁸. Д. Загидуллина, А. Закирзянов, А. Шамсутова, Л. Юзмухаметова считают, что модернизм и постмодернизм свойственны татарской литературе конца XX – начала XXI вв. По мнению А. Шамсутовой, постмодернизм в татарской художественной литературе берет начало в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда «усилилось стремление мыслить по-новому, отойти от строгих требований метода социалистического реализма»⁹. Нужно сказать, что в пьесах Т. Миннуллина, З. Хакима, М. Гилязова, Р. Хамида, Амануллы и др. прослеживается сочетание традиционных и современных приемов, форм-средств. Например, в пьесах З. Хакима «Летающая тарелка», «В объятиях черта» используются приемы постмодернизма. К ним относятся элементы абсурда, игры, фрагментарность, раздвоение личности, ощущение кризиса и т.д. По мнению А. С. Богомолова, под абсурдом принято понимать и экзистенциальное противостояние мира и человека, и множество недоступных нашему сознанию смыслов¹⁰. Драма абсурда передает чувство шока, возникающего при осознании полной бессмысленности действительности, человеческого существования. В связи с этим заслуживает внимания фантастическая трагикомедия А. Халима «Кража жениха» («Кияү урлау», 2006), написанная в форме абсурда. Высоко оценивая эту пьесу,

А. Ахмадуллин пишет, что произведение обогащено сюрреалистическими элементами и является одним из первых успешных опытов подобного рода в национальной драматургии¹¹. Черты модернистского направления в татарской драматургии нашли отражение в драме Т. Миннуллина «Моя Танзиля» («Тәнзиләкәй»). Это явственно видно в оценке действительности сквозь двухуровневую модель мира, в противоречии героя с законами бытия и его стремление жить в придуманной им действительности, изображение бессмысленности жизни, иллюзорности счастья. Использование игры как приема гротескного изображения жизни характерно для произведений И. Юзеева, Т. Миннуллина, З. Хакима, Ю. Сафиуллина, Ф. Байрамовой, Р. Хамида, Амануллы, М. Гилязова, Д. Салихова, И. Зайниева и др. В них человек рассматривается как свободный субъект игры и, в то же время, как марионетка в неожиданных ситуациях, а также прослеживается сочетание традиционных и нетрадиционных современных приемов, форм-средств. В пьесах используются условно-ассоциативные образы, ставшие литературным приемом гротескного изображения жизни. Например, дом – сумасшедший дом Д. Салихова («Богом проклятый дом» («Алла каргаган йорт»), 1990), Ф. Байрамовой («Действие происходит в сумасшедшем доме» («Вакыйга жүләрләр йортында бара»), 1998), З. Хакима («Морковное поле», 1991–1993; «Сумасшедший дом», 1995) и дом – деревня М. Гилязова («Баскетболист», 2002) выступают

как модель тоталитарного режима. Модель дома-деревни Баткаклы в комедии М. Гилязова «Баскетболист» выполняет функцию политического пародирования. Прослеживается тенденция критического осмысления постсоветской действительности. В годы перестройки в драматургии усилилась критика советского строя. В пьесах «Сумасшедший дом» З. Хакима, «Действие происходит в сумасшедшем доме» Ф. Байрамовой, «Богом проклятый дом» Д. Салихова проблемы советского времени нашли воплощение в метафорическом образе дома.

Некоторым художественным произведениям конца XX – начала XXI вв. свойственно одновременное сочетание мифологического, романтического и символического мышления¹². Например, в трагедии З. Хакима «В объятиях черта» показан мифологический образ Черта, который дает возможность раскрыть реальную действительность. Образ Черта – это воплощение зла, с которым борется человек. В пьесе З. Хакима речь идет об истории влюбленных – Разима и Фанзили. Окончив школу, Фанзиля уезжает в город учиться. Молодая девушка постепенно попадает под влияние соблазнов городской жизни. В душе девушки поселяется черт-шайтан в облике мужчины. Ильгиза-Шайтана видит только сама девушка. В результате она не только общается с ним, но и влюбляется в него. У девушки развивается раздвоение личности. Подобные события происходят и с Разимом. Парень, увлекшись девушкой Ильгизой-Шайтан,

по ее наущению втягивается в омут пьянства. Черт в человеческом виде манит молодых в пропасть. Название трагедии также дает представление о нечистом месте, которое выражено преимущественно чертовым названием, несущим смысл присутствия чего-то опасного. Чертов омут – это место на реке, где никто не может достичь дна. Люди обходят стороной эту местность, так как, согласно поверью, здесь можно навлечь на себя болезнь, несчастье или смерть. По наущению Шайтана Разим и Фанзиля бросаются в Чертов омут и погибают. Жизненная модель вобрала в себя два мира: один – мифический, где живет Ильгиз-Шайтан и Ильгиза-Шайтан, второй – реальный, со свойственными ему будничными событиями; и герои легко перемещаются из одного мира в другой. В пьесе идут поиски не внешних факторов, приводящих к жизненной трагедии героев, а внутренних предпосылок и личных мотивов. Воплощенные в образе чертей Ильгиз и Ильгиза раскрывают нам темную сторону сущности человека. Через раздвоение личности показана душевная борьба главных героев между добрым и злым началом. По мнению О. В. Журчевой, черт – это олицетворение зла, он никогда не выступает в качестве благодетеля¹³. Но с этим утверждением можно и не согласиться. Например, в трагикомическом фарсе З. Хакима «Черт попутал» («Жен бутады», 1991) используется гротеск, один из приемов театра абсурда, когда образ трансформируется и черт изображается милосердным, добрым. Черт, проживший

2084 года, принесший людям много зла, начинает превращаться в доброе существо. Причиной этих изменений стало то, что на земле гораздо больше безнравственных людей. Также в пьесах наблюдается сочетание натурализма с гротескными интеллектуальными метафорами, постмодернистская игра, вовлечение в тексты мифов и литературных архетипов. Еще одной особенностью современной татарской драматургии является активное обращение авторов к классике, создание современных версий известных сюжетов. Популярными становятся ремейки или пьесы, написанные по мотивам известных произведений. Появляются произведения, вступающие в открытый или скрытый диалог с текстами предшественников (литературные мистификации, пародии, продолжения, стилизации, цитирование и др.), что, очевидно, можно отнести к продуктивной или креативной рецепции. Характерными примерами креативной рецепции стали так называемые инсценировки-переосмысления. На сцену Татарского государственного академического театра им. Г. Камала, наряду с традиционными спектаклями, вышло большое количество инсценировок, созданных на основе известных прозаических произведений («Фатхулла хазрат» Ф. Амирхана, «В вороньем гнезде», «Чайки» Ш. Камала, «Агидель» М. Амира, «Огонь неугасимый» А. Абсалямова, «Судьба татарки» Г. Ибрагимова, «Три аршина земли» А. Гилязова, «Перстень» Ф. Хусни, «Весенние ветры» К. Наджми). Также большим успехом пользовалась инсце-

нировка И. Мухаметгалиева «Осень» (по повести Г. Исхаки), поставленная режиссером Ф. Бикчантаевым на сцене Уфимского государственного татарского театра «Нур». Режиссер и руководитель татарского молодежного театра Ф. Хабибуллин вывел на сцену инсценировку И. Салахова «Скользкая переправа» и др. Использование прозаических произведений – активно развивающееся явление современной татарской драматургии. Театр заинтересован в произведениях, в которых ставятся серьезные социальные проблемы. Проза сыграла существенную роль в развитии национального сценического искусства и внесла огромный вклад в сокровищницу татарского театра. Многие спектакли конца XX – начала XXI вв. были созданы именно на подобном материале: «Мужланка» Ю. Сафиуллина, «Нежданное несчастье» Ф. Садриева и Ф. Гараева, «Правитель» Р. Зайдуллы и Р. Сабирова, «Рана» М. Гилязова, «Кукольная свадьба» Р. Хамида и М. Гилязова, «Жизнь ли это?» Г. Исхаки, «Взлетел петух» А. Гилязова, «И дольше века длится день» Ч. Айтматова и др. Разумеется, любая подобная пьеса обречена на сокращение текста с сохранением при этом темы и основной идеи оригинала. Наиболее продуктивной стратегией стало использование сюжетной схемы, полной или частичной системы персонажей классического произведения в оригинальной пьесе современного автора. Подобная стратегия встречается в пьесе Р. Хамида и М. Гилязова «Кукольная свадьба» («Курчак туе», 2009). Драматурги

с помощью «чужого текста», принятого и репродуцированного на разных смысловых и структурных уровнях, могут увидеть, как в новой драме проявляется художественное осознание времени. Наличие различных эстетических установок придает драматургии сложный жанрово-стилевой характер. Все это дает основание говорить о том, что современная татарская драматургия перешла на новый этап, во многом экспериментальный, в котором можно выделить традиционную и нетрадиционную драмы. К традиционной линии драматургии относится реалистическая драма, образцы которой создавало и продолжает создавать старшее поколение драматургов, раскрывающих жизненные перипетии современности. Нетрадиционная постреалистическая драма отражает духовную и реальную нищету общества, грубость и жестокость, нравственную деградацию общества. Татарская драма конца XX – начала XXI вв. тематически развивается в двух направлениях: отображение исторического прошлого и современности. Драма представила огромное разнообразие характеров, конфликтов и обстоятельств, где отражается история народа. В пьесах запечатлеваются, прежде всего, наиболее острые, напряженные моменты и пронзительно неблагоприятные, положительные герои. Острые проблемы общества раскрываются в следующих аспектах: взаимная обусловленность судеб страны и народа; своеобразие взаимоотношений общества и человека; духовный мир человека в общенациональном контексте.

Стремление к духовности в противоречии с реальностью вызывает трагические конфликты, в основе которых лежит борьба духовного и бездуховного в человеке. В ситуации смены ценностных ориентиров, пересмотра прежних идеалов и норм драматургии предложили свою картину мира, своих героев и свои темы. Обновление в татарской драматургии было достигнуто через: 1) показ духовного кризиса, одиночества героя; 2) использование приема абсурда для разоблачения, показ абсурдности жизни; 3) обращение к категории игры; 4) сочетание на-

турализма и гротескных метафор; 5) трансформацию отдельных жанров; 6) обращение к инсценировкам, созданным на основе литературных произведений разных жанров. Это позволяет говорить о новом этапе в развитии татарской драматургии, которая пытается найти свой путь в новом культурном пространстве. Поиск сопровождается активными эстетическими исканиями авторов, сосуществованием многообразных художественных направлений, традиционных и авангардных форм, новых стилей и жанров.

Сведения об авторе: Миннуллина Фатыма Халиулловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, e-mail: minnullina77@mail.ru.

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей жанра драмы в контексте новых явлений в современной татарской драматургии. Особое внимание уделяется эволюции жанра драмы, ее модификаций, взаимодействию с другими жанрами, а также способам отражения действительности, поискам авторами новых изобразительно-выразительных средств и т. д.

Ключевые слова: драматургия, драма, герой, жанр, пьеса, конфликт.

Abstract: The article is devoted to the study of the features of the genre of drama in the context of new phenomena in modern Tatar drama. Particular attention is paid to the evolution of the genre of drama, its modifications, interaction with other genres, as well as ways of reflecting reality, the authors' search for new pictorial and expressive means, etc.

Key words: drama, hero, genre, play, conflict.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия: история и проблемы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. С. 342.
- 2 Там же.
- 3 Заһидуллина Д. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. Б. 3, 5.
- 4 Гыйләжев А. Өч аршын жир // Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. Б. 57.
- 5 Хабутдинова М. М. Национальный миф в повести Аяза Гилязова «Три аршина земли» // Филология и культура. 2009. № 1 (16). С. 104.
- 6 Гончарова-Грабовская С. Г. Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. С. 64.
- 7 Закирьянов А. Отношение к модернизму и постмодернизму в татарском литературоведении // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 19.
- 8 Лейдерман Н. «Магистральный сюжет». XX век как литературный мегацикл // Урал. 2005. № 3. С. 235–239.

- 9 Шамсутова А. «Постмодернистская концепция» в татарской литературе // Ученые записки ТГГИ. 2003. № 11. С. 14.
- 10 Богомолов А. С. Современная буржуазная философия и религия. – М., 1998. С. 253.
- 11 Ахмадуллин А. Г. Татарская драматургия: история и проблемы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. С. 76.
- 12 Закирзянов А. Отношение к модернизму и постмодернизму в татарском литературоведении // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 18.
- 13 Журчева О. В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. С. 117–121.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МУСЛЮМОВСКИЙ РАЙОН И ВОСТОЧНЫЙ
ТАТАРСТАН: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ
(ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ, ЯЗЫКИ, ТРАДИЦИИ
И НОВАЦИИ)»**

Корева Н. А., кандидат исторических наук

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC-PRACTICAL, HISTORICAL
AND LOCAL HISTORY CONFERENCE «MUSLYUMOVSKY
DISTRICT AND EASTERN TATARSTAN: FROM THE PAST
TO THE PRESENT (ETHNOCULTURAL DEVELOPMENT,
LANGUAGES, TRADITIONS AND INNOVATIONS)»**

Koreeva N. A.

С 19 по 22 мая 2021 г., в рамках подготовки к празднованию 300-летия с. Муслюмово, межрегионального Сабантуя на р. Ик и Всероссийского сельского Сабантуя, руководством Муслюмовского района и Всемирным конгрессом татар была организована Всероссийская научно-практическая, историко-краеведческая конференция «Муслюмовский район и Восточный Татарстан: от прошлого к настоящему (этнокультурное развитие, языки, традиции и новации)». Девизом конференции стал лозунг: «Родной язык и единство народа – залог благополучия и процветания!»

Первый этап конференции проходил в районном центре с. Муслюмово Республики Татарстан с 19 по 20 мая, второй – в с. Тюменяк и г. Туймазы Республики Башкор-

тостан с 21 по 22 мая. В ней приняли участие ученые, учителя, краеведы-исследователи, музейные работники, общественные деятели из самых разных регионов России – Поволжья, Урала, Западной Сибири.

В первую очередь обратила на себя внимание необычно составленная программа конференции, в которой, наряду с типичным списком ее участников и регламентом выступлений, размещен солидный справочный аппарат, содержащий сведения об истории образования Муслюмовского района, его административно-территориальном делении, геологическом строении и рельефе местности, климате, природных ресурсах, состоянии экономики, системы образования, культуры, государственных символах, истории создания краевед-

ческого музея. В программе также опубликованы список памятников историко-культурного наследия района, информация, предоставленная председателем Ассоциации содействия патриотическому воспитанию и поисковой работе «Клуб воинской славы» М. В. Черепановым, о 428 уроженцах района – участниках Великой Отечественной войны, награжденных посмертно. Данные приложения к программе, на наш взгляд, могут служить отправной точкой для дальнейших краеведческих изысканий, направленных на восполнение пробелов в истории ряда населенных пунктов.

Конференция открылась встречей участников и гостей с главой Муслюмовского района Р. Х. Муллиним, который в основных чертах рассказал о современном состоянии и перспективах развития сельского хозяйства, промышленности, социальной сферы района, ответил на вопросы присутствующих. Затем была организована экскурсия по достопримечательностям с. Муслюмово, состоялось посещение литературного, краеведческого музеев, Мемориального комплекса боевой и трудовой славы, набережной р. Ик, мечети, Центра внешкольной работы и других объектов, где гостей и участников конференции встречали сотрудники, местные фольклорные коллективы с музыкальными выступлениями. В фойе Дома культуры была организована выставка книг, посвященных истории и культуре района.

В основной день конференции, после регистрации участников

и выдачи раздаточного материала с книгами и программой, начались секционные заседания, в которых были подняты проблемы истории района и сопредельных территорий. Отметим лишь несколько наиболее интересных докладов, посвященных, во-первых, истории марийских населенных пунктов Восточного Татарстана: З. Д. Мандиярова (учитель истории Мари-Булярской школы Муслюмовского района РТ) на примере исчезнувшего поселка Сталино и нескольких ближайших деревень показала особенности протекания процесса ассимиляции марийцев среди русского и татарского населения, причиной которой, по ее мнению, стали утрата родного языка, отказ называть детей марийскими именами; Е. Т. Ирдуганова (краевед-исследователь из с. Мари-Суксы Актанышского района РТ) рассказала о краеведческой литературе, выпускаемой по истории марийских сел Муслюмовского района РТ; во-вторых, поднимались проблемы изучения истории небольших этноконфессиональных групп Татарстана – с докладом о крещеных татарах с. Новые Усы Муслюмовского района выступил краевед И. Р. Габдуллин (с. Чекмагуш Республики Башкортостан); в-третьих, исследование переселенческого движения среди татар – докладчик С. Л. Кучумов (краевед-исследователь из г. Прокопьевска Кемеровской области) изучил процесс переселения татар Волго-Уральского региона в 1920–1930-е гг. в Кузбасс, выделив в качестве основных причин голод, раскулачивание, вербовку на шахты

и строительство железной дороги; в-четвертых, звучали доклады об истории экономического развития Муслюмовского района – краевед М. Х. Ибрагимов (г. Уфа) рассказал о влиянии НЭПа на развитие Татарии и Башкирии, докладчик Н. И. Сайдашев (краевед из г. Лениногорска РТ) рассказал о роли нефтедобычи и нефтяников в строительстве асфальтированной автодороги через с. Муслюмово; в-пятых, затрагивались вопросы изучения истории школ района – докладчик М. А. Нагимов (учитель из с. Большой Чекмак Муслюмовского района) обратил внимание собравшихся на методику сбора материалов по истории школ, на значимость краеведения в системе воспитания подрастающего поколения.

Несколько докладов были связаны с периодом Средневековья и Нового времени – Р. Ф. Масагутов (председатель исполкома Общества татарских краеведов Башкортостана, г. Уфа) ознакомил участников конференции с особенностями формирования тептярей как этносоциальной группы; О. В. Степанов (краевед, г. Казань) в своем выступлении дал характеристику средневековым татарским монетам, зачитал перед собравшимися памятку о том, что нужно предпринять в случае обнаружения монетного клада; доклад научного сотрудника Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ кандидата исторических наук Н. А. Кореевой (г. Казань) был посвящен развитию торговых связей между населенными пунктами Казанской и Оренбургской

губерний в первой половине XIX в.; выступление краеведа Р. М. Хамидуллиной на татарском языке было посвящено истории с. Иж-Бобья Агрызского района РТ и проблеме сохранения его историко-культурного наследия (в частности, мечети, в которой в советские годы был размещен санаторий).

Во всех секциях происходило обсуждение истории населенных пунктов бассейна р. Ик и сопредельных территорий – Мензелинского, Азнакаевского, Муслюмовского и др. районов; участники конференции говорили об особенностях музейно-краеведческой и туристической работы, поднимали вопросы изучения и сохранения объектов природы и памятников историко-культурного наследия, проблему возрождения народных традиций и обычаев.

Практически все доклады сопровождались презентациями, участники конференции обменивались опытом, активно обсуждали темы, презентовали выпущенные ими книги, делились опытом работы их создания. Сами выступления были хорошо структурированы, обладали должным уровнем подачи материала, докладчики опирались на архивные источники и опубликованную литературу. Объем изученного краеведами материала позволяет сделать вывод об их существенном вкладе в изучение истории населенных пунктов Татарстана и сопредельных территорий, а проведение подобных конференций позволяет им обмениваться опытом, контактировать друг с другом и с учеными.

После секционных заседаний состоялось итоговое пленарное заседание, на котором выступили с приветствиями: Д. Ф. Загидуллина (вице-президент АН РТ, академик АН РТ, доктор филологических наук, профессор), И. Ю. Аминов (депутат Государственного Совета РТ, председатель Телерадиокомпания «ТНВ-Новый Век»), Ф. Г. Галимов (руководитель Всероссийской общественной организации «Татарские села России», г. Туймазы, Республика Башкортостан), Н. С. Еремейкина (председатель Национально-культурного центра «Калмаки», Кемеровская область), С. М. Газизьянова (председатель РОО «Общество татарских краеведов», г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл) и др.

Отметим лишь некоторые доклады, прозвучавшие на пленарном заседании: А. А. Бурханов выступил с презентацией, освещавшей некоторые вопросы изучения археологических памятников в бассейне р. Ик, им была поднята проблема использования уникальных объектов природы и памятников историко-культурного наследия Муслюмовского района в процессе написания трудов по истории населенных пунктов.

И. Г. Закирова (доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества ИЯЛИ АН РТ, г. Казань) рассказала о результатах научной экспедиции Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ в Муслюмовский район, а также о выпущенной недавно книге, повествующей о национально-культурном наследии жителей с. Муслюмово.

Доклад уже упоминавшегося нами Р. Ф. Масагутова был посвящен истории с. Муслюмово и особенностям работы с историческими источниками (в частности, ревизскими сказками). Выступил также М. В. Черепанов с докладом «Уроженцы Муслюмовского района, награжденные посмертно» и др.

Таким образом, круг поднятых проблем был очень широк и охватил почти все сферы общественной жизни многонационального Муслюмовского района как в прошлом, так и настоящем. Были обозначены перспективы изучения некоторых тем, подчеркнута важность дальнейшего изучения историко-культурных памятников, архивных источников, жизни выдающихся земляков, а также совместной деятельности ученых, краеведов, общественных деятелей, представителей органов власти, средств массовой информации и туристических структур. Практически единогласно была принята резолюция.

Второй этап конференции проходил в форме научно-методического семинара по проблемам истории населенных пунктов, вопросам развития этнотуризма и татарского краеведения. Местом проведения был выбран музейно-туристический комплекс «Бабай утары» в с. Тюменяк. Ведущими были А. А. Бурханов и Ф. Г. Галимов. На семинаре обсуждались вопросы, связанные с методикой изучения архивных материалов (ревизских сказок, метрических книг, посемейных списков), необходимых для краеведения; проблемы, касающиеся создания и де-

тельности музеев (отметим доклад научного сотрудника Иске-Казанского государственного природного и историко-культурного музея-заповедника Л. А. Ахромовой). Была поднята также проблема происхождения этносословных групп татар и башкир в Волго-Уральском регионе (один из докладчиков – Р. Ф. Масагутов), которые вызвали живой интерес участников конференции, задававших вопросы и предлагавших альтернативные точки зрения (отметим реплики гостей из Республики Башкортостан – Р. Р. Асылгужина и А. Ш. Ярмуллина).

Для работников музеев был проведен научно-методический семинар по вопросам стратегии регионального и сельского туризма. Заверше-

нием конференции стало награждение наиболее активных участников сертификатами, благодарственными письмами, грамотами и медалями Всемирного конгресса татар.

Приятным и запоминающимся событием стала культурная программа завершающего этапа конференции – возложение цветов к бюсту Г. Тукая, посещение Татарского общественного историко-культурного центра «Тюменяк», экскурсия по объектам комплекса «Бабай утары», посещение родников, одного из предприятий Башкортостана, Туймазинского государственного татарского драматического театра и других достопримечательностей. Отметим высокий уровень организации мероприятия.

Сведения об авторе: Корева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: KoreevaNata@mail.ru.

**НОВЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК
О ДОКТОРАХ НАУК, ПРОФЕССОРАХ КАЗАНСКОГО
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Суслов А. Ю., доктор исторических наук

**NEW BIOGRAPHICAL DIRECTORY OF DOCTORS,
PROFESSORS OF THE KAZAN TECHNOLOGICAL UNIVERSITY**

Suslov A. Yu.

Издание биографического справочника о профессорах, докторах наук Казанского национального исследовательского технологического университета¹ продолжает замечательные традиции историко-мемориальной работы, которая долгие годы ведется в вузе под руководством доктора химических наук, заслуженного деятеля наук России и Татарстана, члена-корреспондента АН РТ В. П. Барабанова. В КНИТУ постоянно проводятся памятные мероприятия, функционирует музей вуза, мемориальные кабинеты академика А. Е. Арбузова и члена-корреспондента АН СССР П. А. Кирпичникова, выходят книги, посвященные истории университета, биографиям выдающихся ученых и организаторов вузовской жизни.

Предыдущий справочник был издан в 2000 г.² С этого времени в университете произошли большие изменения – присвоен новый статус «национального исследовательского», открылись десятки новых кафедр, факультетов и образовательных программ, появился целый ряд

новых сотрудников, защитивших докторские диссертации. Появилась необходимость в обновлении и дополнении данных, переработке статей и выпуске нового издания.

Символически выход справочника в 2020 г., когда КНИТУ отметил сразу несколько памятных дат: 130 лет основания Казанского соединенного промышленного училища, с которого отсчитывается свою историю университет, а также 90 лет создания Казанского химико-технологического института им. А. М. Бутлерова (с 1935 по 1992 г. им. С. М. Кирова). Совсем недавно, в 2019 г., отмечалось 100-летие Политехнического института (2 апреля 1919 г. Казанское промышленное училище преобразуется в Казанский политехнический институт). За время существования университета подготовлено более 200 тыс. специалистов.

И, конечно, же, в неразрывной связи с этими праздничными датами находится 100-летний юбилей Республики Татарстан. Выступая 1 сентября 2011 г. в КНИТУ, Президент Татарстана Р. Н. Минниханов

подчеркнул: «Республика Татарстан по праву считается ведущим нефтехимическим регионом нашей страны, мы реализуем множество амбициозных задач и проектов. Поэтому для нас очень важна образовательная и научная база, нам нужны люди, которые позволили бы сохранить наши позиции. Мы поняли, что только образованная нация, образованные страны будут конкурентоспособны. В первую очередь, успех региона определяет уровень подготовки кадров, и этим Татарстан может гордиться». Выпускники Технологического университета работают в ведущих отраслях промышленности Республики Татарстан – химической, нефтяной, машиностроительной, пищевой и других. Крупнейшие химические и нефтехимические заводы, производственные объединения в основном укомплектованы инженерно-техническими работниками – выпускниками КНИТУ. Роли университета в подготовке кадров для самых разных отраслей экономики Татарстана посвящена специальная книга, также вышедшая в 2020 г.³

Как отмечает в предисловии профессор В. П. Барабанов, «справочник – это источник информации, нередко уникальной, не только о каждом из включенных в него лиц, но и о жизни вуза в целом. Он показывает, как складывался в течение целого столетия путь развития первого в Казани инженерно-технологического высшего учебного заведения, демонстрирует преемственную связь между ведущими учеными, научными школами и направлениями университета, позво-

ляет оценить их вклад в российскую и мировую науку»⁴. Перед читателем проходит яркая галерея ученых, исследователей, многие из которых являются членами Академии наук России и Татарстана, лауреатами Государственных премий, удостоены правительственных наград. Университет по праву гордится именами А. Е. и Б. А. Арбузовых, Н. С. Ахметова, С. Г. Дьяконова, Г. Х. Камая, А. А. Кирсанова, А. Г. Лиакумовича, П. А. Кирпичникова, И. И. Поникарова, А. Г. Усманова и многих других. В справочнике представлены и профессора Ленинградского технологического института им. Ленсовета, работавшие в Казани в годы эвакуации в составе объединенного вуза (1941–1944 гг.). Вместе с тем, в книгу включены и современные молодые талантливые сотрудники КНИТУ, доктора наук, ряд из которых только перешагнул 30-летний рубеж. Именно в их руках находится дело продолжения традиций Технологического университета.

Составители издания – А. В. Кириченко, Н. Н. Денисенко, А. И. Вафина, А. А. Александров, Т. И. Стоянова, Е. Н. Яшина – привели сведения о 491 докторе наук, профессорах, работавших ранее или продолжающих трудиться в настоящее время в КНИТУ. Информация дана на 1 октября 2020 г. Основой послужили материалы биографических анкет, справочная литература прошлых лет. Статьи содержат сведения о дате и месте рождения и смерти ученого, образовании, трудовом пути, научных достижениях и наградах. В большинстве случаев публикуется

фотография. Хочется отметить прекрасное полиграфическое качество издания. Оно, бесспорно, привлечет внимание не только историков науки, но и всех, кто интересуется историей Татарстана и отечественной высшей школы.

Безусловно, сбор и систематизация большого объема биографических сведений за длительный исторический период не может обойтись без пробелов и неточностей. К сожалению, не попали в справочник профессора А. Л. Литвин (заведовал кафедрой научного коммунизма КХТИ в 1979–1985 гг.), А. А. Азанова, П. И. Гайденко, Ю. З. Камалтынов, А. Ф. Кемалов, С. С. Кудрявцева, А. С. Поникарова, Н. С. Русанова, Р. А. Садыков, Э. В. Черняк, Р. Х. Хузиахметов, А. М. Шамсутдинов, С. В. Шилова. Станным выглядит указание г. Чкалов как место рождения профессора Х. М. Муштари

в 1900 г. (с. 184), правильно – г. Оренбург; г. Самара как место рождения профессора А. В. Клинова в 1969 г. (с. 132), правильно – г. Куйбышев; г. Душанбе как место рождения профессора Л. А. Бургановой в 1950 г. (с. 45), правильно – г. Сталинабад. Не отмечена дата смерти профессоров Н. М. Лебедевой (4 декабря 2001 г.), Н. Ф. Миляшова (7 июня 2005 г.), Н. С. Ганиева (10 декабря 2007 г.), Г. В. Мухаметзяновой (15 октября 2013 г.) и ряда других. Объем информации о некоторых персоналиях существенно отличается от остальных. Однако эти недочеты несколько не снижают значения большой и ценной работы, проделанной составителями справочника. Несомненно, она будет продолжена и найдет отражение в новых изданиях, посвященных истории Казанского технологического университета.

Сведения об авторе: Сулов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления истории и социологии, ФГОУВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»; ведущий научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: plusha131333@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Профессора, доктора наук. Политехнический институт – КХТИ – КГТУ – КНИТУ (1919–2020) / Краткий биографический справочник. – Казань: КНИТУ, 2020. 304 с.
- 2 Профессора, доктора наук. Политехнический институт – КХИ – КГТУ (1919–2000). Краткий биографический справочник. – Казань: КГТУ, 2000. 184 с.
- 3 Барабанов В. П., Коршунова О. Н., Сулов А. Ю. Технологический университет – родному Татарстану: 1920–2020. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2020. 160 с.
- 4 Профессора, доктора наук. Политехнический институт – КХТИ – КГТУ – КНИТУ (1919–2020) / Краткий биографический справочник. – Казань: КНИТУ, 2020. С. 3.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 22.00.00 (социологические науки). При подаче материала в редакцию вы должны учесть следующие требования:

1. Наличие сопроводительного письма автора на имя главного редактора (отдельным файлом), которое должно содержать просьбу автора о публикации, информацию о том, что текст предлагаемой статьи не направлялся в другие издания и проверен им лично на соблюдение этики научных публикаций.

2. Требования к оформлению публикации. Текст должен быть набран в Microsoft Office Word (редактор Microsoft Office Word 1995 – 2003, не использовать Word 2007, Word 2008, Word 2010) без каких-либо элементов форматирования, переносов, рамок, линеек и др. Шрифт «Times New Roman»; основной текст - кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля - 2,5 см; левое поле - 3 см; правое поле - 1,5 см; отступ (абзац) - 1,5 см; параметры абзацев устанавливать только автоматически с помощью опций меню «абзац»; не вводить нумерацию страниц текста; не пользоваться колонтитулами, линейками, рамками, ручными переносами и отступами; исключить лишние пробелы, обязательно проверка орфографии. Ссылки на источники и литературу должны быть концевыми, иметь автоматическую нумерацию арабскими цифрами. Они должны содержать ФИО автора работы, название, год и место издания, ссылку на страницы. В том случае, если ссылка на архивный источник, она должна содержать полное наименование архива (без сокращений), номер фонда, описи и листы дела. Текст статьи должен содержать УДК, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Объем аннотации не менее 7-8 и не более 20 предложений. Ключевые слова должны включать 5-8 понятий. Перевод на английский язык с использованием автоматических интернет-переводчиков недопустим.

Общий объем материалов (включая текст статьи, примечания, аннотации и ключевые слова) - от 8 000 знаков с пробелами до 30 000 знаков с пробелами (до 0,8 авторского листа).

Аспиранты и докторанты, при желании, могут в комплекте со статьей присылать в редакцию электронные копии документов (в формате ПДФ или jpg), подтверждающие закрепление темы, сведения о научном руководителе (консультанте).

Статьи направлять на эл. адрес:

info-ite@mail.ru с пометкой «Научный Татарстан».